

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

07

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
[2007 — 1\(5\)](#)

СОДЕРЖАНИЕ

[К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ А. С. ПУШКИНА](#)

Михаил Юрьевич Лермонтов. Смерть поэта3

[АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА](#)

Эдуард Георгиевский. Акулина5

Юлия Зябрева. Миражи12

Валентина Россинская. Ванечка17

Сергей Ефанов. Друг. Жизненные несправедливости, или школа разведчиков
для мам. Три желания22

Ирина Пархоменко. Эхо29

[ПРОЗА: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ЭПОХИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ](#)

Алексей Яшин. Вор у вора43

[РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ](#)

Николай Макаров. Лето в деревне73

[ПОЭЗИЯ](#)

Виктор Пахомов89

Михаил Лубянский101

Леонид Адрианов106

Алексей Логунов109

Константин Струков116

Александр Топчий123

Яна Кузовлева130

Александр Хадарцев133

[МАЛЫЕ ГОРОДА](#)

Людмила Гайдукова. Алексин: Историко-литературный обзор139

<u>НАШИ СОСЕДИ</u>	
Татьяна Залазина. Путь к святыням	147
<u>У НАС В ГОСТЯХ</u>	
Геннадий Иванов. Стихи	155
Олег Кочетков. «Так нестерпимо жаль»	162
Николай Переяслов. Живая кровь поэзии.....	169
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ</u>	
Николай Минаков. Откровение с душой нараспашку.....	173
Владимир Сапожников. Поэтическая «ясность» А. А. Хадарцева	177
<u>ПУБЛИЦИСТИКА</u>	
Владислав Аникеев. Народный суд над тем, кто судит	179
Николай Дронов. Кому было адресовано сообщение ТАСС	184
<u>ЮБИЛЕЙ: К 75-ЛЕТИЮ ПОЭТА ВИКТОРА ПАХОМОВА</u>	
Николай Боев. Голос разума и души	193
Александр Новгородский. Виждь и внемли	196
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ</u>	
Мария Казакова. Лесная быль	204
Олег Сивоокий. Стихи	208
<u>ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС</u>	
А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград».....	215
<u>О НАС ПИШУТ</u>	231
<u>НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ</u>	232

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на дискете и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.

Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину.

Главный редактор Алексей ЯШИН

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
 Виктор ГРЕКОВ (Белев)
 Валентин Киреев (Новомосковск)
 Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
 Валерий МАСЛОВ — координатор межрегиональных связей
 Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора (публицистика)
 Наталия ПАРЫГИНА
 Виктор ПАХОМОВ — первый зам. главного редактора
 Валерий САВОСТЬЯНОВ — зам. главного редактора (поэзия)
 Владимир САПОЖНИКОВ
 Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
 Александр ХАДАРЦЕВ
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы
 Наталия ХАНИНА

Технический редактор Марина Баланиук

Учредители:

Редколлегия журнала «Приокские зори»
 Тульская писательская организация Союза писателей России
 Тульский государственный университет (ТулГУ)

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ А. С. ПУШКИНА

Михаил Юрьевич Лермонтов

*Отмщеня, государь, отмщеня!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.*

Жан де Ротр

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,

В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:

Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..

Но есть и божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,

И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:

Оно вам не поможет вновь,

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Эдуард Георгиевский

АКУЛИНА

1

Однажды вечером моя тетьа пригласила меня поехать в лес за грибами, в деревню Анишино, к Акулине Васильевне. Познакомились они несколько лет назад на рынке, разговорились и в конце концов так понравились друг другу, что завязалась между ними настоящая дружба. Едет Акулина в Тулу на базар или в магазин за покупками,— обязательно заедет к моей тете. Она была любознательной и с удовольствием знакомилась с достопримечательностями Тулы. Особенное впечатление произвела на Акулину красота Всехсвятского собора. Угостить у тети всегда было чем, и, уезжая, Акулина говорила, что побывала у нее лучше, чем в доме отдыха. А уж когда тетьа приезжала к ней, Акулина усаживала ее за стол, тут же появлялся кипящий самовар, а за ним — и сковорода шипящей яичницы с ветчиной, огурцы и зелень прямо с огорода. На стол выставлялся графинчик с настойкой на смородиновых почках. Затем подружки пили чай с земляничным вареньем, потом уходили в лес за грибами. Акулина очень любила в лесу петь. Голос у нее был мягкий, раздольный, не зря в молодости числилась запевалой. Обожала она старинные русские песни. Вот такая она была, нечаянная подруга моей тети.

2

Дом Акулины Васильевны был третьим с края. Мы подошли, постучали в светившееся окно.

Хозяйка встретила нас радостно и приветливо. В просторной горнице полы были крашенные, на них лежали деревенские цветастые половики. Чистота потолка и стен говорила о недавнем ремонте. На столе поблескивал электрический самовар. В углу, словно напоказ, стояла стиральная машина. Слева у стены — диван, на котором мирно похрапывал мужчина. Он лежал лицом к стене, и видны были только его седые волосы.

Акулина Васильевна включила самовар, приготовила свою коронную яичницу с ветчиной, затем пригласила за стол. Я незаметно рассматривал Акулину Васильевну.

5

Это была женщина выше среднего роста, крепкого телосложения. Пальцы рук узловаты в суставах — давнишний полиартрит. Гладкие седые волосы заправлены в пучок. Лицо простое, в морщинах, фигура обыкновенная, сутуловатая. В ней нельзя было угадать следов внешней красоты. Но чувствовалась красота внутренняя, твердость характера, доброта и душевное тепло. Речь ее была простой, неспешной. Выглядела она моложе своих семидесяти лет. Акулина Васильевна была рада встрече с моей тетей, но эта радость проявилась у нее как-то степенно.

Пужинали, стали пить чай. Хозяйка рассказывала последние новости, говорила, что год назад умерла Матрена, младшая ее сестра, и что вот теперь ее муж Иван (что спал на диване) живет у нее.

Я опасался, что своим разговором женщины разбудят Ивана, но Акулина Васильевна словно угадала мои мысли:

— Вот, почти глухой, но все же в доме — мужик. И устроился он неплохо: два раза в неделю топит баню. День для женщин, день для мужчин. А уж пошутить любит, хлебом не корми! Зашел как-то к женщинам (что-то с краном было неладно), а они застыдились, прикрылись тазами, гонят его прочь. А он кричит: «Что закрылись? Тазы-то дырявые!». Бабы притихли, стали рассматривать тазы на свет. То-то смеху было! Ивана я пожалела,— вздохнула хозяйка.— Плохо ему одному, вместе нам лучше, не одиноко, да и позаботимся друг о друге,— свои все же.

С раннего утра, наскоро перекусив, ушли мы по грибы без Акулины Васильевны. Она сослалась на боли в пояснице и суставах. Но зато к вечеру встретила нас готовым обедом, порадовалась за нашу грибную удачу. Она напоила нас чаем на дорогу и проводила до автобусной остановки.

3

Родилась Акулина в дореволюционное время в деревне Анишино в крестьянской семье среднего достатка и была вторым ребенком у родителей, очень хотевших появления на свет сына.

— Ну, опять девка,— огорчился отец.— Нужны сыновья, наследники. А эти вырастут и разлетятся кто куда. На кого надеяться, от кого ждать помощи в старости?

Но — судьба! Дитя свое, родное и родительской заботы требует. А первой заботой стало крещение ребенка. Поехали крестить в деревню Дедлово. При этом полагалось одаривать батюшку полотенцем и деньгами. Но что делать? В семье не оказалось нового полотенца. Отец надеялся обойтись деньгами. Батюшка заупрямился, обиделся и вместо выбранного родителями имени Лариса окрестил девочку Акулиной. Отец сердился, говоря: «За что же Вы, батюшка, даете такое имя?» «В следующий раз будешь делать, как положено Богом»,— был ответ. Вот так с рождения не повезло ей.

4

В детстве звали ее Акулькой. Росла она некрасивой, угловатой девчонкой. Вместе со старшей сестрой Шурой рано начала помогать матери по хозяйству. Была рослой и, несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, на голову выше своей сестры. Учиться ходила за три километра в соседнюю деревню. После четырех классов бросила, осталась единственной помощницей матери. Старшая сестра Шура уехала в Тулу искать счастья. Отец же чаще болел ревматизмом.

Шло время, Акулина подрастала. В город ее не влекло. В Анишино свой завод есть, стоит ли уезжать? Поступила ученицей токаря. Была она девушкой способной, смекалистой, успешно освоила профессию. Ей первой присвоили разряд и перевели

на сделную работу. Радость ее была безграничной. Отработав на заводе, мчалась помогать матери по хозяйству. И не было в ее жизни ни других уклад, ни особой печали. Работа ей нравилась. Ее скоро зауважали, стали называть по-городскому — Линой. В любом деле не было девушки способнее, проворнее и веселее, чем Лина. Она первая запевала на вечеринках в клубе, к ней потянулись люди. Любили ее за доброту, стремление помочь, выручить. И радуется Лина, что осталась в деревне, на своем предприятии. Она — передовик производства, лучший токарь завода. Ее фотография — на Доске почета! Все вроде бы хорошо, только нет настоящего бабьего счастья. Подружки повыходили замуж, обзавелись детьми. «А что у меня? — спрашивала себя Акулина.— Не везет мне, не везет, никто замуж не берет. Видно, такая уродилась я несчастная».

5

Погорюет, помечтает Лина и снова за работу. Так она и жила бы с грустью в сердце. Но как-то стала замечать, что главный инженер завода Виктор Петрович все чаще стал давать ей срочные заказы, чаще подходил к станку, интересовался, как идет работа. А был он молодой и красивый. Правда, женатый. И дети были — мальчик и девочка. Все говорили, что у Виктора Петровича жена — красавица. Но главный почему-то оказывал внимание Лине. И забилося ретивое. Лина потеряла покой. Чувствовалось, что-то неудержимое влекло их друг к другу. А потом...

А потом поползли по заводу слухи, что стали частенько видеть Лину с Виктором Петровичем вместе и после работы. Жена Виктора Петровича стала обнаруживать в карманах своего мужа то гусиное перышко, то цветок клевера. Лине тогда было 27 лет. «Что же делать? — мучилась она.— Ведь человек он семейный, и ни к чему нам эти встречи». Но побороть себя не смогла. Зачастили они в лес по грибы да по ягоды, а то и просто прогуливались по уединенным местам. Узнала Лина, какая бывает радость от мужской силы и ласки, узнала настоящую любовь. Думала, что вся ее жизнь пройдет у токарного станка да у коровы. А тут, вот она, настоящая радость и счастье!

Заметили люди, что Лина стала работать еще лучше, стала прихорашиваться. Не один раз Виктор Петрович брал ее с собой в город, выезжая по делам производства. Обязательно ходили они в театр или кино. Но прежде Виктор Петрович заботился об ее внешнем виде: то платьице подарит, то туфельки, чтобы ей и ему удобно было перед людьми в городе... Теперь все свои покупки Лина делала, только советуясь со своим возлюбленным. Денег хватало, зарабатывала Лина хорошо.

Она узнала радость любви и от счастья готова была подняться до небес. Знала, что он не бросит своей семьи, верила в его искреннюю любовь и жила тихой радостью, довольствуясь этим счастьем. А уж как им было хорошо! Как они любили друг друга! Сильней любить, наверное, было невозможно. Так и жила бы Лина в труде да в тайной (тайной ли?) радости, если бы не война.

6

Виктора Петровича призвали в армию, а через четыре месяца пришло извещение, что пал он смертью храбрых на поле боя.

Дошла до Лины эта скорбная весть, побежала она на квартиру к жене Виктора Петровича. Обнялись они, и обе горько расплакались. Дети перепуганные сидят, не понимая, что происходит. Погоревали женщины, поохали, да ведь этим горю не поможешь. Тут Лина и призналась в своей тайной любви. Но жена не удивилась. Оказывается, она знала об этом, да не смогла удержать мужа ни красотой своей, ни статью. Видно, чего-то не хватало в ней. Потом Лина вспомнила, как сожалел Виктор Петро-

вич, что жена у него хоть и красивая, но холодная, и мало у нее души и ласки, и что нет у них настоящего чувства.

Долго не могла найти себе места Лина. Завод начал выпускать солдатские котелки, саперные лопаты, снаряды. Работали без выходных, не считаясь со временем. Сутками не уходила Лина с завода, не чувствуя усталости, пытаясь заглушить горе.

Лина осталась одна-одинешенька. Отец и мать умерли почти одновременно.

Однажды на рассвете в деревню ворвались немцы. Самую большую избу заняли под столовую для офицеров. Безжалостно отбирали скот и продукты. Небогатая деревня с каждым днем становилась еще беднее. Хорошо еще, что у населения была картошка, капуста и еще кое-какие припасы на зиму. Да и верили жители, что немцы не продержатся долго. Прошло две недели. Мужики и подростки ушли в партизаны. Немцы злобствовали. Схватили и повесили у всех на виду родственника Лины. И решила она отомстить немцам за все. Хотела сходить в Венев к знакомой фельдшернице, достать через нее какой-нибудь отравы, всыпать ее в котел с пищей для немецких офицеров...

Но на рассвете немцы в спешке начали отступать. Где-то совсем рядом ухала пушка, слышался треск автоматных очередей. Бешено промчались, отстреливаясь, мотоциклисты. На другой стороне улицы, наискосок от Акулининой избы, загорелся дом. Метались люди, пытаясь отстоять его. С ликованием все кричали: «Наши, наши пришли! Вот она, долгожданная свобода!». Не помня себя от радости, Акулина принимала из чьих-то рук ведра с водой и передавала их дальше. Избу удалось спасти. В бледном свете наступившего утра от нее валил пар. Мужики и бабы обнимались. Им было радостно оттого, что пожар потушили, а еще радостнее, что пришли наши.

В этот же день похоронили родственника Акулины. Могилу вырыли рядом с могилой отца и матери. На кладбище было холодно, ветер зло выл, бросая колючий снег в лица. Пророгшая до костей понуро брела Акулина к своей избе. Вошла в нее и, не раздеваясь, упала на кровать.

...Ей снился жаркий июльский полдень, большая копна пахучего клевера, порхающие бабочки, жужжанье пчел и стрекотанье кузнечиков. А рядом с ней — ее радость, смеющийся кудрявый Виктор Петрович. Он ей что-то говорил, говорил, говорил...

Проснулась на следующие сутки. В избе было холодно. Хотелось есть. Акулина глотнула холодной, со льдинками, воды и пошла к соседке обсудить, как жить дальше, узнать новости да заодно, может быть, перехватить какой-никакой кусочек хлеба или сухарь. Но соседки дома не оказалось. Почти вся деревня собралась в избе рядом с горевшей. Говорили о заготовке дров, о посильной помощи сражающейся с немцами Красной Армии, о том, как пережить суровую зиму.

7

Много лет Акулина жила одна. День за днем ждала чего-то. Дни складывались в годы. А она продолжала работать на заводе, выпуская мирную продукцию. Трудилась, как говорится, не покладая рук. Война и нелегкая жизнь отразились на здоровье, все чаще стали беспокоить суставы, иногда они воспалялись. Это был полиартрит. Как передовику производства местком не раз представлял Лине путевки на санаторно-курортное лечение, что дало ей возможность продержаться на заводе до пенсионного возраста.

И только после этого она постепенно обзавелась хозяйством, завела кур, поросят, как могла обрабатывала огород. Любила ходить в лес по грибы и ягоды. Достатка в доме хватало. Но угнетало ее одиночество, однообразие и бесцельность жизни. Нет в доме мужика. Вот и крыша прохудилась, да и плетень в огороде покосился — вот-вот упадет.

Однажды, в начале сентября, приехала из города бригада помочь колхозу в уборке урожая. Один из рабочих, острослов и балагур, заметил Акулину. Ростом он был, как говорится, метр с кепкой. Звали его Маркелом. Стал он заходить к Акулине вечером то чайку попить, а то просто так, от нечего делать. Однажды он не пришел к Акулине — уехал с бригадой в город, а затем приехал в гости. Да так и остался. Был Маркел на пенсии, но еще работал, а с женой что-то не ладил. «Живи», — согласилась Акулина.

Постепенно они привыкли друг к другу. Маркел оказался мастером на все руки. Радостно стало у нее на душе. «Мал золотник, да дорог», — часто говорила Акулина. Крыша теперь не течет, а плетень в огороде стоит как новый. Маркел починил и радиоприемник, стало в избе веселее. Без дела он сидеть не любил: то что-то чинит-мастерит, а то помогает на огороде. Акулина, что называется, расцвела, довольная своим Маркелом. Звала его Мариком. Любил, правда, Марик выпить. Пенсию оба получали, Акулина не скупилась покупать иногда водочки. Купит и спрячет до нужной поры. Придет домой, а Марик немножко «хорош». «Как же ты нашел?» — спрашивает Акулина Марика. «По голосу, — отвечает, — я слышу: «пи-пи-пи» и пошел на голос, напил стопочку, а бутылку поставил на место». И так полюбила Акулина своего уважительного Марика, что казалось прожила бы с ним целую жизнь. Да недолгой оказалась ее тихая радость.

Однажды под вечер они пили чай с малиновым вареньем. Кто-то постучал в окно. Вошла по-городскому одетая женщина и спросила Марика. Увидев его сидящим за столом, бросилась к нему на шею и запричитала: «Родной ты мой, бродяга ты этакий, поедем домой. Хватит, нагулялся, пора и честь знать». Акулина пришла в ужас. Вот она, беда-разлучница. Марик стоял в растерянности. Постепенно Акулина пришла в себя: «Что же, чужое своим не назовешь, решай, Марик, сам. Она тебе жена».

Акулина собрала на стол, усадила гостью и Марика за прощальный ужин. Помогла собрать в чемодан его вещички, сварила на дороге десяток яичек, отрезала кусок сала, хлеба, завернула в бумажку сольцы, уложила сверточек в чемодан. По старому обычаю перед дорогой присели, и пошла добрая Акулина провожать Марика и его жену до автобусной остановки. На прощанье расцеловалась с Мариком и его женой, пожелала им счастливого пути и удачи, и с полными слез глазами долго смотрела вслед уходящему автобусу. Не помнит Акулина, как дошла домой, как открыла дверь своей избы. Помнит только, как снопом свалилась на диван и навзрыд запричитала о своем Марике, о своем ушедшем счастье. Такая навалилась на нее тоска, что она просто не знала, что делать и за что взяться. Вспомнила свою нелегкую жизнь, все пережитое и войну. Надеялась найти в себе силы пережить и это свое горе. Но шло время, а утешение не приходило, все валилось из рук, ей казалось, что жизнь для нее потеряла всякий смысл.

8

Мрачными сделались дни для Акулины, черным-черно было у нее на душе. «За что мне такое? — спрашивала она себя, вполголоса всхлипывая, вытирая платком слезы. — Лучше бы не знала я милого Марика, нет мне без него жизни». И стала думать Акулина, как покончить с собой. Вот ведь что делает одиночество! Решила броситься под машину, чтобы сразу насмерть.

Вышла на шоссе, уже смеркалось. «Вот и хорошо, — сказала она себе, — чем темнее, тем лучше». Ждать было недолго. Из-за поворота показалась машина. Она приближалась. «Будь, что будет», — решила Акулина и выбежала наперерез машине. Секунда, и... Но автомобиль резко затормозил, его занесло на обочину. Из кабины «газика» выскочил шофер и с поднятыми кулаками бросился к женщине, но сразу

опешил, узнав в ней Акулину. Это был Сергей Павлович, председатель Веневского промкомбината, и ехал он как раз к ней, к Акулине, чтобы поговорить об организации в ее доме службы быта. Знал, что живет одна, ее дом для этого вполне подходит. «Садись в машину! — приказал Сергей Павлович. — Ишь удумала, тебе что, жить надоело?» Акулина, всхлипывая, села в «газик». Объяснив цель своего визита, Сергей Павлович осмотрел дом, сказал, что комбинат прежде всего сделает ремонт в счет арендной платы. Одну комнату будет занимать Акулина (ей больше и не надо), остальные — под службу быта.

— Будешь оформлена сторожем и уборщицей. Зарплата плюс пенсия — куда еще лучше! — объяснял неожиданный гость.

Акулина уже не всхлипывала. Сидела, понуриив голову. Стыдно ей было за свою минутную слабость. Она рассказала Сергею Павловичу, как хотела покончить с жизнью, думая, что никому больше не нужна. Тот слушал ее внимательно, а потом строго сказал:

— Не ожидал от тебя такого. Ты нужна людям, понятно? И чтоб подобного больше не было.

Ремонт сделали быстро и хорошо. Привезли необходимую мебель, зеркала, бархатные портьеры на кабины, тюлевые шторы на окна. Выкрасили полы, окна и двери, оклеили стены обоями, — не дом, а игрушка.

Постепенно за работой и заботой забывалась Акулинина печаль. Жизнь становилась наполненной. Служба быта выполняла заказы по ремонту и пошиву обуви, пошиву одежды, даже был мастер-парикмахер. Заказы принимались и увозились в Венев для выполнения. В указанный срок возвращали готовое. Служба быта быстро завоевала авторитет среди населения. На лицах заказчиков все чаще можно было видеть радостные улыбки, книга отзывов быстро заполнялась благодарностями. На многих появились обновки. Лина Васильевна (так ее теперь звали) старалась содержать помещение в чистоте, следила за порядком, была внимательна к заказчикам, и все ее стали величать «заведующей». Она заказала себе три хороших платья и туфли. Ходила нарядной, внимательно следила за своей прической, благо парикмахер был свой. Лучшей жизни она и не желала. Только все еще скребли кошки на душе: не могла себе простить попытку покончить с собой и мысленно не раз благодарила Сергея Павловича за спасение.

9

Интересная штука — жизнь. Она не бывает без изменений и приключений.

Однажды почтальон принес Лине Васильевне пенсию и предложил купить три оставшихся от пачки лотерейных билета. «Что ж, деньги небольшие, а может, повезет», — с улыбкой сказала Лина. В деревне поговаривали, что кто-то уже выиграл пианино. Прошло время. Лина Васильевна вспомнила, что у нее где-то лежат три билета. Нашла и попросила Андрея, работавшего сапожником в службе быта, проверить билеты в районном центре. «Любой выигрыш — пополам», — пообещала Лина Васильевна. Андрей быстро согласился, уехал в Венев и... пропал. Оказывается — загулял: по лотерее пианино выиграл! Лина Васильевна встревожилась: «Не мои ли были билеты?» Поехала в Венев, наведлась на квартиру Андрея. Он, раскинув руки, блаженно спал на диване. Жена объяснила, что он на радостях гуляет. Лина Васильевна рассказала историю с билетами. Разбудили Андрея.

— Выиграл на свои билеты и делиться ни с кем не собираюсь, — заявил он.

А ведь говорил Лине Васильевне, что у него билетов не было. Не хотелось доводить дело до суда. Ограничились разбором на собрании коллектива, где Андрей признался, что выиграл билет Лины Васильевны и что он стоимость пианино взял день-

гами, на них пьет и что не хотел делиться, надеясь доказать, что билеты потерял. За такой поступок Лина Васильевна решила не делить с ним выигрыш. Пришлось Андрею вернуть оставшиеся деньги, а недостающую сумму обязался возратить, как только заработает. Пожалела Лина Васильевна жену и двоих детей Андрея. Простила ему пропитую сумму, благо не успел он много истратить. Пусть его зарплата целиком идет в семью. Себе же на выигранные деньги она купила хороший телевизор, определив ему место в приемной службы быта.

За несколько лет служба быта выполнила свою задачу. В связи с улучшением снабжения промтоварами отпала нужда в ней. Заказов поступало все меньше, и анишинское отделение закрыли.

И опять Лина Васильевна осталась одна. Но не упала духом. Занималась хозяйством, огородом. А еще брала к себе на проживание молодых девушек, приезжавших в Анишино на практику: учительницу, культработника, счетоводов, учениц продавцов. И они, как могли, скрашивали ее одиночество, уважая за ее доброту и душевное тепло.

10

Встречи моей родственницы с Линой Васильевной становились все реже. Однажды в погожий день золотой осени ее повлекло неудержимое желание поехать к Акулине, сходить с ней по грибы. Грибнику собраться — только подпоясаться! Корзину в руки — и на автобус. Но нерадостной оказалась поездка. На двери дома висел замок, вокруг дома — нетоптаная трава, огород в запустении. От старшей сестры удалось узнать, что Иван прожил у Акулины недолго и умер. А Акулина сейчас в веневской больнице. Какие уж тут грибы?! В автобус — и в Венев.

Вместо энергичной, жизнерадостной женщины на больничной койке сидела седенькая, худенькая старушка с потухшим взглядом. Акулина сразу узнала мою тетю, обрадовалась. Рассказала, как умер Иван и как она мучается от своей болезни, и что она, наверное, уже не выздоровеет. Тетя утешала Акулину как могла, пообещала приехать еще.

Недели через две моя тетя заехала к Шуру, чтобы вместе поехать к Акулине. Но Шура со слезами на глазах рассказала, что она умерла. Поехали на кладбище. В церкви отслужили молебен. На могилке уже стоял добротный дубовый крест, изготовленный мужем старшей сестры. Положили на могилку полевые цветы, молча постояли.

О себе, о своей бескорыстной и многотрудной жизни, о своей любви к людям Акулина оставила только добрую память. Я же часто думаю о том, что судьба Акулины — это судьба миллионов женщин нашей необъятной России!

Юлия Зябрева

МИРАЖИ

* * *

— Что? Да-да, конечно. Невероятные прибыли обеспечены, ты же себя знаешь... Курорт отменный! Конкуренты повесятся от зависти!.. Да?.. Ритмы в норме... Да, синхронизировано, алгоритм выверен до тысячной, что там, до миллионной, до миллиардной... Ах, тебя волнует прототип! Какие пустяки... не бери в голову!.. Нет, не сложно. Это всего лишь портрет... Да, художник наш, Клим... не понимаю, чего ты боишься?.. Ее мести?! Ты не в своем уме, Ник. Бывай!

* * *

Повесив трубку, Лара потянулась в кресле, встала, прошла от стола до окна.

Голос Ника звенел в ушах, и должно было пройти время, чтобы звуки мира смогли пробиться сквозь такую плотную завесу таких бесплотных мечтаний. Бедный старина Ник. Он и не подозревал, что темноволосая женщина Лара, самое доверенное, но только в делах, касающихся управления отелем, лицо любит в нем не только лучшего в мире творца голограмм...

Курортный комплекс «Морской Бездель-Ник», детище всей Никовой жизни, не уставал поражать даже ко всему привычный обслуживающий персонал.

Вот уже пятый день работал новый проект «Закатные Миражи». Самое сильное впечатление они производили на многочисленных отдыхающих, гулявших вечерами на побережье. Стоило солнцу коснуться краем воды, небо взрывалось безмолвным каскадом завораживающих видений: румянец облаков, песчаные вихри, синева моря и пена гребней волн, и все это в бездонной высоте... В небе сплетались узоры, пятна, непрерывно меняющие очертания, это зрелище пугало и завораживало, и завершалась феерия, в принципе, одинаково — пена, песок, облака, складывалась в призрачный, но реальный образ женского лица, или фигуры, или просто в один только взгляд. Этой «прихотью» миража распоряжалась Лара, и как раз настал момент отправляться в голограммницу. В этот вечер Лара старалась изо всех сил: старина Ник приехал навестить свой комплекс.

Почти час небесного буйства завершился четким видением девичьего лица, загорелого, тонкобрового, с алыми-алыми губами, глазами в обрамлении ночных ресниц, и вместо волос — цунами...

* * *

— Алло? — телефон надрывался уже минут пять, но Лара только вернулась из лаборатории.— Ник! Да, конечно!..

Ник был в восторге, плакал в трубку, что не дожидается следующего вечера. «Мо-

жет, и так», — подумала женщина. Может, и не дождется. Сердечко слабовато. Ох, слабовато! Лучше б оно, это сердечко, было слабее в нефизическом плане. Но — что имеем, то имеем. У Венедеевича совершенно своя, особая, жизнь, в которой места для Лары нет.

Проплакавшись, Ник изъявил желание «попробовать».

То есть — самостоятельно направить превращения миража.

— Да? А... ну...

Пара не ожидала, что настолько привыкший за последние годы быть потребителем Ник «изъявит желание». Ник-бездельник снова хочет быть творцом?

— Ну, конечно, Ник, когда хочешь... завтра? Отлично, завтра же.

Лара изо всех сил долбанула по кнопке разъединения и в который раз порадовалась, что она такая старомодная. Вряд ли у нее получилось бы удержать неизменное выражение на лице, и видеофон выдал бы ее, а так — голосом она всегда хорошо управляла.

Ей предстоял очень долгий день, да что там день, ночью тоже вряд ли получится уснуть.

Надо все успеть.

* * *

Кнопка коммуникатора «секретарь»:

— Таня? Зови Клима. Но-очь?! Так... сейчас же отправляешься в голограммницу вместе с Климом и Петровым, и если я узнаю, что хоть один из вас хотя бы попытался спать... Что нужно? С этого надо было начинать. Портрет Кати Миргиной. Не-возмож-но?! Это Клим сказал? А-ах, это ты сказала... и еще. Чтобы Ник Венедеевич об этом ни сном, ни духом!

Пара умела приказывать. Во всяком случае, сегодня.

Эти трое, кого она решила позвать — Таня, Петр, Клим — были самыми лучшими каждый в своем деле, и на них можно было положиться в любой ситуации. Самое главное, они будут делать то, о чем их просят, не добиваясь детального разбора ситуации. А когда все сделают — им в голову не придет ни с кем «поделиться».

Она проходила зеркальными холлами, прикрывая глаза. Почему-то не хотелось видеть «множественно идущую» в коридорах отражений женщину, неопределенного возраста. Когин, конечно, гениален, но эта его мания везде развешивать голографические зеркала, якобы расширяющие пространство. Ее окупает только его безграничная преданность «Морскому Бездель-Нику».

* * *

Николай Власович Венедеев, смолоду больше известный как Ник Венедеевич, был хорошо знаком всем и каждому, как «Моцарт нынешнего века». В десять лет он пришел в фирму «Фантом», занимавшуюся голограммами, и его хотели прогнать — еще чего не хватало! Принимать на работу младенцев! Но — в двенадцать лет он уже возглавлял отдел статической голографии, и никому не приходило в голову оспаривать его высокое положение. В четырнадцать, уже будучи Венедеевичем, он основал собственную фирму «Живые Миражи».

Ник отыскал способ заставить голограммы двигаться и на полвека застрял на одном месте. И вот, чуть не на семидесятом году жизни — новый прорыв: технология, позволяющая проецировать динамические голограммы любого размера, с любого и на любое место, на какую угодно дальность. Единственная загвоздка была в том, что создание такой голограммы требовало не только больших энергозатрат, но и *proto-*

тина, живого — для того чтобы сама голограмма казалась живой. Это было тем самым пунктиком, который заставлял Ника бояться женского лица над морем.

Самый первый «динамический кролик» посещал Ника в ночных кошмарах. Живой, но насмерть перепуганный зверек, оплетенный проводами, трубками, облепленный датчиками, намертво пристегнутый к проекционной платформе... и тысячи тончайших лезвий, аккуратно вправленных под кожу для перехвата нервных окончаний. Насмерть... Намертво...

* * *

Таня-секретарша, Клим Когин и Петр Петров стояли у дверей лаборатории. Раньше там доводилось бывать только Петрову, и он знал, *что* увидит, когда придет Лара Михайловна и откроет дверь. Клим неуверенно переминался с ноги на ногу. Он был художником от Бога и непревзойденным творцом статических голограмм, его стараниями «Морской Бездель-Ник» выглядел всегда безупречно белым, чистым и празднично-красивым. Он обожал «Бездель-Ника» и боготворил его хозяйку Лару. Когин уже знал, что нужно будет рисовать женский портрет, Петров говорил о каких-то сложностях с натурщицей... это вселяло неуверенность, хотя кого только Клим не рисовал и в каких только условиях, неужели не справится сейчас?

Таня просто давилась зевотой. Виноват в этом был, конечно же, приказной голос шефа: «и если я узнаю, что хоть один из вас хотя бы попытался спать» — чем не директива к действию?

Лара заставляла себя ждать. Она не специально медлила — просто нечаянно открыла глаза перед зеркальными дверями в лифте, и... чего греха таить, она боялась не только и не столько предстоящей неприятной работы, невероятной мистификации, в которую Ник может еще и не поверить, с которой могут не справиться трое самых лучших, самых верных... Лара больше всего на свете боялась этой женщины неопределенного возраста, что повадилась пялиться на нее из каждого зеркала. Улыбаться ей смысла не было — улыбка перекашивала лицо, и возраст сразу же выплывал наружу.

Этой женщине в зеркале скоро пятьдесят. Вот смех-то! Наука семимильными шагами шагает себе вперед, и не только голограммы научились люди делать, но и старость притормаживать, только кто же не знает этой специфической улыбки внешне молодых чуть ли не девушек! И все знают, что это — инъекции, чародейские крема, искусный макияж... Все видят, что это — старость. Как бы там не пыжилась наука. И если Лара не была нужна Нику молодой, тридцать — двадцать — десять лет назад, он тем более не почувствует потребности в *этой почти пятидесятилетней* женщине, которая ради него на все готова, и чаще только ради того, чтобы он получал удовольствие от собственных изобретений.

М-м, он никогда не узнает — на что.

* * *

Клима затошнило, и он убежал; Таня села на пол и стала задыхаться, ей никак не удавалось упасть в обморок — он был бы поистине спасением. Для нее, разумеется.

Петров проверил крепления проекционной платформы, поправил трубки, подающие в полуживой организм Кати Миргиной кислород и питательные вещества. Он был здесь далеко не первый раз, и у него получалось делать вид, что он — привык... и тысячи, мириады острейших, тончайших изогнутых лезвий под кожей, от каждого тянется проводок в коллектор, и в этом серебрящемся облаке проводов — женское тело.

Лара приволокла Когина за шиворот, ощутимо встряхнула. Откуда в этой маленькой женщине столько силы?

— Приступай к работе, Клим. К утру мы должны подключить второй проектор, уже с картиной, и синхронизировать с этим... и молиться Богу, истово и пламенно, чтобы Ник ни о чем не догадался.

— М-можно я побуду здесь один? Н-наедине с... с ней? — попросил Клим.

— Нет,— отрезала начальница, зная, что сентиментальный художник, оставшись без присмотра, полезет трогать свою натурщицу и обязательно сдвинет или лезвия, или датчики. И накроются «Закатные Миражи».

— За работу,— подстегнула застывшую троицу Лара.— Мы должны успеть.

* * *

Они успели.

Ник Венедеевич, естественно, был полностью доволен тем, что живая голограмма «так шикарно» работает от неживого портрета, подсеченного в голографическом пласте все теми же лезвиями на проводах. Ну не мог простой портрет обеспечить такую реальность жизни! Вдоволь наигравшись, Венедеевич укатил из «Морского Бездель-Ника» с багажом положительных эмоций, покинул Землю, направляясь на одну из Лунных станций, к друзьям, показывать отснятые на побережье фильмы, проводить личное время в поразительно приятном безделье и ожидании новых озарений. Лара провожала его, еле справляясь с мимикой. Не хотелось выдавать зависти ко всем этим мужикам, которым настолько безразлично, как они выглядят в старости, гордящимся седыми волосами и глубокими морщинами. Зависти, от которой впопугу свихнуться.

* * *

Клим, с запавшими глазами, усталый, помятый, без вызова явился в кабинет шефа.

— Лара Михайловна, я хочу вас просить об одном одолжении.

— Да?

Лара была довольна его работой и сразу же решила, что выполнит любую просьбу своего милого гения. В самом деле, не об отставке он просить собрался — на пике карьеры!

— Я увольняюсь, Лара Михайловна. Я больше не хочу работать здесь. Я нашел для себя новое место.

— Ага,— кивнула женщина.— Там лучше, чем здесь?

Он улыбнулся своей особенной улыбкой — то ли ангельское всепрощение, то ли отеческий упрек:

— Надеюсь, что да, там будет лучше.

— Хорошо, Когин.

В ее голове вихрились мысли. Вот еще один образчик. Тридцать лет, экзотичная прядь седых волос надо лбом, редкого цвета глаза и прозрачная кожа. Красота! Смуглая красотка и белокожий красавец с таким завораживающим взором — ведь проекционная платформа обязательно позволит «поймать» эту особую улыбку...

— Можешь собирать вещи, завтра я подпишу все документы,— ровным голосом сказала женщина. Он посмотрел ей в глаза, и на миг показалось, что он обо всем догадался:

— Спасибо, Лара Михайловна!

* * *

Лара вовсе не была таким уж монстром, просто, если Клим Когин уйдет из «Бездель-Ника», пойдут пересуды, всем захочется узнать, что ж там такого случилось, что заставило этого преданного «бездельничеству» парня бросить своих — нет, не хозяев, друзей, ведь все же знают, как тут работают, а работают здесь только друзья, только те, кто может уверенно сказать о тех, с кем служит, что это его семья... Дойдет и до Лунных станций, и обязательно всполошится Ник, и начнет разбираться, а уж он-то сумеет понять, в чем дело!

Лара моментально просчитала в уме количество звонков, которые придется сделать до завтра, сколько денег пойдет на платформу и сколько потребует умница Петров, чтобы не было никакого шума — ведь шума не было, когда пропала Миргина! Женщина просчитала все, но просчиталась в одном: по-настоящему живые миражи работают только от живых прототипов, способных на уровне тонких электроимпульсов показать и взгляд с поволокой, и улыбку ангела...

А Клима нашли утром мертвым.

Впрочем, Лара пережила это известие очень спокойно. Теперь некому было настаивать на том, что зеркала расширяют помещения, и сегодня же их можно будет отключить. Можно будет спокойно ходить по отелю.

И, в конце концов, одна женщина с волной цунами вместо волос тоже хороша.

Валентина Россинская

ВАНЕЧКА

С утра стояла невыносимая жара. Линия горизонта раздвинулась, небесный купол вознесся вверх и с удивительной высоты так легко охватил землю, что тонкий солнечный диск представлялся взору слабым и беззащитным среди огромной всепоглощающей лазури.

Обильно политые улицы всего лишь на малое время спасали от духоты и потому оставались пустыми. В поисках комфорта люди прятались в прохладные кафе, магазины, спускались в метро.

Метрополитен сейчас был как бальзам для души. Пассажиры с перегруженных эскалаторов вливались в торопливо движущиеся человеческие реки, которые на переходах, станциях образовывали живые разнородные русла. Электрички, захватив людской поток, с радостным ревом мчались вперед по туннелю, боясь потерять неумолчный ритм трудового дня.

Вошедшему в поезд Ване казалось, что от прибывающих пассажиров вагон растягивается до невероятных размеров. Сверкающая белизной рубашка со стоячим воротничком давно уж измялась в сутолоке, утратила блеск. А спешащие все пытались воткнуться в какую-нибудь щель между податливыми телами. Ехали в основном молодые. Парни и девушки, прорвавшись в вагон, застывали на одном месте, не двигаясь даже тогда, когда электричка резко снижала скорость. «Вот это подготовочка, — сдавленный со всех сторон, тяжело соображал Ваня. — Спортивная. Годами отработанная. Никакая качка им не помеха».

— Станция Курская. Следующая станция...

Услышав голос диктора, Ваня молодцевато повел плечами, легонько одернул рубашку и стал пробираться к выходу. Несколько позже он уж поднимался к кассам наземной железной дороги, чтобы записаться билетом домой.

Очередь у кассы была небольшой, и вскоре Ваня вышел на перрон, с благодарностью ощутил живительный холодок, пожелал в душе до самой мельчайшей частички пропитаться бодрящим чистым воздухом, движущимся с юго-востока. Он остановился у одинокой скамьи. Присел. Теперь надо было сосредоточиться и хорошенько подумать, как объяснить родным свой провал на вступительном экзамене. Ваня ясно вообразил, как мать удивленно раскроет глаза, отец лишь посмотрит суровым взглядом пошаркает ногами и молча уйдет. Но во всем этом будет столько осуждения! «Да, нехорошо получилось. У самого сейчас на душе кошки скребут», — оборвал свои горькие мысли Иван и пробежал взглядом по железнодорожному полотну.

— Не хочешь уколоться? — зашелестел тихий мужской голос на ухо.

Ваня оглянулся. Рядом с ним, двумя руками опираясь на скамью, пристроился маленький тщедушный мужичок. Его лицо с желтоватым оттенком было худым, со впалыми щеками. Нос горбился. Черные глазки быстро бегали. Темная рубаха в клетку и темные брюки были надеты после давней стирки явно неглаженными. Иван с

недоверием посмотрел на нерадивого человечка, его маленькие угольные глазки и переместился на край скамьи.

— Давай уколою! Тебе станет хорошо. Не знаешь,— пододвинулся незнакомец — Давай. Садись поближе... Или пойдем за угол. Там сделай.

Иван выпрямился, приготовившись встать. Но в эту минуту сзади сильными руками его схватили за плечи, придавили к скамье.

— Тихо. Не балуй. Ну что? Согласен?

Иван в горячке почувствовал, будто что-то упало внутри. Некое хлипкое, сосущее, противное до отвращения прошло по жилам и остановилось.

— Да давай, давай! — вдруг раздался среди напряженной тишины крикливый ребячий голос.

Тонкий длинный шприц мелькнул в корузных руках с короткими грязными ногтями, впился в тело...

Незнакомцы так же незаметно исчезли, как и появились.

Испепеляющая злоба охватила подростка. «Раздавили, как червяка. Без всякого сожаления»,— ненавидел себя в ту минуту мальчишка. Сейчас он готов был себя исхлестать, измочалить за слабость, за скудоумие. «Напоролся на проходимцев. Мог ли предположить, что поездка в Москву закончится так нелепо? Сколько нечисти развелось!»

Ваня сморщился от внутреннего напряжения, взъерошил нервными пальцами слипшиеся волосы и до боли сжал их.

Немного успокоившись, он сел в подошедшую пригородную электричку.

Сезон был летний. Отпускники, в давке удачно проскочив мимо автоматических дверей, облегченно вздыхали, толкались с сумками, с громоздкими чемоданами. Лишь кое-кто задерживал внимание на черноволосом парнишке, тесно прислонившемся к окну.

Вагон легонько двинуло. Мимо окна поплыли желтые, синие киоски, серые столбы, отдаленные привокзальные помещения. Ускоряя ход, споро перестукивая колесами, электричка вышла за черту города.

Горячее солнце, уже стоящее в ореоле слепящих лучей, благочинно благословляло жизнь на земле. Серебристо сверкали стройные тополя. Перешептывались листвою пугливые осины, кудрявые березы томно свесили пышные ветви-недотроги. Изумрудным ковром смотрелась мягкая сочная трава, одевающая холмистую поверхность. Белыми, розовыми, сиреневыми звездочками на взгорке выглядывали любопытные цветы.

Ваня скользил рассеянным взглядом по проплывающему за окном ландшафту. Глаз останавливался только на несовершенствах. Вот черная, лишенная растительности полоса среди роскошного пейзажа. Глубоко провисшие опасные провода на столбах. Черная полоса. Изъян. Пока черная, было муторно до чертиков.

Дома он устало сообщил родителям, что столичные пируэты не для него. И горько усмехнулся. Встреча на московском перроне не давала покоя. До сих пор плечи ощущали грубую силу и жестокое бесстыдство двоих.

Отец помолчал, потом сказал:

— Будешь получать рабочую профессию.

Сын передернул плечами, взвился:

— Подумаешь, напугал. Ну и получу. И буду работать. И что?

— Ты спесь-то свою поубавь. Мыльный пузырь. Звание рабочего человека тоже надо заслужить.

— Я буду, как ты. Образцом. Примером во всем,— съязвил Иван.

Отец вздрогнул от неожиданности, внимательно посмотрел на сына, шумно вздохнул и вышел за дверь.

Жизнь училища сразу захватила Ивана. При внешней сумбурности в атмосфере НПТУ чувствовались свежая струя, стремительность, духовная общность. Не лишенный острого ума Иван отметил и то, что любое дело здесь творят скопом. Дружбу в училище ценили, и не только в высоком смысле, а во всех ее проявлениях.

С Сашкой Ваня Шахов подружился сейчас же, как увидел его. Общие секреты, тайные замыслы не намечались. Но у Сашки были большие добрые глаза, крупные ямочки на щеках и никакого зла за душой.

Встреча на безлюдном перроне потихоньку начала забываться.

К середине осени часты стали холодные скучные дни. Правда, несколько раз интригующим было огромное небо, наполненное скоплениями в три слоя. Самые высокие и важные прозрачно-серые облака медленно шествовали на запад. Ниже их сплошной чередой мчались клубы на восток, темные, с свинцовым отливом. А над самой землей, неуклюже и часто меняя направление, тяжело ползли черные мрачные тучи, время от времени сбрасывая людям зябкую влагу. Лишь изредка высвечивалась чистая лазурь, которая быстро закрывалась дымчатой скользкой пеленой.

В один из таких дней Сашка подошел к Ивану. Тот возбужденно отчитывал рыжеволосую девчуху.

— Слышь, там наши ребята собрались,— отвлек друга Сашка.

— Да подожди ты. Надо с букашкой разобраться,— отодвинул его дружок.— Смотри, кикимора какая!

— Чего? — старалась отделаться от назойливого однокашника девчонка.

Шахов согнутым указательным пальцем постучал по деревянной крышке:

— Не доходит? Где чувство локтя? Чтобы сообразила, пока я вернусь.

Он махнул Сашку, и они вместе вышли в коридор. За углом толкались вихрастые воители, бросая осторожные взгляды по сторонам. Иван врезался в середину:

— Порядок навести или еще чего?

— А вот посмотри,— Денис приоткрыл небольшой мешочек мышинового цвета.

Иван косил глаза, присматриваясь. Потом черные ресницы его взлетели вверх, всполошенные серые глаза распахнулись. Иван почувствовал, как краска заливает лицо. В сознании всплыли затрапезный мужичонка с отвратительной навязчивостью и его спутник.

Ваня мельком осмотрел собравшихся. Как будто его мгновенной растерянности никто не заметил.

Не сговариваясь, все вышли на улицу, в стороне сгущились. От шумного сборища доносилась перепалка:

— Это ж балдеж!

— Ага, сейчас прилепят аморалку!

— Ба, ты что? Беспробудно собрался?

— Все, амба. Безмозглый дикарь! Нам же только попробовать.

Черта под спором была подведена. Денис приступил к дележке, скрупулезно, по товарищески, чтобы всем хватило.

Дома Иван развернул крохотный пакетик, напряженно стал разглядывать содержимое. Серые крупинки безлико лежали внизу. Он придавил пальцем рыхлую горку, поднес ладонку к носу: «Запах сухой травы. А в чем тут смак?»

— Была не была,— решил рискнуть Иван.

Он достал сигарету, карандашиком осторожно освободил кончик от ароматической массы, набил его травкой. Зажег спичку, закурил. Неведомый доселе шабашный давящий запах распространился по комнате. Никаких внезапных ощущений. Лишь только легкая слабость разливается по жилам и чуть-чуть кружится голова. «А куда мне спешить? — расслабленно думал Иван.— Авось, полежу на диване — и опять в порядке. Никуда не денусь. Весь тут».

На следующий день выявилось невероятное. Долговязый Руслан вдруг заявил, что за «травку» нужно заплатить. Этого худосочного, с независимым видом спекулянта и раньше никто не любил. А тут злость вырвалась наружу:

— Мы же считали, что так. На халяву.

— Просто попробовать.

— Ребята, это что же он нам устроил? Такую пакость сделать своим!

— Он же барыга! Шкурник! — начал улюлюкать Денис.

— В какое дерьмо ты нас втянул? — ткнул кулаком его Вовка.

Наверное, все закончилось бы потасовкой, если б не раздался голос Ивана:

— Пошумели — и будет. Не спекулянт и не крохобор. Он развлечь нас хотел. Хотел сделать нам приятное. Я правильно тебя понял, Русланчик?

— Да-ак. А как же? Я что? Враг нашим?

— Нет, конечно. Свой он. В доску свой. А посему — кончай базар. Я плачу.

Братва переглянулась:

— Деньги ведь немалые?

— Стоит ли из-за пустяков? — снисходительно осмотрел каждого Иван.

Прошло пять лет в жизни Ванечки, полных душевных смятений, бескрылых мечтаний, непростительных промахов. Менялись компании, друзья и страсти. Время и обстановка сделали иным самого Ивана. Поговаривали, будто фамильярность и фанатерию он припрятал за внешней безропотностью. Сказать, что совсем изменился, было нельзя. Ничто бесследно не проходит. Но, видно, понял, что у каждого своя жизнь. Маленькая или большая, бесцветная или звездная, но своя. И мало кому есть дело до нас, если здесь нет прямого интереса.

В последний год знакомые перестали узнавать Ивана. В спешке кто проскочит мимо, а другому легче притвориться, что чужой. Ванечка не обижался.

Сегодня светлый, радостный день. Солнце с утра играет, лучится на завораживающем небе. Дарит миру блаженство, тишину и покой. Иван присел возле вокзала, на асфальт, еще холодный, не пропитанный истомным теплом.

Место было укромное. Вряд ли кто мог его отсюда погнать. Сцепив руки на согнутых коленях, Иван глядел на длинные составы. Они подходили к станции и отправлялись в дальнюю дорогу. Время бежало, летело в этих сумасшедших колесах, в могучих движениях вала, уносилось с прощальными гудками.

Вспомнились безмятежные дни. История с «подарком» Руслана тогда легко разрешилась. Мать не спросила, зачем нужны деньги. Иван тихо улыбнулся: «Единственный сын. Разве откажешь?»

Внезапно восстановилось в памяти, как однажды послеобеденной порой к нему домой зашел Руслан.

— Тсс-с. Так, между нами. Скука ведь какая. А? Ну, ты сам понимаешь — не маленький.

— Деньги нужны?

— Есть у меня точка одна, — выкатив глаза, загадочно выдохнул Руслан.

— Будем искать точку, а найдем что?

— Все верно. Без ошибки. Но все должно быть (новый друг изобразил крест на губах).

С этого разговора началась таинственная жизнь Ивана. Знать бы заранее, что она, эта жизнь, для него окажется блефом, а для его родителей — безутешной печалью. А в тот вечер, в сумерках, они вдвоем отправились по секретному адресу. Спустились по ступенькам в полуподвал. Гостей никто не ожидал. Дверь отворилась, стоило ее нажать легонько. В полутьме среди голых стен Иван различил узлы, скатанные и разостланные на топчанах матрацы, на которых были будто бы разбросаны молодые тела. Сквозь заросшие грязью стекла едва проникал тусклый свет.

На окнах, одиноких стенах гирляндами держалась жирная темно-серая паутина. Несло заплесневелой сыростью, к которой примешивался запах спирта и незнакомого аромата.

— Бррр,— поморщился Иван.— Вот занесло. Что мы здесь забыли?

— Да не дрейфь ты. Уйти всегда успеем,— прошептал Руслан.

К ним настороженно подошел высокий малый.

— Кто дал? — остановил он цепкий взгляд на Иване.

— Тут все шито-крыто. Мы знаем.

— Если так,— оглядел пришедших здоровяк,— не конфузьтесь. Неуютно. Грязновато. Но расковаться можно. Вполне.

Звонкие задорные голоса вернули Ивана к действительности. Это недалеко от него, на перроне, расположилась болтая группа юнцов. Одеты мальчишки были в джинсы к майки, имели с собой баул, несколько огромных сумок и, несомненно, голубую мечту, одну на всех, иначе они не были бы там красивы.

— Идите к нам,— позвал Ивана веселый раздумявшийся юноша, похоже, их вожак.— Вам будет интересно с нами.

Иван встал, резкими движениями стряхнул пыль с одежды, одернул помятые брюки и быстрыми шагами пошел прочь. Как хотелось тогда ему вернуться, вдохнуть мальчишечью задоринку, пожать руки замечательным путешественникам, назвать свое имя, раствориться среди этой безгрешной, беспорочной молодежи.

Иван вышел навстречу спешащей толпе. Озабоченные лица. Живые глаза. Улыбки. Сочувствующий взгляд. «Нужно взяться за оебя. Ведь опустился донельзя,— думал Иван.— А люди? Вот они. Стоит протянуть руку — и они помогут тебе».

— Хочешь укол? Не бесплатно, конечно. За деньги,— услышал он вкрадчивый голос.

— А если нет денег? — осмелился спросить Иван.

— Мы что-нибудь придумаем,— был ответ.

— Если только в последний раз,— равнодушно пробормотал Ванечка. В его серых потускневших глазах застыло ожидание.

Сергей Ефанов

ДРУГ

Ее звали Изольда — очень редкое и красивое имя, а его — Толиком. Она была очаровательным щенком-дворянкой, а Толик — обыкновенным пушистым котенком с выразительными голубыми глазами. Каждое утро, проснувшись и умывшись, он сразу бежал к ее коврику и терпеливо ждал, когда Изольда проснется. Потом хозяйка кормила их и, если погода была хорошей, выпускала на улицу поиграть. Вот где раздолье! Не то, что в доме: тут можно и в жмурки, и в прятки, и в догонялки!

Время шло легко и беззаботно. Они настолько подружились, что даже спали теперь в одной корзинке и вдруг... Однажды утром Толик проснулся от того, что почувствовал, что он — один. Как же так? «Наверно, она сегодня встала раньше и решила надо мной подшутить», — подумал он, но ни в доме, ни во дворе — нигде ее не было. Хозяйка позвала есть, но Толик не притронулся к еде ни утром, ни вечером, ни на следующий день. Он сидел на крылечке и ждал свою подружку. Не мог же малыш понять, что хозяин отвез Изольду на все лето на дачу.

Настала осень. Толик подрос и уже не был тем игривым котенком-шалуном. Как-то утром, позавтракав и умывшись, он вышел во двор и вдруг увидел незнакомого большого страшного зверя. Инстинкт сработал: Толик в считанные секунды оказался на дереве, а Изольда (это, конечно же, была она!) звонко лаяла внизу. Но продолжалось все недолго, и они узнали друг друга, да только не было в этом быллой, бесшабашной радости, и Толик на всякий случай остался сидеть на ветке.

— Ты извини, я как-то это... по привычке, ведь я же — собака, — сказала она.

— Значит, мы теперь уже не друзья? — печально вздохнул Толик.

— Нет, почему же? Конечно, друзья! Просто...

— Просто, — перебил он, — я вдруг подумал и мне стало немножко грустно: ведь и за тобой может вот так погнаться кто-то, более сильный и грозный, а ты не сможешь залезть на дерево... Но я хочу, чтобы ты знала: ты всегда, что бы ни случилось, можешь рассчитывать на своего друга.

ЖИЗНЕННЫЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ, ИЛИ ШКОЛА РАЗВЕДЧИКОВ ДЛЯ МАМ

«Почему в жизни все неправильно? — думал Славик. — Самые интересные фильмы по телевизору начинаются тогда, когда мама говорит, что пора спать».

Действительно, было почему отчаяться: сегодня показывали последнюю серию фильма «В шпионском логове». Первые две Славiku посмотреть удалось — ведь были выходные дни, а вот завтра утром надо снова идти в детский сад. И тогда после ужина Славик пошел на хитрость:

— Мам, я уже спать хочу. Я пойду, лягу.

— Сынок, ты не заболел? — забеспокоилась мама.

— Нет, просто мы с Андрюшкой и Вадькой в войну играли и я, наверно, устал.

— Только ты дверь не закрывай, а то вдруг я и проснусь раньше, а у меня — темно.

— Ну, хорошо, хорошо. Ложись, мой воин. Спокойной ночи.

Мама заходила еще раз, но Славик притворился спящим, и ему это, видно, удалось, потому что мама поправила одеяло, поцеловала его в лобик и молча вышла из комнаты. Последняя серия начиналась на самом интересном месте: русского разведчика вражеские шпионы взяли в плен. Славик подвинулся к краю кровати, чтобы было видно весь экран.

Разведчик сидел на стуле со связанными руками. Рубашка была порвана, губа разбита, а под глазом — большой синяк. Перед ним за столом сидел Противный Шпион и курил толстую сигару.

— Значит, вы не желаете с нами сотрудничать? — Шпион встал и вышел из-за стола.

— Нет.

— Что ж, у вас было достаточно времени, подумать, — сказал Шпион и вдруг неожиданно резко ударил разведчика по лицу так, что тот упал со стула...

...Он очнулся. Перед глазами плавали серые круги. Теперь их в комнате был трое.

— Сядьте на стул! — рявкнул Противный.

— Тьфу! — Славик сплюнул кровь и с трудом поднялся.

— Присаживайтесь, прошу вас, — вежливо сказал третий и добавил, уже обращаясь к Противному, — Зачем же так, коллега? Нам нужны здоровые сотрудники.

— Оставьте нас вдвоем.

Противный вышел из комнаты, а Славик подумал: «Наверное, это — Главный Шпион. Надо бежать отсюда и прихватить его с собой, ведь он точно должен знать кучу вражеских секретов».

— Вы, молодой человек, извините моего коллегу. Работа у нас такая — нервная.

— Да уж.

Давайте с вами побеседуем по-доброму. Если вы не хотите просто так сказать нам, какие песни вы учите в детском саду, то я предлагаю вам честный обмен: вы нам — песни, а мы вам — велосипед и десять порций эскимо.

— Ешьте сами свое эскимо, — сказал Славик, сглотив слюну.

— Очень жаль, Тогда нам придется вас расстрелять.

«Маму жалко, — подумал Славик. — и Андрюшка с Вадькой без командира останутся... А вот Анна Сергеевна пожалеет, что ставила меня в угол на своих занятиях, — я ведь так и не сказал, какие песни с ней и ребятами пели в группе. Вот поставят мне в нашем саду памятник, — тогда воспитательница вспомнит, что это я лучше всех пел «Голубой вагон»...

...— Вставай, пора!

— Ну и стреляйте, все равно ничего не скажу, — выдохнул Славик, открыл глаза и увидел... маму.

— Ой, мамочка, это ты меня из плена выручила?!

— Возможно, — улыбнулась мама, — а вот ты теперь будешь спать только с закрытой дверью и не говори, что тебе слишком темно, — сказала и пошла на кухню накладывать вкусную кашу.

«Интересно, — подумал Славик, натягивая носок, — как она догадалась? Неужели она тоже когда-то училась в школе разведчиков?»

ТРИ ЖЕЛАНИЯ (Сказка для взрослых)

Май выдался на редкость холодным. В первой декаде три ночи почву прихватывали заморозки. Баба Тоня охала и сокрушалась по этому поводу: «Вот, Витюшка, останемся мы с тобой без урожая — что зимой кушать будем? »

А вчера пролил первый дождь. Землица, соскучившаяся по влаге, быстро впитала ее, и сегодня, ближе к полудню, Витька, вооружившись лопатой, вышел на «поле боя» — в огород. Солнышко во всю разыгралось лучами, и через час работы Витька взмок. Он сбегал в избу переодеться и хлебнуть молочка, а когда вернулся, обнаружил возле лопаты соседа Севку Чубревича — ровесника и незаменимого заводилу во всех их деревенских играх и затеях:

— Витек, оказывается, в Степановке есть старый, разрушенный монастырь. Айда в разведку! — безо всяких предисловий выложил приятель.

— Я не могу сейчас. Сев,

— Что, слабо пять километров протопать? Ножки устанут?

— Ничего не слабо,— парировал Витька.— Прости я должен помочь бабе Тоне,

— Ну, как хочешь, грядкин друг. Только знай: если я там найду что-нибудь такое... — он понизил голос до шепота,— делиться с тобой не стану,— и рванул в сторону речки.

Витька вздохнул. Было из-за чего отчаяться: когда они ходили в ночное с дядей Гришей, местным «копытником», как его называли в деревне, тот у костра нарасказывал столько удивительных историй про старые, заброшенные церквушки, монастыри и кладбища, про самые невероятные находки, что у ребят тогда даже волосы на голове зашевелились. Однако ближе к утру, когда с зорькой жуть прошла, приятели порешили: надо непременно обследовать окрестности. И были уверены, что им обязательно повезет и что-то тайное, скрытое от глаз людских до сих пор, увидит свет божий.

А с другой стороны, у бабы Тони, кроме него, помощников не было. Мамка умерла, когда Витюшке еще не было двух лет, а его отец, бабушкин зять, находился постоянно то в командировках, то в поисках новой матери для сына. Витька еще раз вздохнул, воткнул с досады лопату на полный штык, перевернул огромный ком земли и начал рубить его, как вдруг... откуда-то снизу послышался еле уловимый голосок: «Не губи! Не пожалеешь...» Витька от неожиданности даже выронил лопату. Вытер со лба выступившую испарину и огляделся по сторонам; кто здесь может быть, кроме него да вон тех двух галок у плетня? Он недоверчиво глянул на земляной ком, поднял лопату и снова занес ее для удара, как из колдобины... вылез обыкновенный земляной червяк, и снова послышалось: «Витюшка, не губи».

Витька так и застыл в этой позе, потом отшвырнул инструмент в сторону и опустился на колени в полном недоумении:

— Так это ты со мной говоришь?

— Я,— тоненько отозвался червячок.

Витюшка уловил какой-то, еле различимый блеск с одного конца земляного чуда и наклонился еще ближе:

— Эге! Да ты не простой червячок! — на том поблескивала крошечная корона.

— Я — принц подземного царства, Если ты оставишь меня в живых, мой отец выполнит три твоих самых заветных желания.

Витька совсем оторопел:

— Слушай, этого не может быть! На дворе — конец двадцатого века, мне — почти тринадцать лет. Так не бывает! Сказки могут быть... могут быть... только в сказках для малышей! — и на всякий случай ущипнул себя за руку.

Чудо не исчезло и снова заговорило человеческим голосом:

— Да, слишком умными вы стали: ищите чего-то нового, необъяснимого, а в настоящее, реальное, находящееся порой у вас под носом, не верите...

— Ну, не то, чтобы я совсем не верю...— абсолютно запутался Витька.

— Вот прямо сейчас чего бы ты хотел? — резко оживился принц.

— Прямо сейчас...— попытался собраться с мыслями подросток, но они разбежались, словно весенние ручьи.— А можно не прямо сейчас, а немного попозже?

— Можно,

— Баба Тоня переживает каждый год на счет урожая. Вы можете сделать так, чтобы в ее погребе всегда были овощи и фрукты: картошка там, огурцы-помидоры всякие? Каждый год?

— Такой пустяк,— произнес червячок и исчез также неожиданно, как появился.

Витька вернулся в избу в подавленном состоянии и забрался в свою постель, сославшись на то, что он сильно устал.

— Витенька, ты не заболел? — забеспокоилась бабушка,

— Нет, ба, голова просто разболелась, а так — все нормально. Я отдохну,— и отвернулся к стене.

Следующие два дня внук потрудился на славу: перекопал всю нужную территорию плюс кусок земли в дальнем углу, стараясь не вспоминать о происшедшем. А ближе к зиме это сказочное событие вовсе вылетело у него из головы. Напомнила баба Тоня... Урожай, действительно, не уродился. Соленые огурцы — Витюшкин деликатес — закончились еще до новогодних праздников. На каникулах баба Тоня полезла в погреб за картошкой и квашеной капустой, а выскочила оттуда такая взбодраженная, будто столкнулась под землей с самой нечистой силой:

— Этого не может быть! — она буквально влетела в избу с пустым ведром в одной руке и такой же большой миской в другой.— Мы же все их съели! Последние — на прошлой неделе. Вить...

— Кого, ба? — не понял Витька.

— Дык. кого... Твои любимые огурчики... А сейчас слева две полки заставлены, будто их и не трогали...

Тут-то парня и осенило: сработало! Он просто покатился от смеха, скрывая истинную причину чуда:

— Ба, ты, наверное, когда картошку-то перебирала, сама банки туда переставила, а потом забыла,— тайная радость распирала его аж до слез.

— Грех, внучок, смеяться над старым человеком,— одернула баба Тоня.

— Да я не над тобой, ба. Я от радости, что их нам теперь до весны хватит. И не только их,— добавил уже в сторону, переобулся в валенки и сам пошел к погребу,

...То же самое повторилось и в последующие зимы. Баба Тоня потихоньку смирилась с необъяснимыми событиями, ссылаясь на свой начинающийся склероз, Витька радовался в душе, но раскрыть ей свою нелепую тайну просто не мог: разве можно в такое поверить?

...Но окончании девятилетки он решил пригласить всех своих ребят-одноклассников (девчонок-то вряд ли родителипустят!) отметить это событие шашлыками у бабы Тони в деревне. Ехать недалеко, восемь-десять минут на автобусе от города, да и переночевать, если что, места всем хватит. Сам он примчался с утра пораньше: подготовить все как следует к празднеству. Три бутылки «Букета Молдавии» (на всех — залейся!) ребята привезут сами, овощей-фруктов — навалом. Надо только замочить мясо и подготовить место для вечернего костра.

Витька взял лопату и направился в огород. Выбрал подходящее местечко подальше от избы и плетня. Сбросил курточку, закатал рукава, и только подсек первый слой молодой травы, как снизу раздался уже подзабытый тонюсенький голосок:

— Вижу я. Витюш, что настало время второго желания?

Витьку как будто легкий разряд токашибанул: он подскочил на месте и выронил лопату. Но, в момент сориентировавшись, бухнулся на колени и осторожно взял в руки свежесрезанный пласт:

— Принц, это ты?

— Я,— на солнышке сверкнула знакомая крошечная корона.— Не обманул тебя червячок в первый раз?

— Нет, нет, ты что?! Все просто здорово! Только баба Тоня думает, что у нее потихоньку «крыша съезжает»,— хихикнул Витька.

— А в этот раз чего ты хочешь?

— Да я костер хотел, вообще-то...— поник Витька.— Подожди, пожалуйста, немножко,— и задумался. Он молчал несколько минут.— я девять классов закончил. Жить, скорее всего, буду здесь. Отец нашел-таки себе пессию, но мне она совсем не нравится... В общем, и мне, и бабе Тоне так будет лучше и спокойнее. А кем в деревне работать? Ну, механиком там, нет, лучше — автомехаником, но чтоб еще и электрику знать по всем автомобилям. Вот если б все это знать безо всякого обучения... Чтоб в сентябре — сразу на работу, а?

— И во второй раз не обманет,— подал голосок принц и снова незаметно исчез.

...Когда в середине сентября Виктор пришел к председателю устраиваться на работу, в его кармане лежали «корочки» специалиста высокого разряда, о появлении которых никто, кроме него самого, не предполагал и не догадывался. Семен Михайлович ничего не спросил и назначил Виктору испытательный срок в три месяца. А когда понял, что парень хваткий и башковитый, уже через полсрока доверил ему на обслуживание всю колхозную технику и свой личный уазик в придачу.

...По достижении совершеннолетия Виктор оформил опеку над бабой Тоней (новые друзья помогли), тем самым решив вопрос с прохождением армейской службы. Еще через пару лет его перетащили в город: на «золотые» руки деревенского «Кулибина» положил глаз директор открывшегося там частного автосалона. Со временем Виктор по знакомству купил подержанный «Форд» товарного еще вида и слепил из него «конфетку». Жил по-прежнему в деревне. Никогда не отказывал селянам в их автопроблемах (абсолютно безвозмездно), радовался жизни и изредка вспоминал о нахлынувшем (точнее — выползшем) на него счастье, да о том, что у него осталось еще одно заветное желание.

...Ближе к осени баба Тоня слегла. Отказывалась от всего, ссылаясь на непомерную усталость, и пыталась успокоить внука, что все скоро пройдет. А по ночам Виктор слышал ее тихие, монотонные причитания: «Дай. Господи, Витюшке всего хорошего. Борису все было не до сына, а я сделала все, что смогла... Дай, Господи...» — и еще что-то шепотом, совсем Виктору непонятное.

Когда через полторы недели он, вернувшись с «колыма» далеко за полночь, не услышал привычного скрипа кровати и ее бормотания, сначала сильно перепугался. Подошел ближе, убедился что бабушка дышит, и побежал в сени за лопатой. Бросил ее на заднее сиденье своего «Форда», завел его, и, сшибая часть плетня, въехал прямо на грядки со свеклой. Поддомкратил под задок, переключил фары в режим дальнего света и принялся наспех копать в выбранном наугад месте:

— Эй, ты где? Появись, пожалуйста, дело есть.

— Я уж думал, что ты забыл обо мне,— в свете фар блеснула знакомая корона.

— Понимаешь, бабушка сильно захворала, а я совсем не знаю, что с ней и как помочь... — и заплакал.— Умоляю, сделай так, чтобы она жила. Я очень тебя прошу.

— Иди, Витюш, ложись спать,— промолвил принц и исчез, как всегда.

Чуть успокоившись, Виктор погасил фары в машине и поплелся в сторону избы. Обуреваемый самыми противоречивыми мыслями, он незаметно уснул чуть позже.

И ему, как и всем людям, не слышны были в оставшиеся ночные часы подземные споры о Всевышнем, о царстве света и тьмы...

Утром он проснулся от того, что в сенях что-то гремело. «Неужели я дверь не запер? Кого там могло занести?» Но, выйдя на шум, с радостью обнаружил, что это баба Тоня возится по хозяйству. Эмоции переполнили Виктора, он схватил растерявшуюся бабушку в охапку, расцеловал ей лицо, и, поставив на пол, побежал в огород с криками: «Ай да принц!»

...Через два дня бабы Тони не стало... На девятый день осыпался погреб, а через сорок дней у избы так повело угол, за ним — другой, что она стала больше похожа на сильно покосившийся блиндаж после артобстрела. Нетронутая бедой часть избы с печкой, сенями и комнатухой бабы Тони стали безвылазным убежищем для убитого горем Виктора. Точнее, он сперва иногда вылезал — до бабы Нюры, за самогоном. Но потом отдал внуку, одиннадцатилетнему Вовке свой второй «мобильник», чтобы в случае истощения запасов «горючего» вызывать «скорую помощь» на дом.

...Ударил первый морозец. Виктор прочухался, как обычно смурной и с большой головой. Опохмелился и, вооружившись лопатой, побрел в опустевший огород. Ближе к обеду, когда уже все руки покрылись кровавыми мозолями, он вызвонил Вовку. Тут же подзаправился из горлышка, плеснул немного на ладони и продолжил свое нелегкое дело. Начало смеркаться.

— Хрен ты от меня спрячешься! — не сдавался Виктор, хотя весь верх черенка уже был измазан его кровью.

— А я и не собираюсь, — послышался знакомый, противный тоненький голосок.

— Ты где?!

— Да вот же, перед тобой.

Глаза отказывались сфокусироваться на одном месте, и Виктор остервенело заработал лопатой:

— А-а-а! Тварина! Убью!

— Эй, эй! Поосторожнее, а то ведь и правда зашибешь. Я все тебе могу объяснить.

Виктор смекнул, что так он вряд ли добьется желаемого, и пошел на хитрость:

— Все, я спокоен, договорились. Вылезай, волшебник хренов.

Когда в сумерках блеснула знакомая корона, он лихо подцепил комок на лопату и принялся разгребать землю, подбираясь ближе к червячку. Через пару минут на металлической поверхности остались лишь несколько крупинок и обманщик-принц, орущий во всю свою десятисантиметровую мощь: «Я все тебе объясню! Ты должен понять!»

Виктор, казалось, ничего не хотел слышать. Он осторожно дошел до машины. Одной рукой держа «ценный» груз, другой достал из багажника канистру, обильно полил на штык и, отодвинув его подальше от себя, поднес зажигалку.

...Как прошла зима и началась весна, Виктор совсем не помнил. Сначала, вроде бы, кто-то приезжал или приходил, то ли из города, то ли из местных, о чем-то пытался заговорить с ним. Потом... потом все покрылось мраком...

«Витек, ты живой здесь? Эй, партизан, ты где? Покажись, мать твою!» — чей-то голос вывел Виктора из оцепенения.

Он открыл глаза, осторожно спустил ноги на пол: шумели, кажется, во дворе. Вышел потихоньку, огляделся вокруг. Возле калитки стоял огромный джип, из него навстречу Виктору вылез... Севка Чубревич:

— Ну, дела! Значит, правду говорили, что мастер в жутком «штопоре». Ладно. Витек, не ссы, жизнь продолжается. Я к тебе по делу: освещение в салоне не фурычит. Глянешь, а?

— Какое освещение? В каком салоне? Ты о чем? — жизнь по миллиметру воз-

вращалась к Виктору.— Что ты тут делаешь? — огляделся еще раз,— Что я здесь делаю?

— Витек, не дури. Свет в машине починить надо. Посмотришь? Я хорошо заплачу.— И полез во внутренний карман.

— Какая машина. Сев? Обалдел?! Я даже не знаю, с какой стороны у нее мотор... Дай закурить.

— Все, Витькина кукушка совсем далеко,— сделал вывод Чубревич. Подал Виктору пачку «Парламента», пожал плечами, залез в свой «вездеход» и был таков.

...Апрель в этом году выдался на славу. Благодатная земля соскучилась по заботливым рукам. Виктор проснулся, привычным жестом выудил из-под кровати бутылку с остатками самогона, долго смотрел на нее затем грохнул о стенку и как следует растер виски ладонями. Вышел в сени, зачерпнул ковшом воды из ведра (а кто принес-то?) и, взяв стоявшую тут же злосчастную лопату, направился в огород.

Податливость земли, казалось, придает ему дополнительные силы, наливает все тело неизмеримой энергией. Оглянулся на избу. «На счет бревен и камня я с Семеном Михайловичем потолкую. Не должен мужик отказать,— думал Виктор, всаживая штык поглубже.— Ребят в городе найду, через босса. И столяров-плотников, и каменщиков, и газовщиков-водопроводчиков. Сколотим новую избушку — с водой, с газом. Печку жалко, такая жаркая была... Погреб тоже надо вырыть в другом месте. Сарайчик какой-нибудь соорудить. Все будет. И еще лучше, чем раньше. Главное, чтобы урожай в этом году оказался добротным...»

Ирина Пархоменко

ЭХО

*Стрела, пущенная человеком, облетит весь мир
и непременно поразит его в спину.*

Восточная мудрость

Я поднялась на третий этаж, открыла тройную дверь и вошла в свою квартиру. Теперь можно расслабиться, снять ставшие тесными к концу дня туфли и блаженно кинуть уставшие кости в мягкие объятия кресла. Все дела могут подождать — мои десять минут отдыха священны для всех. Я наслаждалась блаженной тишиной после многоголосия и суеты улиц, чистым воздухом — после бензиновой удушающей атмосферы большого города. Но сегодня в моем распоряжении есть еще три часа одиночества, потому что муж с детьми отправился в зоопарк. Чем же заняться в первую очередь? Я не могу долго бездельничать!

Я стала переодеваться, но тут заметила сигнал автоответчика. Кому это приспичило меня «порадовать» в преддверии выходного дня? Так и не натянув любимую футболку со слонами, я нажала кнопку воспроизведения с некоторым раздражением.

— Танюша! Привет! Извини, что долго не давала о себе знать, но со мной произошло столько невероятного, о чем в двух словах не расскажешь. Я на все лето уезжаю в деревню: отпуск и еще два месяца за свой счет. Но и среди хозяйственных забот, я уверена, мои невероятные приключения продолжатся. Ты, как всегда, мне поверишь не сразу, но прочти черную тетрадку, которую тебе доставит к семи часам посылный. Надеюсь, что за всеми своими «очень важными делами», ты выберешь полчаса, чтобы познакомиться с моими «почеркушками». Если что, ты знаешь, где меня искать. Надеюсь, что скоро увидимся. Пока. Твой Пух.

Голос смолк. Я фыркнула. Господи! Это Ирчика-то ждут «невероятные приключения»? И где — на сенокосе да на картофельных грядках? Ведь там, насколько мне известно, ни одного мужика моложе шестидесяти пяти лет нет в радиусе десяти километров! Да, такое заявить может только она — мой друг Ирчик, которого я ласково называю Пух.

Мы знакомы уже лет десять, но за все это время подруга совершенно не изменилась, оставаясь такой же подвижной румяной курносой толстушкой с длинной каштановой косой, полностью — и внешностью и характером — соответствующей своей фамилии Пухликова. Очки с толстыми линзами скрывают мечтательные серо-голубые глаза, вечно лукаво прищуренные; верхняя губа чуть приподнята, поэтому кажется, что Ирчик всегда улыбается. Она напоминает уютную бабу-грелку на самоваре. Но, может, именно благодаря своей «уютной» внешности, это надежный и верный друг, мой незаменимый рукав от жилетки, в который я редко, но подолгу, плачусь. Она обладает нечасто встречающимся даром расположить собеседника, помочь

ему излить свою душу и найти решение собственными силами. За веселый нрав и крупногабаритную фигуру я прозвала Ирчика Винни-Пухом.

И, к чему греха таить, на фоне подруги я смотрелась весьма выигрышно: высокая, статная; крупно-волнистые иссиня-черные волосы обрамляют овальное смугло-румяное лицо с большим чувственным ртом и ярко-синими глазами. По выражению Ирчика, я «весьма аппетитна, просто пэ-эрсик, так и хочется съесть». Редкая женщина делает другой комплименты безо всякой задней мысли, но мой Ирчик именно такой уникум.

К тому же она может наступить на горло собственным чувствам и отойти в сторону, именно себя считая третьим лишним. Вот потому-то она до сих пор одна, а парень ее мечты стал моим мужем. Но наша дружба не пострадала от такой жертвенности.

После культпросветучилища я закончила институт, устроилась на непьющую работенку в процветающее издательство, а Ирчик, как ушла в свою библиотеку, так и не собирается ее покидать. Я живу в престижном районе в большой четырехкомнатной квартире, у меня двое детей — Ольга и Александр, темно-синий «Мерс» и черная «Ауди», в доме повсюду ковры, хрусталь, картины и масса самой современной бытовой техники.

Ирчик же ютится в полуразвалившемся бараке послевоенных времен абсолютно безо всяких удобств, на работу добирается около часа в переполненном автобусе и еще минут десять идет пешком. Но все стены ее каморки от пола до потолка заняты книжными полками. Я иногда шучу, что ей можно не ездить так далеко на работу, а организовать частную библиотеку. Ирчик только смеется над моими словами. Так она и живет в извечном для многих женщин кольце «дом-работа-дом», разрывая его только раз в году, когда забирается на все лето в глухомань, к материной тетке, единственной оставшейся родне, чтобы помочь с хозяйством. В отличие от меня Ирчик ненавидит город, но вынуждена жить в нем, потому что «книжный червь не способен обойтись без постоянного притока информации». Она книги просто «глодает», это настоящая ходячая энциклопедия, переживающая периоды увлеченности самыми различными вещами. То она научилась вполне профессионально вязать оригинальные изделия, то вышивает, то шьет, то забросила все это для рисования, то начала писать стихи, то занимается аутотренингом и нетрадиционными методами лечения, а в последнее время просто «заболела» ясновидением и гаданием. И я совсем не удивлюсь, что ее «необыкновенные приключения» связаны с новым хобби.

Ладно, подожду черную тетрадь.

Время летит незаметно, когда мечтаешь и вспоминаешь, хотя я научилась совмещать приятное с полезным и не потеряла даром ни минутки: приготовила ужин на всю ораву, навела порядок на кухне, приняла душ. Определенно, это мой день, точнее вечер: ужин получился просто шикарный — любимый нами салат из вареной фасоли, зелени и яиц, ризотто с грибами «Дель Монтелло», кусочки обжаренного мяса в пряном соусе — как в лучших ресторанах Лондона и Парижа. Чтобы не соблазниться и не наестся до прихода моих любимых, я отправилась за новой рукописью, которую надо было подготовить к печати.

Едва я уютно устроилась в своем рабочем уголке, включила и настроила компьютер, раздался звонок в дверь. Не успела я вылезти из-за стола, как звонок заверещал снова. Я взглянула на часы — семь. В глазок был виден парнишка в форменной каскетке «Срочная доставка», он жал на кнопку звонка, пританцовывая под музыку из флэш-плеера, нетерпеливо поглядывая на часы. Я открыла внутреннюю дверь, расписалась в получении, попросила просунуть бандероль в щель для почты, отдала плату за доставку и чаевые. Парень довольно хмыкнул и взял под козырек:

— А все-таки, тетя, зря боишься. Наша фирма заинтересована в клиенте и гарантирует качество работы. Пока, — и, не дожидаясь лифта, ссыпался по лестнице.

Я нетерпеливо распечатала послание от Ирчика: общая тетрадка была исписана мелким, четким, убористым почерком. Слава богу, что подруга, по обыкновению, не пишет по две строчки в одной клеточке, экономя бумагу. Да и тетрадь - общая, хотя Пух предпочитает делать записи на отдельных листочках. По давней привычке взглянула на последнюю страницу. Нет, она неисправима! Опять остановилась в предложении на запятой, хорошо, что хоть слово полностью дописала. Начиталась, понимаешь, Платона: именно у него в диалоге «Критий» рассказ обрывается на середине фразы.

Ну-ну, посмотрим этот «шедевр», благо до прихода детей и мужа есть еще время. С некоторой долей досады я выключила компьютер, отложила непросмотренную дискету в сторону — служба службой, а дружба важнее. Не так уж часто Винни обращается ко мне с просьбой. Ведь при всей внешней общительности и доброжелательности, Ирчик весьма закомплексованный человек, который не любит длинных телефонных разговоров и хождений по гостям, хотя ей в гостеприимстве не откажешь, а лучшего слушателя самых невероятных историй и прожектов не найти и днем с огнем. Она все время боится оказаться лишней, помешать чужому отдыху или работе.

Итак, приступим. Во-первых, заголовок: «Записки в изголовье». Знакома с произведением японки Сэй-Сенагон, явный плагиат. Но что дальше? А дальше — ничего похожего.

«Почему-то ночью хорошо пишется. Никто не отвлекает, не мешает. Тишина, оживляемая лишь тиканьем часов да шорохом пера по бумаге. Даже мой не всегда спокойный сосед выключил магнитофон, а малолетние рокеры всей своей компанией отправились в более людные места. Редко выпадает такое время, когда трудно удержаться в себе переживания и волнения. И, если бы со мной не начали происходить странные вещи, я, пожалуй, так и не взялась бы за перо. Воистину, «есть много, друг Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам». Как тут не вспомнить фразу моего учителя, что «никогда не говори “никогда”»...

А дальше пошло такое: Зеркала, Странствия, Тени, Любовь, Ненависть, Предательство...

Я и не заметила, как «проглотила» записи из черной тетради. И, даже закрыв последнюю страницу, еще долго сидела, «переваривая» «сны, где явь с мечтою пополам»... У меня, честно, захватило дух. Ну и Ирчик! Ну и фантазия у нее разыгралась, или просто произошел «сдвиг по фазе»? Бред собачий! Хотя легче поверить в вымысел, чем в астральные путешествия. Целые НИИ исследуют паранормальные явления, и не мне «лезть со свиным рылом, да в калашный ряд». Но, если это все — правда, то, действительно, предсказанные приключения в деревне произойдут...

Впервые меня так поразило сочинение подруги, совершенно не похожей на авторов любовно-мистических романов. А герои... Они просто списаны из жизни. Я узнала себя, Ирчика, моего мужа, наших детей и еще массу наших общих знакомых. Но была там и новая фигура, которая совершенно заворожила меня. И я, еще ни разу не встретив его в жизни, поняла, что это — моя судьба! И он должен быть только МОИМ!!! Червяк любопытства заворочался изо всех сил. Я просто **обязана** узнать продолжение! Я готова на все — даже бросить работу и семью и отправиться в эту глушь! От любопытства кошка умерла, но я-то не кошка! Ох, и будут приключения! Но только не с Ирчиком, а со мной. Недаром, Татьяны чаще становятся героинями романов, чем Ирины. Решено, еду «в деревню, к тетке, в глушь»... хотя и не в Саратов.

Правда, обдумывание плана «побега из Шоушенка» пришлось отложить на утро, поскольку явились мои вечно голодные дети и муж. Они, не переставая выдавать свои впечатления от прогулки, обняли и поцеловали меня, быстро переоделись, и, с

поистине волчьим аппетитом умяли подчистую весь ужин, к которому я лишь при-
тонулась, все еще находясь под впечатлением от Ирчиковых «Записок». Дети затем
были отправлены мыться и спать. Тут Николай, уставший не меньше ребят и мол-
чавший до сих пор, пристально наблюдая за мной, обнял меня и спросил, потирая
носом мою щеку и касаясь губами мочки уха:

— Как прошел день? Что-то случилось? Ты не похожа сама на себя. Может, не-
приятности на работе? Хотя, превосходный ужин начисто отменяет такую возмож-
ность.

Так приятно и надежно в объятиях понимающего меня мужа, но чувства мои бы-
ли весьма неопределенными и пока не хотелось создавать бурю в стакане воды.

— Знаешь, радость моя, я получила послание от Ирчика. Она, оказывается, умеет
не только читать, но и пишет *такое!*

— Я ценю твое мнение специалиста, но не пора ли нам баиньки? Хотя, я с удо-
вольствием сначала занялся чем-то, не менее приятным. Уммм...— и его язык начал
игру, в которой ему не было равных.

Я дала увлечь себя в спальню, и муж снова подтвердил свою высочайшую ква-
лификацию не только специалиста по рекламе, но и героя-любownika. За восемь лет
нашей совместной жизни (хотя первенцу Александру уже девять! Что поделать, гре-
хи юношеского безрассудства, когда запретный до брака плод сладок), наши чувства
стали более прочными, ощущения — изысканными, каждая следующая любовная
игра оказывалась лучше предыдущей. В нашей семье царила полная гармония, и мне
было жаль Ирчика с ее неудавшейся личной жизнью, что поделать, но Николай вы-
брал меня, а не ее. Я так и уснула в объятиях любимого и нежно любящего, но такого
предсказуемого мужа, втайне грезя о НЕМ, о том, которого вскоре встречу, если все,
что написала Ирчик, верно.

Я весьма деятельный человек, не привыкший даром терять время, но и мне уда-
лось лишь через день уладить все дела, и вот маюсь битый третий час в душной, пе-
реполненной по случаю выходного дня, электричке. Все мои мысли уже далеко впе-
реди, но до сих пор — я «не в своей тарелке». Я, абсолютно «обмашиненный» чело-
век, и вдруг решила на такую авантюру: электричка, попутки, затем надо идти
пешком или, если повезет, трястись на телеге. Но чтобы ни говорили, двигатель про-
гресса вовсе не реклама, а любопытство. Сами знаете, охота — пуще неволи.

Вид из окна электрички - весьма однообразный и непримечательный, в попутках
не было привычного комфорта «Мерса», от долгого сидения и тряски ломило все
косточки, но, когда я выбралась со своей тяжелой сумкой из пропыленной кабины
«КамАЗа», и вдохнула свежайший воздух березовой рощицы у пустынного пере-
крестка, я, коренная горожанка, не мыслящая себя без бетонных теснин, напоенных
«ароматами» бензина и смога, наполненных шумом вечно спешащей толпы, я ощу-
тила сошедшие на меня благодать и покой. Плечи мои сразу распрямились, появи-
лось второе дыхание и... попутная лошадь! Ура! Лучше плохо ехать, чем хорошо ид-
ти! Правда, через час, я уже не могла с прежним пылом защищать эту мысль!

Во-первых, возница, дряхлый дедок, глуховатый и подслеповатый, замучил меня
бесконечными расспросами: «Кудай-то едет красавица? Ах, к подруге! А ктой-то
ента подруга? Ах, у бабули гостит? А бабюлю-то как кличут? Ах, да енто та самая!
Чтой-то значит, та самая? Ну, та, у коей в любой год хорошие укусы, овощей с ого-
родика и на телеге не сvezти, а корова дает молока больше и вкусней, чем у всех ос-
тальных. Да ишо, бабуля та — известная знахарка-травница, она и тя, от чего хошь
вылечит, не боись!»

Господи, хоть бы она тебя от любопытства вылечила, да, заодно, язык немного
укоротила! Довел своей болтовней, сил нет терпеть!

Во-вторых, дорога была, мягко говоря, не зеркало, а у телеги рессоры проектом

вообще не предусмотрены, так что тряска грозила меня ежеминутно рассыпать на кусочки.

В-третьих, пыль настолько забилась в уши, ноздри, рот и глаза, скрипела на зубах и вызывала неотвязный кашель, что, в свою очередь, повышало вероятность остаться без языка, откусив его.

Поэтому, когда дедок, в конце концов, остановил лошадь, чтобы поправить сбрую, я вылезла из телеги, разбитая во всех смыслах, покрытая толстым слоем пыли и начисто лишенная терпения. С большим трудом мне удалось уговорить деда завезти мою дорожную сумку в дом к бабуле-травнице, так как я решила оставшуюся часть пути проделать пешком, благо, осталось чуть-чуть. К тому же, дорогу я знаю по описанию Ирчика и прекрасно ориентируюсь на местности. Я проводила взглядом удаляющуюся в облаке пыли телегу и наконец-то осталась одна

Я уже упоминала, что не люблю одиночество. Да, в больших дозах, но и без него не могу. И сейчас я наслаждалась тишиной, разбавленной стрекотанием кузнечиков в высокой траве. Так приятен был свежий, хотя и обдающим томным жаром, воздух.

Сойдя с дороги, я обнаружила в овражке родничок с необыкновенно вкусной водой. Оглядевшись по сторонам, я не увидела никого, поэтому безбоязненно сняла с себя одежду, вытряхнула ее, умылась, расчесала волосы, затем протерла тело влажным носовым платком и так постояла немного, обсыхая.

Я почувствовала себя превосходно. Вода, наверное, была целебной, потому что усталость как рукой сняло. Не спеша я натянула свои неизменные в неофициальной обстановке джинсы и футболку, водрузила на голову каскетку с длинным козырьком и теперь была готова отправиться в это забытое и Богом, и людьми Сидорово.

Теперь я с удовольствием поглядывала по сторонам, постепенно осознавая, что эти места заслуживают любви и восхищения. Вид березовой рощицы, этакого форпоста огромного Монахова леса, встретившей меня на перекрестке и достаточно внушительно смотревшейся по сравнению с городскими парками, а также путь в несколько километров до деревни, совершенно изменили мое восприятие пейзажа.

Я восхищалась этой стеной деревьев, подступавшей вплотную к дороге, этим совершенно невероятно вкусным и бодрящим духом срединного леса, где чуть осязаемый запах гнили забивается пряным, остающимся даже на языке, ароматом молодых листьев, первых цветов и напоенных солнцем трав на полянах. Это был просто бальзам для моих отравленных городским воздухом легких. Мне стало жаль тех, кто так никогда в жизни не увидел такую красоту. Теперь-то я стала понимать Ирчика, стремящегося прочь от благ цивилизации хотя бы на пару месяцев, в эти заповедные места, где лучше всего передвигаться пешком. На память пришли знакомые с детства строки: «Здесь мало увидеть, здесь нужно взглядеться...» Да, взглядеться, вслушаться, чтобы понять, чего мы сами себя лишаем, обитая в тесных городах, что плата за удобства становится подчас непосильной для души и тела.

Я восхищенно коснулась белого ровного ствола высокой березы, сойдя для этого с дороги: человек такого создать никогда не сможет! Мне показалось, что в меня стали вливаться новые силы, наполняя ощущением могущества и чистоты. Я была зачарована, с сожалением отошла от дерева, поблагодарив его за необыкновенный подарок, и продолжила путь.

День между тем клонился к вечеру. Я свернула на тропинку, которая сокращает дорогу километра на полтора. Здесь березы постепенно уступали место соснам, и казалось еще жарче от облитых солнцем и поэтому совершенно золотых стволов.

Лес начал редеть, и я увидела серебристо-серую ленту Сиреньки в обрамлении лиловых и белых, уже облетающих кустов сирени.

А вот и переправа — обтесанное бревно, перекинутое с берега на берег, с натянутой для страховки проволокой-перилами. Не лучший вариант для боящихся высоты,

особенно над текущей водой. Немного выше по течению есть брод, но вода там доходит до колен и дно не слишком чистое, заиленное. Придется идти здесь, надеясь, что бревно выдержит мои почти пять пудов.

Оказывается, путь по мосточку, лежащему невысоко над водой, завораживает и заставляет кружиться голову. Примерно на середине я остановилась и, несмотря на страхи, стала наблюдать, как медленное течение лениво перебирает нити водяных растений, расчесывая и сплетая зеленовато-коричневые пряди. Мелодичное журчание струй никак не давало мне двинуться с места, пока это гипнотическое состояние не нарушил окрик Ирчика:

— Танюшка! Ну, наконец-то! Поспеши, ужин уже готов.

Я помахала Ирчику и прокричала в ответ:

— Сейчас иду, просто меня речка заворожила.

— А, и ты попала под власть водной флейты, — ответила подруга, обнимая меня от всей души. Затем она взяла мою маленькую сумочку, теперь казавшуюся мне неподъемной.

— А я тебя жду второй день, значит, немного переоценила твои организаторские способности, — продолжила Ирчик, удивительно быстро, несмотря на сопение, поднимавшаяся в гору и тащившая меня при этом за руку.

Но если Ирчик только сопела, то я уже обессилела, почувствовав завершение путешествия. Я даже начала мечтать о несбыточном — прохладном душе, ноги мои ощутимо ныли, но подруга удивила меня:

— Танюш, не переживай, будет тебе душ.

— А разве здесь есть водопровод?

— Нет, это летний душ. Я с Петькой и Федькой, ребятами, приехавшими на каникулы к деду Матвею, смастерили его в прошлом году. Сейчас мальчишки сдают экзамены в военное училище, так что эта роскошь целиком и полностью в нашем распоряжении.

Таинственный летний душ оказался маленькой дощатой будочкой с большим металлическим баком на крыше, в котором вода за день нагревается от солнца. Ирчик показала мне принцип действия сего «сооружения», предложила чистое полотенце, набор парфюмерии и оставила одну. Я понимала, что нужно ангельское терпение и адское трудолюбие, чтобы натаскать воды, поэтому мылась быстро и экономно.

Через десять минут я буквально заползла в утопавший в зелени приземистый домишко, выкрашенный в голубой цвет сверху донизу, с белыми наличниками и белыми же ставенками. Внутри царил приятная прохлада и полумрак. Пройдя через сени, я очутилась в кухоньке, большую часть которой занимала настоящая русская печь. Здесь стоял основательный стол, около него две скамейки, покрытые пестрыми вязаными кругами. На лавке рядом со входом выстроились в ряд эмалированные ведра с водой, прикрытые крышками. Над ними тикали допотопные часы с кукушкой. На маленьких окошках, еще открытых настежь, висели марлевые занавесочки от мух, а на узких подоконниках стояли горшки с алой геранью.

На столе все было готово к ужину: в центре — солонка с крупной, чуть желтоватой солью; на холстине с вышитыми красными петухами — ломти домашнего ржаного хлеба; на глиняном блюде — гора отборной редиски, пучки укропа, перья лука, рядом — вареные яйца, миска с дымящейся картошкой; в махотке литра на три — парное молоко. Этот натюрморт, достойный кисти известных художников, возбудил во мне зверский аппетит, у меня непроизвольно потекли слюнки, но тут появилась из-за дощатой перегородки бабуля-травница, и мы уставились друг на друга.

Когда-то я прочитала, что мужчины для установления дружбы сначала должны посидеть вместе за стаканчиком, обсудить вопросы политики и спорта, затем перейти на личности и решить извечный вопрос: «Ты меня уважаешь?» А у женщин — все

иначе. Им достаточно посмотреть в глаза друг другу, чтобы понять, симпатичен тебе этот человек или нет. На одежду при этом особого внимания не обращают, но сейчас все было иначе.

Бабуля оказалась невысокой, худощавой, одетой в сатиновую юбку и такую же кофту с длинными рукавами. Белый фартук и платок украшены сложной вышивкой фиолетового цвета. Волнистые седые пряди обрамляли увядшее лицо со спокойным, доброжелательным выражением, одни глаза ярко-синего, совсем не старческого цвета, были настоженными и пытливыми.

— Добро пожаловать, деточка. Проходи к столу, откушай с нами, чем бог послал. А ты, Иринушка, носи самовар.

— Спасибо,— я почему-то поклонилась хозяйке, и она это приняла, как должное, слегка склонив в ответ голову, совсем как королева.

Мы сели за стол. Бабуля прочитала молитву, благословляя еду, взяла первый кусок. Тут уж мы с Ирчиком подхватили эстафету, с аппетитом поглощая немудреную вкусную еду. От чая я собиралась было отказать, но Ирчик мне шепнула, что это не простой напиток, а целебный, на особых травах, для красоты и здоровья. Естественно, перед таким предложением я не устояла и, признаюсь, не пожалела. Но вот бабуля прочитала благодарственную молитву, Ирчик в одно мгновение убрала со стола, перемыла посуду, отказавшись от моей помощи. Бабуля перекрестила нас на ночь и скрылась за оклеенной обоями перегородкой, где стояла ее кровать.

Я посетила туалет и попыталась дозвониться домой по мобильнику, но была вне зоны действия сети. Ну что ж, ничего не поделаешь, придется отказать не только от этих благ цивилизации... Вернувшись в дом, я устроилась на широкой русской печи рядом с Ирчиком, слишком уставшая, чтобы вести какую-либо беседу. Умостившись поудобнее под теплым лоскутным одеялом, я только и успела пожелать Ирчику спокойной ночи, как тут же провалилась в сладкий сон.

Утро принесло десяток дел, в которых я принимала самое деятельное участие.

Во-первых, мы накормили и подоили корову и прогнали ее в маленькое стадо, выпустили и покормили кур и уток, гусей и индюшек, принесли свежей воды из родника для питья, а из речки — для летнего душа, для скотины и огорода. Так что, когда мы уселись за стол для завтрака, у меня язык был через плечо, но аппетит разыгрался, и я уплетала за обе щеки обильный завтрак бабы Моти. Обедать придется долго, а для работы требуется немало сил — впереди нас ждал сенокос. Вернее, трава была уже скошена, ее надо было ворошить, а затем сено сметать в стожки.

Отдохнув немного, мы оставили бабу Мотю домовничать, а сами отправились на покос. Я даже не могла представить, что моя подруга умеет делать все то, о чем я только читала в книгах: и копать, и косить, и строить, и даже пахать! Грабли так и играли в ее крепких руках, замирая лишь на мгновение, чтобы Ирчик могла перевести дух. Она раскраснелась, коса моталась из стороны в сторону, косынка сбилась, но подруга не обращала на это никакого внимания. Она трудилась с упоением, получая наслаждение от простой физической работы. Мне приходилось трудно, но пощады просить я не собиралась, моей задачей было не отстать слишком далеко. Ближе к полудню я готова была умолять о передышке, но Ирчик пощадила мое самолюбие, когда, утирая пот со лба и шеи снятой косынкой, произнесла:

— Ну и загоняла же ты меня! Уморила до смерти! Давай в тенечке посидим, остынем. Хоть кровь из носу, а сено надо все сегодня убрать в стожки да накрыть. Баба Мотя сказала, что ночью дождь будет, а она не ошибается никогда. Так что ходить взад-вперед некогда, перекусим здесь.

Я же до того вымоталась, что только молча кивнула и устроилась рядом с Ирчиком под березкой. Мы попили холодного кваску и задремали, накрыв лица платками. Но сон в такую духоту был недолог. Мы поснедали маленько вареной карто-

шечки в мундире, вареных яичек, редиски, заедая лучком с ржаным хлебом и запивая квасом.

Трудно было после отдыха взяться за работу, но постепенно я втянулась, и до вечера мы успели сложить три большущих стожка, накрыть их пленкой и брезентом, припасенным Ирчиком. Обратная дорога показалась мне бесконечной, а ведь еще надо было встретить и подоить корову, загнать птицу, покормить всю скотину, помыться, прежде чем сесть за стол.

Ирчик отправила меня в душ, а сама занялась делами. Затем настала ее очередь смыть с себя груз дневных забот. Мы остались с бабой Мотей в горнице одни, и она принялась меня расспрашивать. Как ни странно, я рассказывала доселе незнакомой мне старушке все тайны своей жизни, как на исповеди. И, удивительно, ее внимание было искренним и неосуждающим. Вот тебе и отсталый элемент! Она понимала меня даже лучше Ирчика, ведь подруге все-таки признаешься не во всем. Наше общение прервало появление моего «Винни», которая в серо-зеленом халатике с огромными розовыми пионами сама была похожа на этот роскошный цветок.

Ужин прошел быстро, и, несмотря на усталость, не сравнимую со вчерашней, мы с Ирчиком, забравшись на печь, завели разговор о ее черной тетрадке.

— Скажи, все, что ты написала, правда?

— Неужто я похожа на фантазерку?

— После всех тех книг, что ты прочла, можно верить не только в это.

— Ладно, пусть, по-твоему, я все это «придумала», но вот еще одна тетрадка, с продолжением. Посмотрим, что ты мне теперь скажешь.

— Ну, пока не прочту, не скажу ничего. Но ответь, откуда ты это все взяла?

— Сны и гадания. Баба Мотя провела со мной старинный обряд, после которого у меня и стал появляться материал для черных тетрадок.

— А ты можешь рассказать мне про этот обряд?

— Нет, к твоему сожалению, ведь ты старше меня.

— На какие-то четыре месяца.

— Не ври, на шесть. И не жди комплиментов на тему, как молодо ты выглядишь.

— Да разве их от тебя дождешься! Их приходится выклянчивать или завоевывать.

— Сколько раз тебе напоминать, что если бы комплимент был истиной, он был бы не комплиментом, а информацией. Умерь свои аппетиты, я же не лщу тебе никогда.

— Да ладно, что толку говорить про красивые слова, лучше перескажи вкратце, что будет дальше. Я же до утра умру от любопытства.

— Нет, Танечка, не умрешь, ты же не кошка.

— А когда же завтра я смогу прочитать тетрадку, ведь надо помочь тебе по хозяйству?

— А разве ты не слышишь, что уже начался дождь, как и обещала баба Мотя?

Я прислушалась: действительно, за окном тихо шелестели струи воды, капли мягко стучали по подоконнику, по стеклу, наводя приятную дрему, убаюкивая монотонными негромкими звуками. Мои глаза стали закрываться, а тело наполняться легкостью и предчувствием удовольствия. Я еще успела подумать: «Завтра... будет... день...»

Даже во сне я видела себя парящей в небе. Сверху была видна так понравившаяся мне земля: леса и луга, залитые солнцем, токи воздуха, поднимающиеся от них, напоенные запахами цветущего разнотравья, спелых ягод, скошенного сена. Может, и вправду, пора прекратить гонку городской жизни и перебраться сюда, в сказку?

Когда я открыла глаза, было уже поздно для завтрака и еще рано для обеда. Но по избе шел ароматный дух гречневой каши. Внутри у меня сразу заурчало, в предвкушении праздника живота. Я выглянула в окно: все еще шел дождь, в комнате

чувствовалась волглость. Дома я в такие дни включаю обогреватель, а здесь... Я встала, оделась потеплее, но тут тихо отворилась дверь из горницы и баба Мотя участливо спросила:

— Ну, что, голубонька моя, намаялась, поди, вчера?

— Не очень, зато все сено убрали, вот только дождь...

— Ничего, дорогаинька, дождь к завтраму закончится, а пока вставай, поснедай маленько, вот и согреешься чуток. А у нас опара готова, Иринушка сейчас хлеба печь будет, так тогда от жара хоть из дома беги.

— Да я жары не очень-то боюсь.

— Ну и ладненько. Поглядишь, как мы тут, по старинке живем, какие пироги печем. Домашний подовый хлебушек с магазинным не сравнить. Поди, перекуси, чем бог послал.

Я уселась за стол, на котором уже дымилась рассыпчатая гречневая каша в большой миске; на большом листе лопуха лежал батончик домашнего масла, стояла вазочка с чем-то, напоминающим шербет. А когда я уже хотела задать вопрос, почему нет Ирчика, она заявила собственной персоной с самоваром литров на пять, пых-тящим и горячим, медным, начищенным до блеска, с красивой куклой-грелкой.

— Привет, соня! Попей-ка чайку, пока обед поспеет.

Ирчик водрузила медное солнце на стол. Сразу стало тепло и уютно, даже сырость куда-то исчезла. Мы наелись восхитительной каши, напились чаю с вареным сахаром. Я встала из-за стола с полным желудком и ощущала себя маленьким бочонком. Баба Мотя отправилась к подруге, несмотря на дождь, а Ирчик напомнила:

— Ты ведь хотела узнать, что будет дальше. Вот и почитай, пока я займусь хлебом.

Я устроилась на лавке в углу и стала наблюдать за тем, как Ирчик хлопочет, разжигая печь, придвигает квашню к столу, формирует хлебы, укладывает каждый из них на капустный лист, и затем, на деревянной лопате сажает в печь.

Очень скоро кружащий голову аромат пекущегося хлеба, видение румянившейся корочки стал сводить меня с ума. Но я ведь недавно наелась, по выражению Николая «на три дня», а слюнки опять потекли. Ох, и боюсь я, что скоро меня отсюда покатают коlobком, так сильно я растолстею на свежем воздухе и деревенской еде.

А Ирчик, покрасневшая, хлопочущая у печи, выглядела девушкой с картин Тропинина. И опять меня обожгла минутная ревность. Ирчик была так хороша и естественна, что ею невозможно было не любоваться. Что, если Николай увидит Ирчика такой? Неужели все, описанное моей подругой, может сбыться через несколько веков? Что же будет дальше? Что может мне грозить?

Буквально сразу я с головой погрузилась в удивительный рассказ, и даже соблазнительные ароматы, не говоря уже о звуках, не отвлекали меня от чтения, не проникали в мир волшебства и грез.

Но... (как всегда, некстати возникает это «но»), громкий, уверенный, я бы даже сказала, властный стук в окно оторвал меня от увлекательного чтения. Я еще не сразу осознала, где я — в настоящем или в прошлом? Оказывается, я в забытой богом и людьми деревушке Сидорово, в гостях у моей подруги. За окном все еще идет проливной дождь. Кухня полна сытым запахом свежеевпеченного хлеба. Ирчик как раз вынимает из печи последние ковриги и пироги, кладет их на стол, накрывает вышитым полотенцем, а сверху — небольшим лоскутным одеялом, чтобы не было грубой корки.

Стук повторился, и не успела я сказать Ирчику, что открою, как дверь из сеней уже распахнулась, и на пороге возник мужчина ростом под метр восемьдесят пять, широкоплечий, одетый в плащ-палатку, с которой на пол стекала вода. Сапоги незнакомец явно вытер о траву около дома или даже промыл из бочки, стоящей под водо-

сточной трубой. Но лужа тем не менее образовывалась. За такое безобразие я бы Николая в порошок стерла, а Ирчик спокойно произнесла сакраментальное «Здравствуйте», в которое вложила присущую ей сердечность.

Незнакомец откинул капюшон, и я увидела одно из неординарных лиц. Во мне все перевернулось и встрепенулось, я поняла, что вот они приключения! А Ирчику хоть бы хны! Сама приветливость и гостеприимство, никакого волнения! Неужто ее не проняло? Меня-то так и колотит! Но подруга спокойна как сытый удав! Она просто произнесла:

— Раздевайтесь, обсушитесь. Плащ давайте мне, я его вот здесь, у печи пристрою. Обувайте эти «дежурные» тапочки, проходите, устраивайтесь. Баба Мотя сейчас придет. Может, пока выпьете горячего чаю? Как раз и пироги поспели.

Гость разделся, переобулся и устроился за столом, не сводя при этом зачарованного взгляда с Ирчика. Меня поразило совершенно обескураженное выражение лица незваного посетителя: как будто он никак не ожидал увидеть здесь мою подругу. Может, они были знакомы раньше, может, встречались при каких-то особенных обстоятельствах? Тогда как объяснить поведение Ирчика, что она его не узнала?

Наконец-то у незнакомца прорезался голос, совершенно не соответствующий его статной фигуре — хриплый, царапающий слух. Но слова, слова!

— Вас зовут Ириной?

— Да, — удивленно вскинулась Ирчик и пристально посмотрела на гостя.

— Вы были два года назад во Франции? — продолжал «допрос» незнакомец, все также не отводя взгляда от изумленной Ирины.

— Я никогда не была за границей.

— Сколько вам лет?

— Двадцать семь.

— А давно вы носите очки?

— Еще со школы, — Ирчик, казалось, совершенно растерялась, когда гость внезапно поднялся и подошел к ней. Осторожно снял с моей подруги очки, сбившуюся косынку и стал пристально глядеться в ее румяное лицо, словно искал ответ на мучивший его вопрос. Потом, видимо, получил подтверждение своей догадке, произнес:

— Зачем отрицать очевидное? Это были именно вы!

И, не давая вымолвить ни слова остолбеневшей подруге, опустился перед ней на колени и стал целовать ее руки:

— Спасибо тебе, мой ангел-хранитель.

Я аж поперхнулась и закашлялась — такое бывает только в сентиментальных романах! Умереть и не встать! Что творится! Ирчик никогда не была во Франции, даю голову на отсечение, она и в столицу-то ездила всего пару раз, а по стране не путешествовала вовсе. У нее Сидорово заменяет и Париж, и Лондон, и Нью-Йорк, и даже Сочи. И сейчас Ирчик с ее темпераментом холодильника, полыхает румянцем, смущенная до самых пяток. Она безуспешно пытается выдернуть руки, а ее визави встал и попытался обнять мою подругу.

Мой кашель разрядил слишком накаленную обстановку и снял наваждение с героев этой сцены — они отпрянули друг от друга, правда, гость сразу перехватил инициативу:

— Я уже знаю ваше имя, а сам еще не представился: Виктор Малышев.

— Очень приятно, — выдавила Ирчик, постепенно приходя в себя. Она обернулась ко мне. — Знакомьтесь, это моя подруга Татьяна Степанова.

Виктор подошел ко мне и церемонно пожал мне руку:

— Весьма рад. Я просто поражен, что в такой глухомани встречаю двух столь очаровательных дам.

Я понимала, что это просто дежурный комплимент, но, тем не менее, растаяла и позволила себе помечтать, что этот обаятельный мужчина — мой! Николай, безусловно, хорош, но Малышев... Это — мечта каждой женщины: светло-русые, волнистые волосы на висках чуть тронуты сединой, хотя лет ему не слишком много — не более тридцати восьми. Ярко-синие глаза, похожие на звездчатые сапфиры в обрамлении густых ресниц, широкие ровные брови, прямой нос, чувственный рот, несколько тяжеловатая нижняя челюсть с небольшой ямочкой на подбородке. Тело атлета, а руки аристократа — правильной формы, с длинными сильными пальцами. Ирчик научила меня немного читать характер человека по его рукам, утверждая, что только руки никогда не лгут в отличие от глаз. Так вот, на этого человека можно было положиться во всем и всегда. Он надежен и нежен. За таким бы я пошла в огонь и воду, по первому его знаку я, без раздумий, стала бы его женщиной, но... И дело тут не в Николае, а в моей подруге! Именно **она** стала на моем пути! И что в ней такого? Ведь всегда, когда мы были вдвоем, именно **на меня** были обращены все мужские взгляды, именно **я** была в центре внимания, именно **мне** расточались комплименты и приглашения! А тут Виктор мгновенно после представления направил все свое обаяние на Ирчика. Я стала третьим лишним! У меня с досады слезы были готовы брызнуть из глаз, как, на мое счастье, появилась баба Мотя, похожая в промокшей накидке на зловещего ворона.

Окинув нас проницательным взглядом, бабуля сразу разобралась в ситуации и отослала Ирчика к соседке: якобы ей срочно надо узнать, не собирается ли дед Пахом в город завтра утром и не пустит ли бабка Феня переночевать нашего гостя.

Ирчик совершенно безропотно накинула плащ, надела боты и убежала, не оглядываясь на Виктора, который, буквально, пожирал ее глазами. Баба Мотя увела гостя в горницу и плотно притворила дверь. Напряжение спало, и я могла подумать, что мне предпринять. Хотя и выбирать было не из чего: уехать или остаться, третьего не дано.

Если я уеду, мне придется объяснять причину такой спешки, хотя это — не самое страшное. Можно придумать все, что угодно: звонок на мобильный или полученная SMS-ка. Мало ли неотложных дел! Но больше не увидеть Малышева, не узнать о нем ничего — вот что страшило меня очень сильно. Если я буду вдали, Виктор будет потерян для меня навсегда, ибо обольщение на расстоянии — вещь неслыханная! А если останусь, то сойду с ума от ревности. Я уже сейчас начинаю ненавидеть подругу и желать ей всяческих бед.

Что с нами может сделать страсть?
Заставит пить, ругаться, клясть,
Предать, убить, солгать, украсть,
Пред милой на колени пасть,
Из чаши жизни выпить всласть,
Чтобы потом навек пропасть.
Она приходит, как напасть.
Ее страшна над нами власть!

Пожар в лесу, разгул стихий,—
Так страсть врывается в стихи.
Кто верен был, кто изменял,—
В огне страстей своих сгорал.
Кто не склонял пред ней колен,—
Был все равно захвачен в плен:
Мечтать о встрече, клясть разлуку,

И все же длить страданий муку.
Ведь над людьми любая страсть
Имеет гибельную власть!

Как бы то ни было, я сколько угодно могу сходить с ума от ревности и злости, но я остаюсь! Я все сделаю для того, чтобы стать Татьяной Малышевой! И что Николай! Приевшийся черный хлеб, а Виктор... это праздничный торт! Про мужа я все давным-давно знаю, а у Малышева есть какая-то тайна. Иначе зачем бы он явился в эту глухомань? И если для обладания этим мужчиной я должна буду отказаться от детей, предать любимую подругу, наплевать в душу мужу и побороться с женой Малышева (если она есть! Пускай, жена — не стена, подвинуть можно!), я сделаю все это, и даже больше, не задумываясь! Но сейчас главное — ничем себя не выдать! Как говаривал небезызвестный капитан Блад: *praemonitus praemunitas*, что значит для не ведающих латыни — *кто предупрежден, тот вооружен*. А я не хочу давать против себя оружие. Я настырная, и я добьюсь своего! Победа будет за мной!

Приняв такое решение, я повеселела, даже вернувшегося Ирчика встретила с улыбкой:

— Проветрила мозги? А я-то думала, грохнешься в обморок от изумления или нет?

Каким-то образом шутка вышла у меня совершенно не злой. Ирчик тут же бросился изливать мне душу, делясь впечатлениями о госте:

— Танюш! Ты не представляешь, что я пережила! Заявляется, понимаешь, какой-то сумасшедший, задает идиотские вопросы, объявляет меня своим ангелом-хранителем, ручки целует! Тут и у самой крыша готова поехать. А когда он на меня смотрел так, как будто перед ним не я с габаритами самосвала, а какая-то фотомодель, у меня сердце превратилось в желе, растеклось по всему телу и стучало в каждой клеточке! Спасибо, ты кашлянула и помогла сбросить наваждение, а тут еще баба Мотя подоспела со своей просьбой.

Я слушала излияния подруги с понимающей улыбкой, кивала головой и думала: «Дуракам — счастье!».

Ирчик тем временем, немного выговорившись, успокоилась и задала вопрос, мучивший и меня:

— Почему он говорил про Францию? И с чего взял, что я — его ангел-хранитель?

— Понятия не имею. Может, он там встретил кого-то, похожего на тебя, но только без очков?

— Наверное, ты права. Но я хочу знать точно. Когда же бабуля отпустит Виктора?

Меня аж передернуло. Для нее он уже просто Виктор! И опять меня выручила баба Мотя, которая открыла дверь из горницы и выпустила гостя.

— Иринушка! Проводи-ка молодого человека к бабке Фене, да заверни с собой пирогов — старикам в гостинец.

Потом баба Мотя обратилась к Малышеву, толкнув его в бок, чтобы вывести из оцепенения. Ведь мужчина по-прежнему не отводил глаз от Ирчика, следя за каждым ее движением:

— Э-эй, милай, проснись! Устраивайся у бабки Фени и деда Пахома, а вечером, как стадо погонят, как штык — ко мне! А теперь иди, касатик, иди!

Машинально Малышев оделся и, пропустив Ирчика вперед, вышел, не сказав больше никому ни слова. Я была готова разреветься от обиды, а баба Мотя, проводив взглядом «сладкую парочку», вздохнула и повернулась ко мне:

— Что, девонька, загрустила? Чай, по мужу и деткам заскучала? Так дед Пахом утречком раненько отвезет тебя к автобусу, к вечеру и дома будешь.

Меня как молнией пронзило: не проста бабуся! Ох, не проста! Она почти откры-

венно прогоняет меня, чувствуя угрозу своей внучке. Тягаться здесь с ней опасно, кабы чего не наколдовала, лучше уж перенесу «военные действия» в город. Каменные джунгли — моя территория, в них я сильнее. И уж там-то я разделаюсь с Ирчиком и приберу Виктора к рукам. А дура-подружка мне сама все вечером разболтает, так что и расстраиваться нечего!

Я улыбнулась и спокойно ответила:

— Да, я тут вспомнила, как у нас с мужем все начиналось. Я и сама хотела вас попросить помочь мне завтра выбраться отсюда. Вот только боюсь, что дороги развезло.

— Не страдай, дождик к утру закончится, дороги обдует, а лошадь тебе — не машина, где хошь пройдет! А покамест я тебе на дорожку погадаю.

И бабуля прошла в горницу.

Сначала я хотела отказаться, но потом мне стало интересно, что может нагадать эта старушенция. Вообще-то, я в эту ерунду не верю ни капельки и считаю просто средством добывания денег. Все гадалки, астрологи и прочие предсказатели — очень хорошие психологи, и ничего здесь таинственного нет.

Горница бабы Моти, или, правильнее сказать, Матрены Епифановны, была обычной деревенской планировки: под окном стоял старый диван с высокой спинкой и подлокотниками-валиками, которые, откидываясь, превращали диван в кровать. Справа от двери высился шкаф-сервант с многочисленными ящичками и полочками, где хранились сухие травы и готовые лекарства в бутылках, пузырьках, мешочках, пакетах и банках. Слева от двери громоздился большой расписной сундук, обитый железом и покрытый ярким лоскутным одеялом. В центре комнаты под старинным шелковым абажуром с кистями стоял прочный дубовый стол, накрытый белоснежной скатертью с вышивкой и кружевной каймой. (Я сразу узнала творение Ирчика. Так вот кому она подарила это чудо!) На столе были церковные книги, иконы. В красном углу помещался богатый иконостас, перед ним горела лампада. Другой угол занимал столик, где баба Мотя готовила снадобья. Спала она на кровати, отделенной от комнаты дощатой перегородкой, оклеенной обоями нежно-лимонного цвета. Занавески на окнах, штора на двери, чехлы на диване и четырех стульях, стоявших у стола — все было выполнено руками Ирчика, украшено вышивкой и кружевами. На полу постланы домотканые половики. Еще не выветрился приятный запах ладана.

Баба Мотя села на диван, мне кивнула на маленькую скамеечку — садись. Примостившись, я протянула старушке руки. Но бабуля начала внимательно разглядывать мое лицо, уши и только потом перевела взгляд на руки, тщательно изучая их со всех сторон, уделяя особое внимание ладоням. Затем, не прерывая контакта рук, гадалка начала предсказывать, не спуская с меня пронзительно-проницательных глаз:

— Ох, детонька, привыкла ты как сыр в масле кататься, а нонче искушения тебя ждут да испытания. И болезни тебя подстерегают, дорогаинька, сперва — душевная, потом — телесная. И ни один врач тебя не исцелит, кроме тебя самой. Ты девонька — настырная, так запомни: ежели победишь, то — проиграешь, а коли проиграешь — победишь. Счастье свое из рук не упусти. И от добра добра не ищи. Запомни мои слова, голубушка, накрепко запомни. А таперича встань да раскрой любую книгу на столе: что в глаза кинется, то и прочти. Вот и весь сказ.

Как во сне я открыла книгу: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Я тихо произнесла «...как самого себя»...

Баба Мотя довольно закивала головой:

— Вот так-то, лапушка, погубишь другого — себе вред причинишь, добро в мир отправишь — оно к тебе стократ вернется. Зависть и злоба человека рушат, потихоньку, полегоньку, но до конца, коли не сразу поймешь, в чем дело. Ну, иди, что ли, собирайся, на утренней зорьке путь-дорожка тебя ждет.

Я вышла из горницы на автопилоте. В голове застряли и, как заезженная пластинка, крутились слова: «поражение — слаще меда, победа — горше отравы». Я стала укладывать вещички, выбросив на время планы мести. На миг в моей душе воцарилось спокойствие, как на море в шторм, когда за борт вылиты масло для укрощения волн. Вот в таком умиротворенном настроении я села дочитывать тетрадку Ирчика.

Дела искусно придуманных дней и чужие страсти снова захватили меня, я с удовольствием следила за приключениями главных героев, продолжая отождествлять их с реальными людьми. Женщине, на которую я была похожа, в Ирчиковых записках удалось-таки осуществить свои коварные планы и сухой выйти из воды. И тут-то снова бес-искуситель явился ко мне.

Я прекрасно осознавала, что Ирчик — талант, с этим не поспоришь, а я — увы, посредственность. Мне ни за что не написать подобного. Если напечатать эти записки, то Ирчика ждет слава. Может, я — несусветная эгоистка, но не могу я спать спокойно, если кому-то везет больше, чем мне. И мало-помалу в моей голове стал складываться план обустройства моих дел. И что с того, если в итоге немного пострадает Ирчик? Она обязательно найдет, чем утешиться. А мне достанется еще один кусочек счастья, самого сладкого, потому что — чужое. Все, решено! И никакая бабка-гадалка не сможет мне помешать! Как говаривал генералиссимус Суворов: «Вперед, на Сен-Готард!» Дерзай, Татьяна!

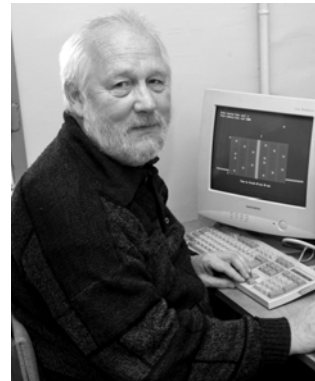
Я закрыла тетрадку и медленно убрала ее в свою сумку. Я благополучно перешла Рубикон! И гром не грянул, и земля не затряслась. Можно вздохнуть спокойно.

***От автора:** Поскольку мне нравится писать от первого лица, большая просьба к вам, уважаемые читатели, не отождествлять меня с моими героинями. Приношу заранее глубокие извинения тем, чьи имена носят не самые положительные действующие лица, но — в семье не без урода, и во всяком стаде есть паршивая овца...*

ПРОЗА: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ЭПОХИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ

Алексей Яшин

ВОР У ВОРА...

Отнеслись намеренно в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиболее важная добродетель гражданина — деньги уметь зашибить.

Ф. М. Достоевский «Бедные люди»

♦ Сергей Антонович Перельгин, родившийся в самый разгар великой Сталинградской битвы, в морозный декабрь 1942 года, в семье эвакуированного из Т. вместе с заводом «Красный кузнец» во владимирскую глухомань инженера-технолога Антонова Васильевича, Перельгина тоже, недавно отметил день этого самого рождения — второй пенсионный год. Спустя неделю подоспело и Новоегодье. Честно говоря, после пятидесяти лет Сергей Антонович с неудовольствием ожидал очередную годовщину: что-то быстро они побежали... А если сюда приплюсовать паскудную унылость и серость последних полутора десятков лет — не жизни, но существования? Все и так ясно.

Сделаем отступление в область искусства, к которому, кстати говоря, наш скромный герой никакого отношения не имеет. Заведовал в золотые семидесятые годы Гостелерадио некто с простецкой фамилией — что-то навряд Лаптева, о котором до сих демократических пор, бледнея загорелыми в Кургаде или Шерман эль-Шейхе лицами, с бранью вспоминает на своих телекапусниках вся братия артистического нынешнего мира. Именно они в семидесятые, поокончив столичные школы с углубленным изучением чего-то полезного в жизни, всем кагалом устремились в театральные вузы, во ВГИК*, в балетные студии, а оттуда — тем же коллективом на эстраду, в театры, на съемочные площадки «Мосфильма», в студии Останкино... благо там всем распоряжались их папы-мамы, тоже потомственные служители Мельпомены. Словом, картина понятная и хорошо всеми знаемая.

И вот тут-то новоназначенный Лаптев, или как там его, проводя линию Полит-

* Всесоюзный государственный институт кинематографии (старорежимн.).

бюро и лично товарища Сулова, осуществил замечательную по своей сущности чистку артистических зажавшихся рядов: приказал уволить или разогнать по провинциальным театрам и филармониям всех младших однофамильцев. Да еще и озвучил злорадно на расширенном активе Гостелерадио: «Мы не фабрика “Красный пролетарий”», и трудовые династии нам не нужны!»

...Но в те же годы всячески приветствовались эти самые династии на заводах-фабриках и совхозах-колхозах. На всяких чествованиях и юбилеях, вручая трудовые награды ветеранам с преимущественно русскими, простыми фамилиями, председательствующие непременно приводили арифметические подсчеты: дескать, уважаемый товарищ Петров — представитель трудовой династии, простоявшей за станком две сотни лет кряду. А все предки ударницы Морозовой доили буренок со времен одомашнивания последних в эпоху родоплеменного первобытного общества...

Так вот, все знаемые по семейным святам и воспоминаниям всё помнящих столетних бабок — соседней по Кузнецкой слободе предки Сергея Антоновича трудились на заводе «Красный кузнец», основанном еще радением и державной волею императора Петра Великого (правда, завод был основан под другим, старорежимным названием).

Всю жизнь, после окончания рабфака, включая десяток послепенсионных лет, трудился на «Красном кузнице», реэвакуированном после окончания войны обратно в Т., его отец Антон Васильевич. И сам Сергей Антонович, окончив в середине 60-х годов машиностроительный факультет местного, но со всесоюзной известностью его военно-технических специальностей, политехнического института, ни на минуту не сомневался в выборе места инженерной работы. «Держись, сынок, за заводскую трубу, в жизни не пропадешь», — с несколько фальшивым пафосом говорил еще студенту принявший по случаю праздника стопку-другую Антон Васильевич. Слова эти он где-то явно вычитал или запомнил из довоенного фильма. Однако вовсе не фальшивой, но здоровой и оптимистичной оказалась атмосфера жизни прославленного завода. Как впрягся тогда еще молодой специалист Серега Перельгин в трудовую деятельность Специального конструкторского бюро при заводе, так и до сих пор, уже будучи почтенным пенсионером Сергеем Антоновичем, кавалером высокого ордена Трудового Красного Знамени и лауреатом Госпремии СССР — за активное участие в постановке на серийное производство ракетно-пушечного комплекса для борьбы с американскими «томагавками» — не мог все опомниться, представить жизнь свою без заводских ворот, той же трубы, а более всего — своего родного СКБ. Такие вот дураковатые, на нынешний взгляд, люди и сделали СССР сверхдержавой.

♦ Заметим, что на исходе советской власти, по военно-промышленному комплексу прокатился очередной, увы — последний, вал гигантомании: заводы, НИИ и КБ сгруппировали в научно-производственные объединения. Мысль вроде как здоровая: в структуре единого НПО головное НИИ или КБ вело разработку перспективных изделий, соседний завод доводил до ума технологическую часть и подготавливал изделие к серийному производству, а серийный завод, обычно в глубинке, уже штамповал их в потребном армии количестве. Так вот и «Красный кузнец» объединили с местным головным НИИ, а под серийный завод перепрофилировали производственные мощности где-то на Украине. Так что лет пять до начала бардака Сергей Антонович треть года проводил в благодатных краях под Сумами. Семья его регулярно обедалась дармовыми фруктами, привозимыми — сколько можно унести в руках — вернувшимся из очередной командировки Сергеем Антоновичем. Хохлы, словно предчувствуя скорую самостоятельность, незалежность и расставание с братьями-москалями, встречали «головников» радушно, горилки и сала не жалели, в сезон устраивали для гостей охоту, селили в специально отремонтированной заводской гостинице.

Когда сейчас на домашних посиделках с родственниками, в заводских курилках или просто при встрече на улице или в трамвае со знакомыми заходил ностальгический разговор о цене советского рубля и тогдашних зарплатах, то Сергей Антонович досадливо морщился и делал рукой отмашку: дескать, не травите душу! И было о чем вспомнить: оклад ведущего специалиста СКБ при заводе, лауреата (понятно, что Госпремию дали не ему индивидуально, а на целый коллектив начальников и специалистов) и кавалера, а главное — премии, внедрения изобретений... словом, жили Сергей Антонович и его семья в последние перед разухой годы очень даже хорошо, почти превосходно. Благо и квартиру в новопостроенном заводе доме в центре города получил, перебравшись из прежней «хрущевки» на рабочей окраине. Отмебелировал ее (не он сам, конечно, супруга) по высшему классу. Машину не заводил только потому, что не хватило бы времени возиться с ней, да и не тянуло его никогда к баранке. Благо и дачу — в старом кооперативе — купил у пожилых прежних владельцев почти в черте города: трамвай 14-го маршрута прямо от дома до кооперативных ворот за двадцать минут довозил. Совсе машина ни к чему была.

Однако денег скопить на что-либо существенное как-то не удавалось, видимо, не те характеры у него с супругой были, не жлобские. Тысяч тридцать на сберкнижке, конечно, лежало. А лучше бы и не лежало, все одно Гайдар их в пыль впоследствии превратил. Кто же мог знать?

♦ Все рухнуло в одночасье. Необратимо. Были, конечно, в жизни Сергей Антоновича и раньше огорчения, но все возвращалось на круги своя. Вот, допустим, была неприятная история с этим лауреатством. Город Т.— рядом со столицей, поэтому на почетное награждение повезли весь лауреатский коллектив на нескольких легковушках: директор завода выделил, благо и сам был соучастником приятного этого дела. Поскольку, понятное дело, Госпремию им дали по закрытой тематике, то сама процедура награждения разительно отличалась от показываемых по телевизору, когда Леонид Ильич, сам при четырех геройских звездах, приятно-торжественно улыбаясь, вручает коробочки со знаками лауреата народным артистам, танцорам, певцам и писателям. Здесь же все было по-деловому, в родном здании Минобороны, что на площади Маяковского рядом с рестораном «Пекин», хотя вручать награды прибыл сам Косыгин, в числе прочих важных дел лично курировавший военно-промышленный комплекс страны.

Когда очередь дошла до их коллектива, а потом и до самого Сергея Антоновича, то Алексей Николаевич, пожимая руку новоиспеченному лауреату второй по значимости в СССР премии, пристально взглянул на лицо чуть оробевшего Сергея Антоновича, что-то припомнил, спросил: «А не ваш ли отец в конце войны на эвакуированном из Т. заводе работал зам. главного технолога?» На что лауреат ответил утвердительно. Косыгин же еще раз пожал ему руку и высказался в том смысле, что достойного сына вырастил достойный отец.

Сергей Антонович самолично убедился в ходивших издавна в ВПК* рассказях о феноменальной памяти Алексея Николаевича, да и вообще всех наркомов-министров сталинской выучки. Тогда же, выслушав общую краткую поздравительную речь Косыгина и более обширное напутствие своего министра, новоиспеченные лауреаты покинули здание, слегка задумавшись: сразу домой ехать или как? Не по-русски получается... Однако к их коллективу, как то принято, был приписан министерский работник, начальник отдела по профилю завода «Красный кузнец». Он и повел всех в соседний «Пекин», в малый банкетный зал с фуршетными столами. Туда же устремились и другие коллективы награжденных.

* Военно-промышленный комплекс (старорежимн.).

Там, однако, задержались недолго: этикет и ранние зимние сумерки. Однако предупрежденные водители, выбираясь из Москвы, притормозили у крупного продмага на Варшавке, где лауреаты затарились, по обычаю тех лет, копченой колбасой, российским сыром, бужениной. Повезло и с растворимым кофе, импортной польской зубровкой.

Вырвавшись из вечерних заторов на Варшавке, автомобили весело загудели моторами и помчались в сторону родного города. В машинах народ отогрелся от все крепчающего мороза, благо польская зубровка была взята с запасом... Сняли шапки, расстегнули пальто.

— Антоныч! — вдруг вскрикнул сидевший рядом главный металлург Филимонов.— Ты куда медаль-то дел?

Сергей Антонович отвел пошире левый борт драпового пальто, опустил очи долу и остолбенел: на лацкане пиджака сиротливо алела только колодка лауреатского значка.

— Вот, сволочи! Даже колечки к медалям разучились запаивать,— сочувственно сказал Филимонов.— Наверное, в магазине, когда по очередям толкались, и отцепилась.

Однако, взяв у шофера фонарик, на всякий случай тщательно осмотрел пол машины. Увы, медали не нашли.

— Точно, в магазине потерял, больше негде,— успокаивал Филимонов, протягивая огорченному донельзя коллеге внеочередную стопку зубровки,— аналогичный случай был лет пять назад с Романовским из нашего НИИ...

— Ну-у, что он делал?

— А ничего. Это же Москва, не провинция, где медальку подберет какая-нибудь бабулька и внучку играть отдаст. В Москве народ практичный, все знающий: кто найдет, тотчас в Комитет по госпремиям позвонит, в телефонном справочнике адрес найдет. А на знаке, на обороте — смотри вот — порядковый номер выбит. Словом, дадут тебе знать из комитета, а сам поедешь, выкупишь у нашедшего. Смотри, больше сорока-пятидесяти рублей не давай! — поучал многоопытный Филимонов, сам уже дважды лауреат.— А паче чаяния не найдется, так за пару пузырей тебе ребята из нашей штамповки по образцу еще лучше оригинала сделают!

Действительно, уже на третий день от той злосчастной поездки Сергея Антоновича под вечер вызвали к главному инженеру. Веденихин не попал в лауреатский коллектив, поэтому встретил Сергей Антоновича хотя и с улыбкой, но несколько язвительной:

— Ну, что, Перельгин, хорошо, говорят, погуляли в «Пекине», даже медали терять начали? Ха-ха! Ладно, шучу, с кем не бывает. Тут вот из Комитета по премиям звонили, какой-то отставной полковник твою медаль нашел. Вот тебе номер телефона этого экс-полководца, созванивайся, только торгуйся! Эти москвичи, да еще из отставников, аппетит ха-ароший имеют.

...Однако полковник распил с Сергеем Антоновичем принесенную им бутылку пятизвездочного грузинского (спустя неделю совместил с командировкой в столицу), от денег отказался, ибо сам был из инженерных полковников и посейчас работал в военном НИИ.

◆ А вот в самом начале 90-х, действительно, рухнуло все и окончательно. Теперь, по прошествии почти полутора десятков лет, все вроде бы стало ясно и понятно: враг страны и всего мира, персонифицированный в лице США (хотя и сама Америка — пусть проходная, но все же тоже только пешка в руках неких надмировых, дьявольских сил...), разрушил мощнейшую сверхдержаву мира, умело просчитав и использовав три фактора: подмен одряхлевшего постбрежневского политбюро агентами влия-

ния; глубоко загнанный в подполье за 70 лет советской власти, но директивно выпущенный джин частнособственнического инстинкта, наконец, тот уникальный факт, публично и политкорректно замалчиваемый, но хорошо известный в социальной биологии: только восемь процентов людей, независимо от пола, образования, воспитания и так далее, являются самодостаточно мыслящими, все же остальные — суть бараны, которых можно, особенно с помощью дьявола-телевизора, вести куда угодно: хоть в коммунизм, хоть в империализм, а если нужно, то и в пропасть.

Да-да, не удивляйтесь, это мысли именно самого Сергей Антоновича. Мы как-то уже успели забыть в реалиях нашего узкоспециализированного бытия, когда вор — он только ворует, бизнесмен — впрочем, тоже ворует, и каждый занят только своим гешефтом... так вот, забыли, что советский человек был развит многосторонне, каждый обязательно имел увлечение, вовсе и не коррелирующее с его основной профессией. Увлечение же Сергея Антоновича было и вовсе диковинным: социальная эта самая биология. Здесь он даже переплюнул главного металлурга Филимонова, вот уже полвека, по вечерам и выходным дням, тож праздничным, бившимся над доказательством знаменитой теоремы Ферма...

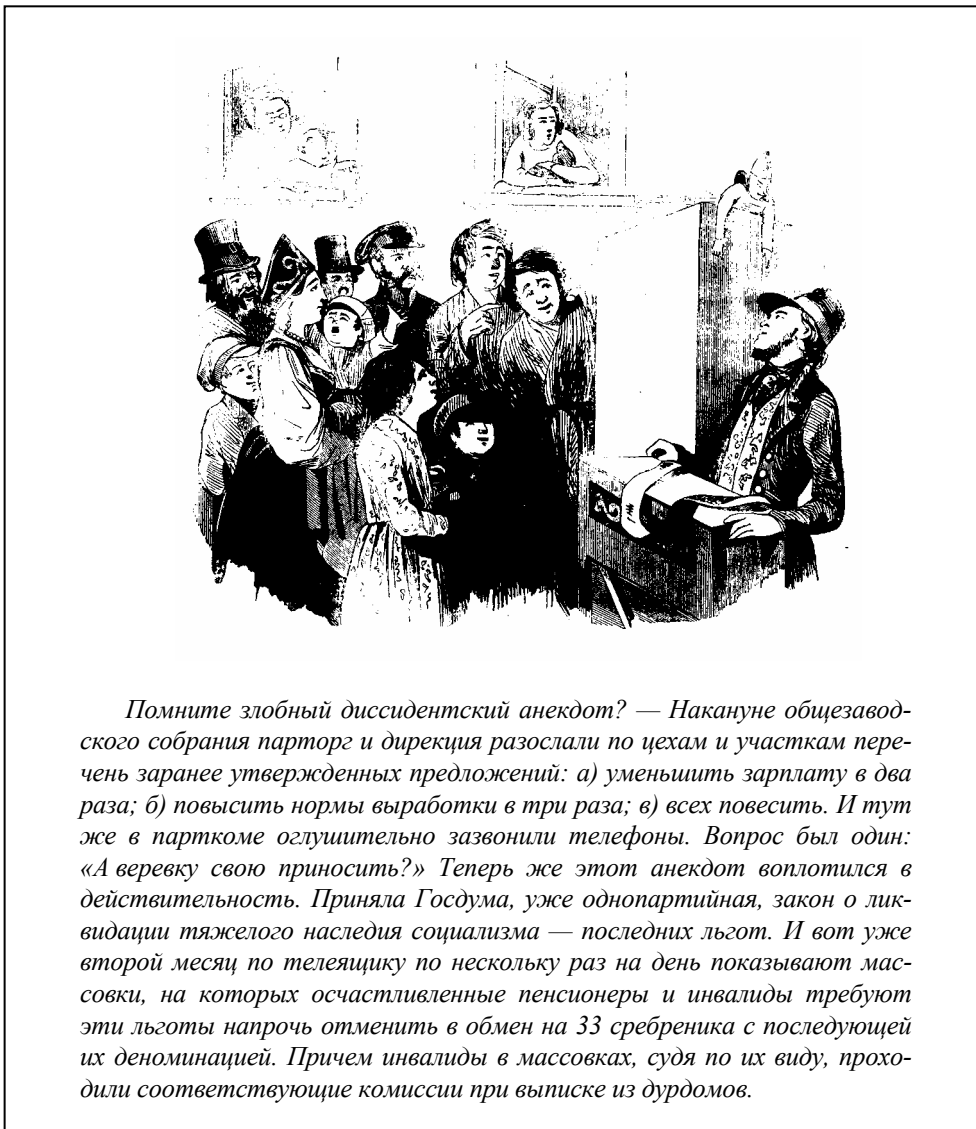
Надо заметить, что соцбиология — наука, одинаково непопулярная как у коммунистов, так и у самых отъявленных империалистов, а также у всех промежуточных течений, конгрегаций, сословий и религий. Понятно, кому хочется признать, что из десяти членов правительства, мафии, политбюро и так далее девять — почти что идиоты (!?). Литературу же по этой подпольной науке, того же Фрейда и Лебона, Сергей Антонович доставал через свою родную тетку, заведовавшую книгохранилищем областной библиотеки, где в запасниках многое хранилось из изданного в до-революционные и первые послереволюционные годы, что, понятно, не значилось в алфавитном и систематическом каталогах Дома знаний.

...Но все же главным виновником разрушения великой державы Сергей Антонович полагал частнособственнический инстинкт. Понятно, что и на этот счет у него была своя теория, разумеется, с доводами из социальной биологии.

♦ Да, теперь, в первую пятилетку нового века и тысячелетия, самодостаточно мыслящий Сергей Антонович все расставил по полочкам. Но в начале бардака-перестройки даже выраженная его самодостаточность подводила: очень уж изощренно и просчитано (на суперЭВМ) действовали враги Отечества. Так, спектакль-путч 91-го года у него и всех его коллег по работе породил оптимистичное ожидание: вот-вот к власти вернуться истинные государственники и разгонят всю эту выплеснувшуюся торгово-воровскую сволочь, в «последнем вагоне» Жирика отправят на Колыму агентов влияния... Увы, путч оказался фарсом, умело срежиссированным внешними врагами.

Настоящей трагедией оказалась осень девяносто третьего, уже с настоящей кровью и тысячами жертв. Сидя перед телевизором в памятный день расстрела Дома Советов, как ни был расстроен, одновременно бессильно взбешен Сергей Антонович, но обратил внимание, благо ведший съемку телеоператор «Си-Эн-Эн» не упускал для показа мелочей: на площади, кроме полыхающих огнями выстрелов гвардейских танков, во втором эшелоне, но готовые вступить в бой, стояли и их изделия, предназначенные для фронтовых операций прорыва глубоко эшелонированной обороны, оружие сокрушительной мощи. Несколько лет тому назад за сдачу изделия в серию щедро были оделены орденами и медалями руководство и ведущие специалисты головного НИИ и их завода... «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», — процедил тогда Сергей Антонович, выключил телевизор и пошел на кухню выпить горькой за помин советской власти.

Затем начался нескончаемый кошмар первой половины и середины 90-х годов.

Одно развлечение у народа осталось: чуть ли не каждый понедельник в утренних известиях слушать об очередном назначении нового премьера правительства. Правда, были они, как на подбор, какого-то одинакового пошиба. Вопреки пословице — не власть теперь портила человека, но во власть охотно (хотя и ненадолго, но гешефт успевали сделать...) шли уже люди испорченные. Исключений не было, ибо любые исключения дают великих Начальников, но таких не наблюдалось.

Как биолог-любитель, Сергей Антонович весьма оригинально определял общественный строй Демроссии — господство мелкобуржуазной биомассы. Пресловутая приватизация охватила все и вся; Сергею Антоновичу даже как-то приснилось: идет он — по командированным делам — по столице и видит вывеску, от содержания которой столбенеет: «Общество с ограниченной ответственностью “Курчатовский атомный институт”».

А по утрам, спеша по привычке на работу, он с ненавистью проходил мимо рекламного стенда, что расставили по всему городу, содержание которого не обновляли

почти что полгода. Реклама называлась «Из конторы в офис» и рекомендовала всем гражданам совершить этот исторический переход жанровым полотном. В левом нижнем углу была изображена советская контора: в полутемной каморке за ветхим столом с зеленым сукном горбился пенсионного возраста старорежимный начальник в неопрятном пиджаке от «Мосшвейпрома»; галстук от той же фирмы жестко топорщился. На столе виднелся древний чернильный прибор и кипа каких-то накладных, которые подсовывала шефу старушка-секретарша в душегрейке, с жидкими волосиками домашней завивки на голове.

А весь центр стенда и верхний правый угол всеми цветами радуги занимала картина новобуржуазного офиса: в светлом просторном помещении, обставленном европейской мебелью, красовался функциональный стол современного руководителя фирмы. На столе, кроме компьютера, находились и ноги офисного начальника в ботинках «*Salamander*». В обратной перспективе от ботинка виднелся и сам офисник в версачевском костюме, развалившийся на мягком кресле, причем в одной руке он держал целиковую пиццу, которую жадно жрал, а другой рукой обнимал ниже пояса секретаршу голливудского облика: всю в мини, длинноногую, причесанную в салоне высшего разряда, явно с пониженной социальной ответственностью и с повышенной сексуальной...

И всякий раз, как он проходил мимо этой рекламы, в голову лезла одна и та же мысль: в конторе пьют водку и закусывают селедкой, а в офисе потягивают текилу и гурмански угощаются пиццей. Тьфу!

Вся жизнь в единый миг перешла в зазеркалье: все исказилось, все говорилось и понималось как-то наоборот, инверсно, как принято говорить в научной и инженерной среде. На что уж Сергей Антонович, хотя и был глубоко неверующим человеком, уважал русскую православную церковь, но и тут все повернулось. Как раз расшумелась очередная кампания по сносу Мавзолея. Высказалась положительно и церковь в лице некоего высокого иерарха: дескать, негоже покоиться, хотя и вождю большевистскому, но все же крещеному человеку обок Красной площади, где сейчас сплошные *рок-ровы* демократическая молодежь отплясывает! Не мог понять этого Сергей Антонович: по обычной логике следовало бы не архитектурный шедевр Щусева сносить, а эти самые рок-ровы куда подальше перенести с площади государственного статуса? Очевидно, сейчас действовала не логика Аристотеля и Евклида, как во всем остальном мире, а некая другая, занесенная с иной планеты... Что такое рок-ровы — этого Сергей Антонович не знал.

◆ А в доме наступила почти-то нищета, ибо главным кормильцем был он, а завод, бывший гигант оборонной промышленности, под популярным девизом «а теперь у России врагов нет» вмиг растащили по частям, остановив все производство. Повезло только бывшему штамповочному цеху; там начали штамповать вместо боеголовок медные тазы, которые затем грузили в вагоны и гнали без остановки в Прибалтику, а то и прямо в Польшу на переплавку.

Понятно и ослу, что СКБ и вовсе прикрыли. Пришлось Сергею Антоновичу перейти простым инженером в бывший механический цех — ныне ОАО «Проминвест-КНС». Что такое «КНС» — этого никто из заводчан, да и вообще жителей Т., не знал. Понятно, сколько и в какие сроки задержки платили инженерам в середине 90-х годов! Самое скверное, что все семейство Сергея Антоновича было из инженерного сословия, все окончили, правда, в разные годы, один и тот же институт. Сын Андрей, названный в честь прадеда — знаменитого в Т. оружейника, — еще учился на последнем курсе. Дочь Ирина, она была старшей из детей, в свое время по распределению попала в Северодвинск вместе с мужем-однокурсником. Жаловалась в письмах: атомные подлодки тоже перестали на стапелях закладывать. Действительно, горько

усмехался Сергей Антонович, зачем России строить подводные атомоходы, когда их один за другим клепают верфи в США?

Супруга же доработала до пенсии в год достопамятного дефолта на нищенской зарплате на радиозаводе. Со сберкнижки вовремя не сообразили запаску снять — ее и скушал плотоядный Гайдар-внук. Как выжили в самые окаянные годы? — Не совсем и понятно. Выручала дача, у более удачливых родственников можно было перехватить до нещадно задерживаемой полочки; а родственников у них, как потомственных жителей города со времен Петра Первого, было превеликое число.

Но к концу пресловутого «миллениума», как обезьянничали телеведущие, как-то сама собой жизнь несколько наладилась... а может, просто привыкли к сниженной планке жизненных потребностей? — Скорее всего последнее; как говорится, что немцу смерть... Начать издалека: в Северодвинске на том стапеле, где работали дочь с мужем, все же решили достроить лодку; дочь хотя и жаловалась по привычке в письмах, но уже в общих чертах. Супруга, получая вполне регулярно скромную свою пенсию, не выходя из дома, устроилась работать секретаршей на домашнем телефоне: принимать заказы от подгулявших граждан, а быть может и господ, на доставку водки и закуски посредством такси. Та же фирма предлагала за повышенную зарплату принимать заказы и на доставку девушек, но Вера Васильевна поджала губки и отказалась.

Сын был уже продуктом своего времени. Окончив институт, положил диплом в ящик стола и более к нему не прикасался, пошел трудиться приказчиком (менеджером, как сейчас говорят) в оптовку. Потом и вовсе забурел: открыл магазинчик по продаже всякой компьютерной дряни. Однако хмурился: дескать, мелковат масштаб, а выше прыгнуть без стартового капитала невозможно. Квартиру он получил в наследство от одной из бесчисленных теток в центре, почти рядом с родителями, жил со своей продавщицей нерасписанными.

Самое главное, утряслось и у самого главы семьи. Во-первых, какую-никакую, но пенсию стал получать. Далее, поскольку ОАО «Проминвест-КНС» числилось правопреемником «Красного кузнеца» по специализации бывшего механического цеха, то оно и отвечало за регламентное обслуживание ранее изготовленных изделий, которые еще сохранились в войсках: не успели генералы и прапорщики продать их чеченам или японцам на металлолом. Посему по указанию Минобороны в ОАО сохранились некоторые инженерные должности одну из которых и занимал Сергей Антонович. Правда, оклад ему положили символический — 700 рублей в нынешних ценах, да и тот не платили уже семь лет (только квитки выдавали, да две штуки черным налом хозяин ОАО платил за непыльную текущую работу), но матерый инженер только усмехался. Ему и нужно было только рабочее место, кульман, телефон (один на весь цех, тьфу-тьфу, на все ОАО) и знакомые с давних пор токари и слесари пенсионного возраста, что за мелочевку изготавливали Сергею Антоновичу по его чертежам разные железки.

Дело все в том, что открыл он в ОАО «Проминвест-КНС» свое подпольное частное предприятие: разрабатывал и изготавливал различное маломерное оборудование и приспособления. Опыт у него был колоссальный, а заказчиков хватало: ведь кто-то же должен был делать всякую приспособу для больничной техники, сохранившихся кустарных мастерских и так далее. Словом, худо-бедно, но со всех источников набегало в месяц до пяти тысяч деревянных; даже по нынешним временам жить можно, что соответствовало профессорскому жалованью. Тем более теперь жили с супругой сам-двое.

Сергей Антонович даже несколько поуспокоился, но был умен, думал про себя, усмехаясь: «Воруйте-торгуйте, но меня в свои гешефты не затынете! Увы, истинно сказано: не плюй в колодец, пригодится напиться...»

◆Поскольку в новые времена, особенно поздней осенью и зимой, улицы города уже с шести вечера пустели, в гости опять же по вечерам не ходили, кинотеатры перепрофилировали под казино и ночные клубы, то народ полностью предался телевизионному дурману. Сергей Антонович смотрел в этот ящик с усмешечкой, иронизируя и нелестно комментируя, гордясь своей принадлежностью к восьми процентам самодостаточно мыслящих, но... смотрел. Особенно же народ наш добрый оживлялся к очередным выборам. Однако нынешние, в четвертую уже по счету Госдуму, прошли очень организованно, потому скучновато.

Что-то коммунисты слегка расшумелись насчет подтасовки, но всякий разумный человек, будь он даже сталинцем в душе, как Сергей Антонович, понимал: подтасовки здесь ни при чем, просто народ — с помощью телятника, голода и неприкаянности — выродился и если дружно проголосовал за уродов, проходимцев и приказчиков от олигархии и наркомафии, то и сам скурвился, отупел. Не зря ведь сказано: каждый народ достоин своих правителей. А те уже не скрывали своего удовлетворения, то-то во всех новогодних новостях дикторы цитировали анонсы из ведущих газет: дескать, главным итогом ушедшего года, что и подтвердили выборы в Думу, стал коренной перелом в общественном сознании: народ полностью отринул идею государственности и патриотизма и осознал себя исключительно частным собственником, то есть мелкобуржуазной биомассой по терминологии Сергея Антоновича. И впал он в полный пессимизм.

Напротив, итоги года и выборов ввели в неистовый оптимизм его тезку, тридцатидвухлетнего Перельгина тож Сергея, тож Антоновича. Дело в совпадении вовсе нехитрое: набор имен после отмены в 1917 году святцев в России получился ограниченным, а что касается фамилий, то город Т.— большая деревня, народ старается никуда не уезжать, да и чужаков не очень охотно принимает; вот десять-двадцать фамилий и правят бал уже не одно столетие... Да и были оба Перельгина какими-то дальними родственниками и знали друг друга: Перельгин-младший учился на одном курсе, даже в одной группе с сыном Перельгина-старшего Андреем. С юности очень способным был, на первом же курсе, хотя на дворе был разгар горбачевщины, сгоряча выдвинулся в комсорги факультета. Однако скоро опомнился и занялся настоящим делом.

Теперь же считался если не первым-вторым лицом в областном бизнесе, то, во всяком случае, вторую пятерку точно возглавлял. Имел несколько супермаркетов, сеть ресторанов, завод по производству молокопродуктов, другой — колбасный приобрел, в мучной торговле шишку на полгубернии держал. А в ушедшем году и вовсе стал обладателем контрольного пакета акций сразу трех крупных сахарозаводов области. По мелочи уже и перечислять долго и неинтересно. Понятно, что бывший одноклассник Андрей и его отец в последние пять-шесть лет видели своего давнего родственника только по местному телевидению, с экрана которого удачливый бизнесмен поучал народ от коммерции.

◆Бизнесмен Перельгин был счастлив на исходе третьего года нового миллениума. Уважаемый в городе и области человек, все у него шло «хоккей», как говорили в их кругу бизнесменов-комсомольцев. Кстати говоря, не зря Перельгин-старший, вызывая негодование престарелых собратьев-коммунистов, имел свою точку зрения на комсомол. Когда в начале демразгула то и дело слышались на митингах под трехцветным стягом заклеить партию и ведомые ею молодежные организации преступными — навроде НСДАП*, то Сергей Антонович стройно и аргументированно

* Der National-Sozialistische Deutsche Arbeiter Partei — Национал-социалистическая рабочая партия Германии, то есть нацистская партия Третьего рейха.

разъяснял: правящие партии, как сообщество взрослых людей, вообще говоря, отличны от преступных группировок, ибо выражают интересы большинства народа. А если считать их преступными, то приходим к абсурду: значит и весь народ преступен (!). Тем более, не могут быть преступными и детские организации при партии: дети сами еще не соображают, они — ведомы, это форма детских организованных игр. Но вот те, что стоят посередине — в комсомоле или в том же гитлерюгенде — уже преступны; понятно, что речь идет о руководстве. Будучи уже половозрелыми, но не постигшими человеческую мудрость, это профессиональные комсомольцы еще не в силах преодолеть искус власти и быстро становятся истинной сволочью. Что и показала пресловутая «перестройка». Ведь, как вы все помните, когда Ельцин запретил парторганизации на предприятиях и в учреждениях, то комсомольцев это не коснулось... Весьма симптоматично. Как говорится: плюнь в современного бизнесмена (не из кавказцев, те сразу зарежут) и попадешь в бывшего комсорга или секретаря райкома.

Однако отвлеклись. Кстати, чтобы дальше не путать наших героев, дальше будем именовать бизнесмена Перелыгина по его торгово-воровскому прозвищу Серега Бультерьер. Иначе в городе его за глаза и не звали.

Приобретения последнего года прочно выдвинули Серегу на самую вершину местного истеблишмента. Кроме всех прочих качеств, отличался он и практическим умом, сказывалась наследственная крестьянская сметка. Так, он не рвался в столицы, как многие нувориши-дурачки. Он даже переиначил известное изречение Гая Юлия Цезаря: «Лучше быть первым в глухой галльской деревушке, чем последним в Риме».

Точно так же он не рвался к власти официальной, справедливо полагая, что лучше иметь там своих клеветов, чем самому отвлекаться от дел. Хотя с его-то деньгами провести успешную пиар-кампанию труда бы не представляло... И действительно, только что он, объединившись с тремя коллегами по интересу, пропихнул в Госдуму надежного, главное, по деньгам повязанного человечка, умельца-говоруна. В Облдуме уже третий срок сидел его приказчик — из шелкоперов, отстаивая интересы хозяина. Сам же Серега занимал скромное место в городском законодательном собрании — для украшения своей визитки, но главное — именно там решались все практические дела по городскому имуществу. Здесь не грех было и самому потрудиться.

Так вот, услышав, как и Сергей Антонович, новогодние вести об окончательной перестройке страны к буржуазной идеологии, Бультерьер радостно заорал в кругу коллег: «Все, братва, наша полностью взяла! Теперь мы будем править бал».

Андрей люто завидовал бывшему однокашнику, ведь тот начал ворочать делами сразу с многомиллионного начального капитала — взял кредит в банке-скороспелке, что организовал также его однокашник Семен Гольцгейер, по родственным (через жену) связям с первым демократическим губернатором. Затем они с Семеном этот банк развалили и остались при своих интересах: кому кредит-то отдавать? Семен с уставным капиталом укатил на Брайтон Бич, в землю полуобетованную.

Иногда Андрей с Серегой встречались на вошедших в моду банкетах, где крупные воротилы общались с властью предержавшими. Для массовки и демократичности туда допускали и мелочь навроде Андрея. Бультерьер был человек не гордый, подавал ему руку (правда, левую при этом барственно держал в брючном кармане), спрашивал о его бизнесе, но тут же отвлекался, не выслушав ответа...

Андрей приходил домой с губернских саммитов злой, мстительно задумчивый.

♦ Хочешь разобраться в своих бедах — ищи женщину, что-то навроде этого говорят остроумные и хорошо знающие жизнь практичные французы, кстати, самая скупая в Европе нация (исключая еще более скупых болгар-братушек).

Даже самая сволочь людская, эти самые наши объ...бизнесмены на крови, на нищенской пенсии, смехотворной бюджетной зарплате, на слезах и ранних гробах бес-

Пришел Иван к новорусскому ростовицику, говорит: «Дай доллар американских денег займы». Тот отвечает: «Залог давай». Иван и отдал свою шапку — демократическую бейсболку с утиным козырьком. Ростовицик продолжает: «На тебе доллар, а отдашь два. Согласен на консенсус?» Взял Иван доллар денег, пошел себе, а новорусский вдогонку: «Иван, тебе будет сложно сразу рассчитаться. Вот пока у тебя доллар есть, отдал бы половину долга?» Подумал Иван и отдал ему зеленую бумажку. Вышел из конторы ростовицика, чешет затылок головы-бестолковки: и без шапки-бейсболки, и без доллара, да еще один задолжал!

В этом старом (несколько осовремененном) анекдоте вся экономическая политика страны со времен Меченого.

сильного и оглупевшего народа — неизлечимых идиотов-оптимистов... даже здесь ничего не могут поделать. Внешне смиренные, ласковые, бескорыстные и красивые, женщины, а тем более современные, нежно шепча на ушко, ведут самого крутого мужика прямоком в ад, геенну огненную, в душевный Освенцим, нищету африканских бантустанов...

Такой зубной болью и грыжей в печенках стала для сверхпреуспевающего предпринимателя Сереги Бультерьера городская прима Катя Овсенко, с которой наш бизнесмен познакомился перед самым Новым годом на открытии лучшего в городе казино «Золотое дно». Не стоит и говорить, что игорный этот дом принадлежал Сереге, а название подсказал его же приказчик из Облдумы, человек достаточно язвительный, взяв его из прочитанного в оппозиционной газете стихотворения: *«И как на золотое дно ныряет сволочь в казино»*.

Девушка эта с революционной фамилией была в свои двадцать два года законченной стервой, то есть вроде как, на первый взгляд, по характеру соответствовала

Сергею. И по положению тоже: папаша ее имел солидную долю в нефтяных и газовых трубах, что густо усеяла область советская власть. Все дело в том, что в свои тридцать с гаком лет Серега еще не был женат. Во-первых, бурно начатая трудовая деятельность отвлекала, а во-вторых, еще занимаясь мелочевкой — сникерсными ларьками, разбаловался: продавщицы, вчерашние школьницы, охотно ложились под мощного, спортивно вылепленного Серегу (отсюда и кличка его — Бультерьер) — в силу восторженно воспринятых ценностей демократии и понимая это как специфику избранной профессии. Так оно и шло, временами в своих виллах, окруживших город, Серега содержал до трех штатных содержанок. Но — наскучили продажные ласки, однажды прихваченный им триппер, а тут и вошла в его мысли красавица Катя. Словом, наш герой первый раз в жизни влюбился: окончательно, бесповоротно и глупо, то есть до самозабвения и потери практического разума.

♦ Как это ни странно, но сущность современных молодых (старшие не очень от них отличаются) женщин оба Сергея Антоновича Перельгина понимали одинаково и, вообще говоря, правильно. Причем Серега их понимал интуитивно, вращаясь в гуще сексуально-деловой жизни, а Сергей Антонович — умозрительно, сопоставляя с высоты своего жизненного опыта прежних и нынешних. И из мирового опыта — от Монтеня и Ларошфуко до «Женщины и социализма» Августа Бебеля — многое почерпнул. И еще одно различие: если в душе и мыслях Сергея Антоновича преобладала невольная жалость к современным женщинам, то для Сереге это было чем-то обыденным, как бы от века данным. Слепила его только вспыхнувшая любовь. Да и, как ни крути, жениться было просто необходимо: в тридцать два года уже тянет к детскому лепету, а потом общественно-торговое его положение требовало определенного реноме, как того оно требует, например, от православных священников, дипломатов и президентов.

Наконец, дурачки не из их круга вообще могут злопыхать: педик, мол, импотент! Но вряд ли Серега преодолел бы соблазн почти уже устоявшейся вольной холостой жизни, если не шальное явление на открытии «Золотого дна». Именно сверхкрасавица Катя Овсеенко заставила матерого бизнесмена забыть его всегдашний девиз, неведомо откуда вычитанный: *«Бойся, как геенского огня, галок намазанных (суетных женщин), ибо они часто из воинов царских делают рабов сатаны».*

...И первые два месяца нового года и даже чуть дольше, прямо до очередных президентских выборов, Серега Бультерьер самым пошлым образом терял голову, делал благоглупости, швырялся деньгами, будучи порядочным-таки скопидомом (опять — тяжелая крестьянская наследственность), гусарил и купечил. Его приказчиков хорошо знали в цветочных лавках и новомодных ателье флор-дизайна. В ювелирные магазины, причем в наиболее престижные в городе — «Золото Рейна», «Золото Партии», «Сокровища Хамураппи» и другие, — Серега заявлялся самолично и регулярно, как на службу. И прочая, прочая, прочая...

Красавица же Катя вела себя несколько непонятно для обожателя. С одной стороны, она с видимым удовольствием принимала многочисленные знаки внимания, особенно — материально-вещественные, хотя по характеру своему особой жадностью не отличалась — на уровне обычной среднестатистической женщины: то есть была просто жадной до дармового, подарков тож. Как и всякая женщина, готова была за золотую цепочку родину продать...

Понятно, что до интима дело не доходило: виртуальный брак мыслился как мероприятие династическое, требовавшее определенного бонтона. Однако, чем ближе к президентским выборам, тем поведение красавицы становилось все более непонятным. А Серега уже порядком поустал от череды нескончаемого истеблишмента: проводить все вечера, когда так хорошо работалось, на концертах классической музыки,

гонять в Москву в модные театры с идиотскими спектаклями, торчать в дико орущей толпе наркоманов, юных шизофреников и дебилов на столичных площадях, когда приезжал на заработки кто-то из солидно постаревших и обезголосевших кумиров западной эстрады 60-х годов...

А какие метаморфозы претерпевала девушка Катя?— Она все холодно и рассудочно взвешивала и склонялась к определенному выводу, обидному для Сереги. Дело в том, что последние пять лет, бывая в родном городе короткими наездами, проводила зиму в столице, а лето с родителями или московскими знакомыми на Канарах, в Испании, Кипре, Кургаде. В столице же она училась на журфаке МГУ, куда определили ее папа с мамой, поскольку юная Катя не была склонна к музыкальным и пластическим искусствам, не обладала голосом Алсу Сафиной... Потому из престижных заповей только журфак и подошел.

После блеска и веселья первопрестольной Катя скучала в Т., в душе хохоча над манерами здешнего «света» — преимущественно вчерашних бандитов с их женами-проститутками, нуворишей из бывших возчиков пива, чиновников, разжиревших на взятках, местных думских деятелей из учителей, газетчиков и приказчиков тех же Сереги и ее собственного папá. И это при всем том, что в Москве пустовала квартира в престижном доме, в самом центре, приобретенная отцом в год ее поступления в МГУ. Да и знакомые звали в редакции модных журналов, в министерские референты, на телевидение. «Что тут в глухомани-то ловить?» — вопрошала она себя и давних, со школы еще, подруг. А сама виновата, точнее — неизжитая до конца провинциальная доверчивость. В глупейшую, банальную ситуацию вляпалась — прямо по Пугачевой с ее «Настоящим полковником». Вскружил ей по молодости голову: ФСБ, разведчик, в Нью-Йорке своя квартира-явка на 40-й авеню. В итоге нагрел дуру на всю ее «золотую карточку», папаша едва квартиру отбил; вдобавок садистом и педофилом оказался. «Все,— орал папахен,— до окончания университета мать в Москве будет жить, а потом в Т. Там посмотрим, что с тобой делать».

♦ Плюсов у виртуального жениха, как трезво полагала Катя, достаточно много: из первых богатеев города — это основное. Да и отец говорит: хороший, надежный у Сереги бизнес, не то что у меня. Живем в нестабильное время, по воле волн плывем. Не дай, бог, какое потрясение, коммунисты снова власть возьмут... нет-нет, это маловероятно. Но диктатуру навряд ли латиноамериканской вдруг установят, с исламским миром по указке америкосов или с Китаем воевать соберутся — без национализации дело не обойдется, мои трубы в первую очередь отберут, а Серегу с его жратвой и торговлей оптово-розничной в самую последнюю очередь тронут. Вот так-то!

Из себя мужик солидный, крепкий, не то что эти московские интеллигентные алкаши, хлюпики и гомосеки. Черт возьми! Ведь подумаешь — настоящий полковник... А Серега и был полковником по интендантству; войдя в силу, для солидности купил через знакомых военкомовцев этот чин, ни дня не служа. Для полноты жизненного оптимума выправил в местном университете и диплом доктора экономических наук, профессора, зав. кафедрой малого и среднего бизнеса — помог от щедрот своих ученым людям оборудованием для учебного процесса, ремонтом и прочим.

Наконец, рассуждала зиц-невеста, десять лет разницы в возрасте дают определенную сексуальную привязанность и стабильность: лет пять-шесть вообще не будет по бабам шастать, а ей и сам Бог, а может черт, велит на стороне развлекаться... Все к одному вроде как складывается.

Но победили в разумной головке Кати доводы противоположные. Во-первых, жить она может только в Москве, на худой случай — в Лондоне, Питере или Нью-Йорке (в порядке убывания предпочтения). Во-вторых и в-последних — жить без стеснения в средствах, ибо, выйдя замуж, для родителей она станет отрезанным лом-

тем, благо младшие брательники уже бизнес-лицеи вот-вот окончат. И такие сволочи растут! А характер кондового Сереги с его установкой по Гаю Юлию Цезарю и крестьянской скопидомностью она изучила хорошо. Даже если с полгода-год попотворствует ей, то затем сторицей возьмет, а главное — рожать тотчас заставит.

Хотя и суперсовременной женщиной была Катя, но все же русской бабой, поэтому перед принятием окончательного решения (а уже все решила!) ей следовало перед кем-то выговориться. Но перед кем? — Не из своего же круга, где все бабы — сволочи. Вспомнила прежнюю школьную подругу Люсю, кстати, она совсем недавно ей звонила, набрала номер. Мать Люси ее узнала, обрадовалась, сказала, что дочь на работе, объяснила где.

Подъехав на отцовском джипе и с отцовским же шофером, Катя увидела вывеску маленького компьютерного магазинчика, там и нашла подругу. Беседовали они в подсобке — крохотной клетушке (Катя захватила с собой бутылочку итальянского асти и полдюжины миндальных пирожных). Несколько раз по делам заходил хозяин магазинчика, приятный молодой человек, одного возраста с Серегой. Впрочем, он ее интересовал не больше, чем опустевшая бутылка из-под асти.

Под конец разговора-исповеди Катя твердо решила: отказать. Но как при этом не обидеть, не нагрубить, ведь, кроме добра, она от Сереги более ничего не видела.

— А ты скажи ему, — засмеялась порозовевшая от вина Люся, — все, мол, у тебя есть, сам ты хорош. Но ведь и у многих других все есть, все хороши... А я хочу, чтобы ты у меня отличался ото всех, ну-у, вот попадешь в книгу рекордов Гиннеса (Люся намерена с приятелем пила пиво «*Guinness*» в баре ресторана и запомнила происхождение этого названия) — буду твоя навек!»

Подруги рассмеялись, но уже в джипе, по дороге домой, когда легкий хмель от семиградного асти прошел, подумала: а почему бы и нет? Необидно, пикантно, невыполнимо...

Хозяин же магазинчика, сгорая от понятного любопытства, расспросил Люсю: что за шикарная подруга у нее появилась? Та же, не отказывавшая видному собой хозяину в интимных ласках, все подробно и с удовольствием рассказала, помянув имя конфиденанта разговора — Серега Бультерьер; настоящей фамилии его она не знала.

Хозяин посмеялся и принял приглашение возбужденной вином и встречей с подругой Люси заглянуть после работы к ней домой на часок-другой. Заметим, что хозяин официально, но минуя запись в загсе, жил не с Люсей, но с другой своей продавщицей — Леной. Как они между собой регулировали щекотливые отношения? — Об этом никто не знал; на людях Люся с Леной миловались как закадычные подружки.

♦ В очередную субботу, отпустив пополудни с миром отдыхать обеих продавщиц, то есть и сожительницу Лену отправив домой, Андрей на часок задержался со старшим приказчиком — подбить, так сказать, перед уик-эндом бабки за прошедшую трудовую неделю. Затем самолично включил сигнализацию, замкнул входную дверь и, свято блюдя установившийся ритуал семейных отношений, отправился к родителям. По дороге прихватил бутылочку любимой Сергеем Антоновичем лимонной водки местного, но хорошего производства, для матери — вафельный торт, облитый шоколадом с орешками, и кой-чего на закуску. Мать всегда по поводу этой буженины или сырокопченки микояновской ворчала: дескать, не выказывай свои мелкобуржуазные замашки, что — дома у нас еды нет? Кстати говоря, она и установила субботнюю традицию, полагая, что хоть раз в неделю сын должен нормально пообедать, по-домашнему. Андрей с ней соглашался; Лена была восхитительна в постели, но готовила все как-то дежурно, скороваркой, также справедливо полагая: ведь не жена расписанная!

Субботники полагались мужскими, поэтому и Ленка с собой не бралась, и мать делала вид, что всецело занята кухней и подачей еды. Готовила она, конечно, более

чем превосходно. Знакомые и приятели семьи, гостевавшие у них, когда Андрей еще жил с родителями, замечали вроде как шутливо: ты, мол, Андрей, с такой материнной кухней никогда не женишься, ибо жены ты с таким талантом не найдешь. Почти как в воду глядели...

Распив лимонную под салат оливье (которому и сам мсье Оливье позавидовал бы), сборную солянку, фирменные де-валяй Веры Васильевна и пирожки-завитушки с визигой, мужчины с примкнувшей к ним хозяйкой пили до третьего пота отменной заварки чай с травками (купаж Сергей Антонович составлял самолично), кушали принесенный торт.

Обменявшись последними политическими новостями — президентская кампания много шуму наделала,— перешли на местные злободневные темы, причем Сергей Антонович иронизировал над мелкобуржуазными потугами сына, а тот, в свою очередь, добродушно-язвительно интересовался у отца о сроках второго пришествия коммунизма. Между делом Андрей, не скрывая злорадства, рассказал о ситуации, в которую попал отцов тезка, а его одноклассник Серега Бультерьер. «Бог шельму метит,— заметил отец,— и на старуху бывает проруха!» Вера же Васильевна восхитилась коварству и находчивости современных девок: «Надо же, еще соплюшка почти, а такое с Гиннесом этим придумать? Нет бы просто отказать... вот потому нынешние мужики вроде тебя, Андрюша, если и женятся, то перед пенсией». «Ха-ха,— рассмеялся вдругорядь Антон Васильевич,— ты, Андрюха, ведь бизнесментер, коммерсант так сказать, тебе ведь и пенсия не полагается!»

Андрей слегка обиделся, высказался в том смысле, что он-то пенсион получит, потому как социальный налог исправно платит, а вот ты, отец, хотя и на пенсии, а зарплату свою за семь лет так никогда и не получишь, впору и тебя в книгу Гиннеса записывать. Сергей Антонович ничуть не обиделся, продолжал смеяться. Дальнейший разговор мужа с сыном заинтересовал практичную Веру Васильевну.

◆— Эхе-хе, грехи наши тяжкие, что не уберегли советскую власть-кормилицу... Это сколько же мне задолжало бывшее родное предприятие? Так-так, умножаем на семь и на двенадцать, этта-а... шестьдесят штук, как у вас сейчас принято говорить!

Сергей Антонович перестал смеяться, даже пригорюнился. Все дело в том, что уже несколько лет как у него появилась мечта. Или идефикс; понимай как хочешь. Был наш инженер большим любителем парной баньки. Раньше каждую субботу, взяв запасенный с лега березовый веник, с утра отправлялся в общественную баню на Ермиловской и возвращался, особенно зимой, когда темнеть начинало. Тридцать лет ходил, а теперь некуда стало ходить: все бани города переиначили в публично-досуговые заведения с саунами и длинноногими массажистками. Вот и возникла мечта-надёжа о собственной баньке при подгородней дачке. Не раз и не два проводил он вечера за расчетами, интересовался, заходя в хозяйственные магазины и на рынки, стоимостью материалов. Нашел среди родни и семидесятилетнего печника деда Федора, который брался за полцены соорудить каменку. Но цена получалась негармоничной их нынешнему *status quo*: под шестьдесят тысяч. А тут эта цифра и прозвучала...

— Да-а, Андрюха, недурно было бы выцарапать у нашего хозяина эту шестидесятку, как раз на баньку хватило бы.

— Я бы, батя, дал тебе эти штуки, да понимаешь, порой и рубля нельзя из дела изъять; опять же арендную плату постоянно поды...

— Да не возьму я у тебя! Не раз уже говорил. Моя блажь — моя и доука.

— Ну, как знаешь. Ба! Есть идея.

Сергей Антонович сначала слушал Андрея с усмешкой, издевается над стариком, мол, но затем и сам заинтересовался, ибо толика авантюризма в нем всегда жила.

Сергей Антонович преимущественно апеллировал к совести коммуниста, что за-

писываться в эту буржуазную книгу по такому поводу — лишний раз позорить и без того оплеванную страну. Сын умело возражал, приводя примеры из истории партии — пораженческую тактику большевиков в Первую мировую войну:

— Так наоборот! Тем самым ты всему миру этому гребаному покажешь: до какого унижения и идиотизма довели бывшую сверхдержаву нынешние правители. Да тебе сам Зюганов с Харитоновым, тож Жирик, приветственные телеграммы пришлют, в почетный президиум КПРФ зачислят.

...И много чего загоревшийся вроде как нелепой идеей Андрей говорил, не хуже самого папы Зю на митинге в честь Великой, одновременно Октябрьской, да еще и социалистической. А сама завязка разговора была сформулирована Андреем: «Вот тебе нужно шестьдесят штук. Их тебе должно заср... ОАО «Проминвест-КНС». Так просто тебе твоих денежек не увидеть; я слышал где-то, что этот самый кэ-эн-эс скоро за долги на торги выставят, а там его Бультерьер скупит и в торговоразвлекательный центр перепрофилирует. А вот к Гиннесу попадешь — шум на всю страну, по телеку сообщат, губернские наши заволнуются, прижмут вашего уroda — и как миленькие выплатят!»

До позднего вечера просидели отец с сыном. Вера Васильевна, махнув рукой, давно уже дремала перед телевизором. Ленка, волнуясь, дважды звонила. Итог подвел Андрей:

— Ладно, отец, ты пока всерьез в голову не бери. Надо все сначала разузнать. Завтра воскресенье, выходной, так что ты сходи в областную библиотеку, у них этот Гиннесс имеется. Посмотри внимательно последний выпуск: есть ли такой раздел, не опередил ли кто уже тебя... А я во вторник в Москву поеду за товаром в оптовку на Тушинском — заказ делать. Переночую у приятеля, а с утра сходу в контору — представительство Гиннеса; есть там такое, в «Коммерсанте» читал. Узнаю, как все это дело оформляется, какие документы требуются.

Распрощавшись, Андрей ушел домой.

♦ На другой день, усмехаясь про себя и над собой, Сергей Антонович отправился в недалёкую от его дома областную библиотеку, читателем которой состоял едва не полвека — со школьных лет. И хотя тетка, заведовавшая книгохранилищем, уже давно нянчила на покое первого правнука, но встретили его как родного, даже посетовали, что редко стал заходить. Книгу рекордов от Гиннеса ему лично, на вытянутых руках, принесла сама Эльвира Вильгельмовна — зав. общим читальным залом. И не только принесла, но и предварительно отобрала ее у какого-то студента, который рассматривал занятую книжицу вместо того чтобы писать конспект по менеджменту в музейном бизнесе. Приняв с благодарностью увесистый том, Сергей Антонович с подозрением посмотрел на обездоленного студюзуса: тоже, мол, что-то задумал... Просидел он до вечера.

А вечером в среду, вернувшись из Москвы, позвонил сын, сказал, что есть хорошие вести. Не вдаваясь в подробности, договорились перенести разговоры на текущую субботу.

В субботу же, точно по расписанию, но уже под рыбное заливное, рассольник, лангет с картофелем фри и яблочный пирог, отец с сыном провели саммит, пришли к консенсусу и выработали диспозицию.

За десертом Сергей Антонович начал было пространно излагать содержание книги рекордов с идеологической оценкой ее: символ загнивающего (правда, временно воспрянувшего и торжествующего) империализма; какой только дури там нет, сплошное бескультурье, бездуховность... Но Антон деловито, хотя и почтительно, потребовал ближе к делу.

— Полдня просидел, все сколь-либо похожие разделы просмотрел. Вроде как все

Подгулявший новорусский, родом с Кавказа, увидел вывеску в центре Москвы: «Седельная мастерская». Взыграло ретивое, вспомнились мигом рассказы стариков в ауле: «Седло для джигита что жена для неверного». Спрашивает охранников частного предприятия: «Не публичный ли дом, правда, седла мастерят?» — «Так точно, полный седельный гарнитур по спецзаказу. Градоначальники и министры заказывают». Поморщился новорусский на такое сравнение. «Нет, дорогой, я интересуюсь: могут ли у вас смастерить такое седло, чтобы им оседлать этих самых градоначальников и министров и понукать ими во славу аллаха?» Рассмеялись многоопытные охранники: «Ха-ха-ха! Да вы, Барлык Елдирдинович, давно уже сидите в таком седле!»

из другой оперы: содержание в рабстве, труд малолетних без оплаты и прочее. Правда, попался один чужак, наш, из Омска: три года работал на какой-то фабричке, денег не платили, а он, бессловесный, даже и не спрашивал. Дебил, должно быть. Потом оказалось, что в компьютере бухгалтерском что-то напортачили, а его зарплату получал (и молчал, гад!) его однофамилец, вахтер на проходных; его и свою получал.

— Ну, это к разряду бухгалтерских ошибок относится, оспорим. А я разыскал эту контору с представительством, все разузнал. Главное, чтобы собрать все нужные документы. Этим и займись с понедельника. Справку из кадров, что ты семь лет работаешь инженером на кэ-эн-эсе своем, справку из бухгалтерии о начислениях за эти годы зарплат. Главное, как мне тамошний адвокат из конторы объяснил, нужна справка о том, что эти начисленные деньги ты через кассу не получал. Составляется она опять же в бухгалтерии, но ее подписать должны главбух и кто-то на уровне зама директора, чтобы гербовую, или какая там у них в ОАО, печать поставить. Вот тебе образчик содержания этой справки, адвокат ее мне за пятихатку составил.

— Да кто же мне все эти справки даст, тем более последнюю. Сам понимаешь, платят ведь черным налом, поэтому кадрам и бухгалтерии велено настороже быть, никаких бумаг на руки не выдавать.

— Все сейчас решается. Охарактеризуй: что за люди сидят, где слабина у них?

— А чего их характеризовать. Кадровику под семьдесят, еще от завода остался. Получает тыщонку, нала ему не дают, все равно никуда не денется: пенсия нищенская, а выпить не дурак. В бухгалтерии трое сидят, одна — главбух, все девки молодые, еще в заочном финансовом учатся, работают за копейки только для стажа, чтобы потом в частные лавочки уйти. Вот вроде и все.

— Понятно, так и предполагал. В прихожей пакет я оставил, там все приготовлено.

(Сергей Антонович вспомнил: действительно, на этот раз Андрюха пришел не только с обычным дипломатом, где водка с закуской, но и объемистый пакет с рекламой супермаркета Сереге Бультерьера в руках был).

— Так вот, кадровику — литровую бутылку «Флагмана», а в бухгалтерию — подарочный набор массандровских вин, три коробки питерских конфет с ликером, главбуху отдельно баночку красной икры и духи — названия не помню, но Ленка сказала, что самый сейчас модный парфюм.

— Да ты, Андрюха, разоришься так...

— Дело того стоит. Главное — в бухгалтерии напирай на то, что в последнее заочное общение президента с народом в конце того года звонил и сам, намекал насчет прибавки к пенсии как лауреату и орденосцу. Дескать, ответили из администрации: готовь бумаги о зарплате и прочем. Бред, конечно, но девки поверят. Кадровику ничего не объясняй: бутыль об стол хлоп и все дела.

— Но ведь ты говорил, что основную справку нужно у зама подписывать?

— Это пусть тебя не колышет, главбух хоть и дура молодая, но за икру и духи сообразит: подсунет с кипой других бумаг, тот и подмахнет не глядя. Дело обычное.

Да, в эту субботу Андрей принес к обеду не лимонную водку, а настоящий, неподдельный армянский коньяк.

♦ На дворе стоял конец апреля. Сама природа радовалась вместе с россиянами недавно случившемуся повторному избранию президента. Не дожидаясь полумесячных майских праздников, народ зачастил на дачи, особенно, если они случились подгородными, близкими, как у Сергея Антоновича. И сам он за земледельческими забавами почти позабыл об отвезенных сыном в московское представительство рекордной книги документах, собранных таки почтенным инженером. И Пасха Господня в этом первом високосном году нового века и тысячелетия была ранняя, в самом начале второй декады апреля...

Вот и давние крестьянские корни возродились в Сергее Антоновиче, взял он отгулы на последние пять предпраздничных дней и переселился на свою дачку. И хотя от нее до дома добираться скорее, нежели от дома до работы, переселился полностью, с ночевками. Вера Васильевна тоже каждый день навещала свое подгороднее хозяйство — с рассадой повозиться, супругу в судках горячего привезти... но к раннему вечеру возвращалась в квартиру. На даче не было телевизора.

Кстати, отгулы Перелыгину в ОАО «Проминвест-КНС» дали почти что с радостью. И даже не потому, что официальную зарплату ему не платили. Сергей Антонович, равно как и большинство мыслящих самодостаточно людей России, давно пришел к выводу: людей, исключая сферу торговли, воровства, банковского ростовщичества и прочего честного предпринимательства, в стране занять нечем. Поэтому сохранили все революционные праздники, присовокупили религиозные и новые демократические; названий последних почти никто не знал. Да еще рекомендовались всякие каникулы. Совершенно однозначно все госпредприятия и ОАО от промышленно-

сти не работали первые половины января и мая. Вот, казалось бы, в этом году и первое, и второе, и девятое мая на законные выходные пришлось, и что? Все равно полмесяца трудящимся пожаловали... Даже по телящику всероссийскому то ли в шутку, то ли всерьез проводили опросы по бесплатному телефону; требовалось ответить чистосердечно: до какого числа проводить новогодние праздники? Следовало выбрать один из трех вариантов ответа: а) до Рождества Христова; б) до Крещения Господня; в) до следующего Нового года.

И еще к одному, радостному для него, выводу пришел в последние год-два Сергей Антонович: никогда властям и прессе с телящиком, гидрам трехголовым, не переделать советского человека в безликого частнособственника. Опять же это было связано с многодневными праздниками: от Хануки до Байрама, от Рождества до Троицы и так далее — хоть в новом, хоть в старом, хоть в мусульманском календарях. И если поначалу, от горбачевщины, народ, заразившись бациллой накопительства, забыл про выходные и праздники, день и ночь торговал, воровал и т.п., то теперь, одумавшись, начал запирать на засовы свои лавки и лабазы на два, на три дня — по числу выходящих выходных-праздников... Однако — к делу.

Итак, Сергей Антонович собрался почти двадцать дней, с учетом апрельской недели, провести в дачном упоении, днем копаясь в грядках, а по вечерам услаждаясь любимой наукой, благо все ранее недоступные книги теперь издавались. Хотя стоили ныне книги дорого, но на одну-две в месяц он заначивал.

Понятно, на Первое мая — нынешнего официального названия он не запомнил — собирался Сергей Антонович сходить на демонстрацию с митингом на главной площади города, послушать выступление народного губернатора, встретиться с друзьями-приятелями, бывшими коллегами по труду на «Красном кузнеце», а потом, вернувшись домой, дожидаться Андрея и душевно отметить пролетарский праздник.

Однако в предпраздничную пятницу запилкал канканом мобильник (сын им с матерью недавно купил — на дачу с собой брать для связи): Андрей торопливо сказал, что через час будет, пусть дождется, в город не выезжает. Сергей Антонович малость удивился, но продолжил заниматься заменой подгнившей доски в крыльчке.

Ровно через час в калитку торопливо вошел Андрей сразу с двумя сумками в руках и с Ленкой, поспевавшей за своим незаконным благоверным.

— Все, отец, ты в рекордистах!

◆ После того памятного объяснения с прелестницей Катей, сраженный женским коварством, Сергей Бультерьер вытребовал из Интернет-магазина спешным курьером рекордную книгу и заперся на сутки в главной своем офисе на Старокупеческой, бывшей Новоколхозной. Подкреплялся кофе с коньяком и закуской из личного холодильника. Секретарше велено было отвечать: шефа нет, где он — неизвестно. Мобильник Серега отключил.

Если бы в просторном еврокабинете находился, как в эйнштейновской теории относительности, сторонний наблюдатель, то он бы с любопытством отмечал на лице Сереги Бультерьера, сидевшего, как то принято у серьезных бизнесменов, под развернутым государственным стягом, резкую смену эмоций: зависть к сверхбогатеям, недоумение к жертвователям сотен миллионов баксов на благотворительность, презрение к подвижникам ума и совести, ухмылки по адресу идиотов, сидящих по полгода на торцах столбов или висящих месяц над Уолл-стрит в стеклянном кубе...

Увы, ни по одной из этих категорий Серега не мог претендовать на рекорд: на столбе он бы не просидел и полчаса, тучноват был, поесть любил; хоть и не беден, но с мировыми акулами и отечественными олигархами тягаться не мог; жертвовать и подвижничать — характер не позволял.

Отоспавшись после чтения толстой книжицы, Серега вызвал своего личного ад-

воката, многоопытнейшего Леонида Исаевича, в советские времена заправлявшего областным арбитражем. Исаич, как его дружелюбно именовал хозяин, еще со времен комсомольской юности привык ничему не удивляться, поэтому без лишних слов принялся за дело: с неделю провел в Москве, где каждый второй юрист был его родственником или приятелем, посетил с деловыми визитами множество самых различных мест. Выезжал и в северную столицу, откуда слетал в Лондон.

Вернулся Леонид Исаевич из командировок задумчивым, даже несколько обескураженным, что было ему несвойственно. В состоявшейся с патроном обстоятельной беседе Исаич с прямой римлянина заявил что Сереге «светит» (и то отдаленно), исходя из реальных возможностей, только путь искусства, причем в сочетании монументализма и духовного уродства. Так ему пояснили эксперты по пиару и эпатажу в московских и лондонских агентствах. Далее Исаич понес полный бред:

— Понимаете, дорогой Сергей Антонович, здесь выбора нет. Деньги, правда, придется потратить немалые, но — вы же говорили, что игра должна стоить свеч. Короче говоря, суть дела такова. Вы в диараме Бородинского сражения в Москве бывали? Это рядом с филевским домиком Кутузова... Нет? А в панораме обороны Севастополя в одноименном городе, так сказать, бывшей русской славы? Жаль, жаль, понимаю, время — деньги или, как еще говорят: где шумит бизнес — там музы молчат. Ну, это я к слову.

Так вот, вам надлежит построить в нашем городе круглое здание, что-то наврODE цирка, а по внутренней стене этаким замкнутым кругом, высотой от пола до потолка изобразить маслом на холсте панораму действия. Причем размер здания, а значит и круговой картины должен быть самым крупным в мире; цифры все у меня записаны. Кстати, с местом для строительства хлопот не будет: глава Новозаводского района, известный покровитель искусства и спорта, давно мечтает что-то подобное соорудить.

И с малярами этими, художниками то есть, проблем не будет: из университета с кафедры дизайна бригаду подрядите человек в десять, да в подмастерья им штук двадцать из тех, что мерзнут, торгуя русалками в озере, около главпочтамта. Таким образом, вот за энную сумму, написанную на этой вот бумажке, и за срок чуть больше года все будет о'кей!

Да, сам сюжет должен быть предельно идиотским, например, «Пришествие дефолта 1998 года». Представляете? По кругу чередуются рожи наших правителей, олигархов, лавочников, генералов, простых совков... На одних — радость, на других — отчаяние предельное. Все на фоне замерших заводов. Тут же всякие педики эстрадные, дуры эти патлатые и безголосые, а над всеми парят черти в натовских мундирах... Хорошо? Ну, конкретную композицию согласен сделать мой родственник из Ленинграда, он как раз по внешней рекламе работает, художественную академию по станковой жи...

Разошедшийся Леонид Исаевич вздрогнул от мощного удара кулаком по столешнице. Аж бутылка с французским коньяком, полуопорожненная, подскочила и свалилась набок; золотистая струйка, чудо виноделов из долины Рона, пролилась на колено адвоката.

— Хватит! С ума все походили, что ли? Идите и займитесь делом. Пока вы, Леонид Исаевич, по столицам и лондонам-гондонам развлекались, Голомысов почти иск по макаронной фабрике выиграл, впору братву посылать. Завтра не позже вечера — отчет мне по этому делу на стол!

— Слушаюсь, Сергей Антонович. Хорошо бы насчет гонорара... пришлось поиздержаться...

— В бухгалтерии получите командировочные. По предъявлении документов: счетов, билетов и прочего. В пределах нормативов. Идите.

◆ Серегу разгневала даже не сумма, хотя она и поражала своими размером. Это он бы стерпел, понятно, сбив до минимума, а само здание, по образцу ларьков, построив из всякой жестяной дряни, простоит до первого шквального ветра. Дело в другом: еще неделю назад Катя, с которой он по устному договору общался только по телефону, заявила, что ждет не более трех месяцев, дескать, ей тоже надо жизнь устраивать... А тут год с лишком!

Вечером следующего дня обиженный Леонид Исаевич, поджав губы, положил на стол патрона папку с бумагами; отбил таки иск Голомысова без братвы. Серега, слегка поостыв, молча вынул из ящика стола пачку зеленых и вручил адвокату. Словесно он извиняться не был обучен сызмальства.

Приняв еще пару своих управляющих, Серега поехал развеяться в клуб — поиграть на бильярде. Сделав партию, даже чуток выиграв, он отошел к бару, взял бокал мартини. Здесь ему на глаза попался бывший однокашник, которого и помнил-то только по причине одинаковой с ним фамилии, вроде как дальнего родственника, какого-то киселя на какой-то воде, мелкого торговца. Поморщился: нечего всякую шушеру сюда приваживать! Понятно, клуб был Серегин.

Рассеянно протянул Андрею руку, поинтересовался дежурно делами.

— Какие у нас дела, Сергей Антонович! Это у вас дела, у нас же делишки, — почтительной скороговоркой ответил Андрей.

— Да, — улыбнулся, вспомнив, Серега, — как поживает мой полный тезка?

— Отец-то? Инженерит все, хотя на пенсии, не может без дела сидеть. Старой закалки человек. Чудит порой, вот недавно получил извещение из Лондона: представляете, в книгу рекордов Гиннеса его хотят поместить? Ха-ха! И за что? Представляете, Сергей Антонович, за неполучение в течение семи лет зарплаты в своем ОАО!

Серега поначалу вскипел гневом, лицо его побагровело: всякий прощельга над его горем издеваться будет! Рас-с-пустили! Однако, услышав пояснения, на миг остолбенел, краснота лица уступила место бледности. Некая мысль овладела всем его существом.

— Послушай, Андрюха, — Серега дружески положил руку на плечо оробевшего собеседника, — так ведь мы с тобой, почитай, с выпускного в институте не чокались. Если не торопишься, давай спустимся вниз, в ресторанчик мой, посидим, по рюмахе-другой дернем, вспомним былое и годы, как классик говорил, а?

Теперь уже Антон на миг остолбенел, спохватился, с радостью согласился.

В ресторане с итальянским меню Серега распорядился очистить единственный отдельный номер и подать «нормальной еды без всяких пиццей и макарон», клюквенной водки и коньяку из личного погреба.

Забеседовались они до глубокой ночи, после чего, обнявшись, вышли на улицу, сели в Серегин «мерин» и отправились, по нижегородскому обычаю, уже в ночной клуб с девушками, стриптизом, эстрадой и отдельными интим-номерами. Не стоит более пояснять: кому этот клуб принадлежал.

◆ На другой день сдружившиеся однофамильцы отсыпались до полудня (каждый в своем доме), а затем вновь встретились в офисе на Старокупеческой. Говорили уже набело, по-деловому, под чаек с лимоном; патриот Серега кофе не пил.

На сей раз Андрей вошел в офис даже с некоторой долей самоуверенности, заложив левую руку в брючный карман. Весь штат центрального офиса торговой империи Сереги Бультерьера замер и гадал: зачем шефу понадобился — и на столь длительное время — ничтожнейший мелочный торгаш? — Реноме гостя узнали из его визитки, переданной последним секретарше; иначе она отказывалась даже докладывать Сергею Антоновичу о неожиданном визитере.

Самую скупую, но все же информацию получали от секретарши; Алла Констан-

тиновна, умнейшая и наблюдательная сорокапятилетняя дама (Сергея не терпел на ответственных должностях длинноногих вертихвосток). Несколько раз она по самым неотложным делам заходила к патрону с бумагами для подписи и сделала определенные выводы, которыми и поделилась с вызванным под вечер, но пока сдерживаемым в приемной вторым лицом организации Семеном Михайловичем Гольцгейером — председателем совета директоров; сам Сергей именовался генеральным директором и главным конструктором (?!).

Да-да, не удивляйтесь. Это был все тот же Семен Гольцгейер, с которым на заре предпринимательства Сергей бомбил банк. На Брайтон Бич он долго не удержался, решил удвоить уворованный капитал отечественными методами, запамятавав, что Америка — страна строгих финансовых законов. Словом, отсидев два года в комфортабельной тюрьме штата Нью-Йорк, вернулся в прежнюю страну обитания баз единого цента. Даже на билет, дешевый аэрофлотовский, занял у тамошнего дальнего родственника. Униженный и оскорбленный в лучших чувствах, пришел Семен к другу Сергею... и вышел из его кабинета старшим приказчиком фирмы, то есть председателем совета директоров. Сергей ему доверял: проверенному и перепроверенному, пережившему глад и узилище, повязанному с ним банковским криминалом.

...Понятно, взглянув на визитку, что лежала на столе Аллы Константиновны, мигом вспомнил однокашника Андрюху Перельгина и еще более заинтересовался: что связывает того с шефом, да еще в такой степени, что его, Семена, к концу трудодня вызвали да еще и заставляют ждать в предбаннике словно мелкого клерка?

По наблюдениям же Аллы Константиновны гость ведет себя крайне самонадеянно, диктует свои условия. По всему чувствуется: именно Сергей Антонович заинтересован в этом мелком торговце, а не наоборот. Шеф же, хотя и сопротивляется упорно, но постепенно уступает. Сути же дела она уловить не смогла, поскольку гость говорил обняком, осторожно, замолкал при входе секретарши, а Сергей Антонович говорил на фене — как всегда, когда был раздосадован. А этого языка Алла Константиновна, к сожалению, не понимала. Знала же английский и немецкий, в советское время трудилась учительницей в культпросветучилище.

Наконец, вызвали и Семена Михайловича, а Алле Константиновне было велено принести в кабинет «что-нибудь выпить и закусить старым друзьям и однокашникам». А спустя полчаса, вызванный по телефону самим шефом, в кабинет проследовал главный финансист фирмы с неким пакетом в руке. Выйдя оттуда, он шепнул Алле Константиновне, с которой, будучи ее одногодкой, давно поддерживал деловой интим, что шеф велел принести солидную сумму наличкой из черного нала.

Уже затемно, когда в офисе остались только Алла Константиновна, финансист, дежурные операторы за компьютерами (дежурство велось круглосуточно; хозяйство же какое?!) и охрана, довольные собой и друг другом однокашники вышли из кабинета. В этот вечер и ночь они повторили предыдущую программу — с привлечением Семена Гольцгейера.

♦ А на следующий день, опять же с полудни, начали развиваться в нарастающем темпе чудесные события, последствия которых почти год, до самых губернаторских выборов, будоражили город.

Еще с утра Андрей позвонил отцу на работу, в ОАО «Проминвест-КНС» и попросил, точнее, потребовал быть днем дома, дескать, заедет по важному делу. Действительно, в половине первого Андрей стремительно вошел в родительскую квартиру, не разуваясь, чего неукоснительно требовала от домашних и всех иных чистюля Вера Васильевна, раскрыл дипломат и выложил перед остолбеневшими родителями несколько пачек крупных купюр.

— Та-а-ак, дорогие родители. Здесь шестьдесят тысяч на баньку, сто — дачу от-

ремонттировать и мансарду надстроить, на сорок штук купить телевизор на дачу, новый — домой и по хозяйству, что прохудилось, заменить. А вот эту сотенку штук на текущие расходы.

Не слушая отца, все пытавшего что-то спросить (мать ошарашенно молчала), Андрей продолжал в том же темпе:

— Завтра же поедете к сеструхе в Северодвинск на месячишко, десять лет все плакались: внуков, мол, так и не увидим никогда! Огород свой посеяли? Вот и хорошо, Ленка будет ездить, присматривать, она любит в земле повозиться, сами знаете. Да, вот тебе чистый лист бумаги и паркер, кстати, возьми его себе, пиши заявление об увольнении из своего ка-эн-эса. Не возражай, через пару месяцев тебя снова туда примут; сами на дом просить придут... коли тебе еще инженерить не надоело.

— Да объясни толком: откуда такие деньжища, зачем увольняться? Ведь в Северодвинск съездить — можно отпуск без оплаты взять...

— Так надо. Деньги — откупное за Гиннесса. Надеюсь, не очень огорчишься?

У Сергея Антоновича голова шла кругом, он никак не мог взять в толк происходящее. Однако три вещи прямо-таки умаслили его: долгожданная встреча с внуками, дотоле не виденными воочию, решение вопроса с банькой, да еще впридачу с ремонтом и расширением дачи, избавление от позорного помещения в рекордную книгу. Однако, не всегда с налету душу человеческую поймешь: более всего обрадовало матерого инженера дарение паркера. Как человек, пишущий по вечерам и выходным-праздникам ученые трактаты, он любовно относился к основному инструменту этого труда. Но где было взять сто долларов на самый посредственный паркер?

Вера же Васильевна в мыслях уже тетешкала внучка и внучку, погодков, но, будучи женщиной, то есть человеком изначально подозрительным, поинтересовалась: почему такая спешка с Северодвинском?

Андрей ухмыльнулся, что-то похожее на смущение показалось на его разгоряченном лице:

— Вот не хотел говорить, думал сюрпризом... Да, ладно! Решили мы с Ленкой осенью оформить наши взаимоотношения, так сказать. Забеременела она, ходила на УЗИ: говорят, пока не точно, но вроде как двойня. Поэтому надо хате евроремонт задать, бригада недорогая попалась, а мы пока у вас поживем. Заодно и деньги ваши побережем; с собой ведь все пачки не потащите, ха-ха! Заодно и здесь по мелочи кой-чего в порядок приведем. Дверь стальную поставим — у вас у одних, да еще у алкашей со второго этажа, в подъезде только по-советски картонные остались.

У Веры Васильевны покатались по щекам слезу нежданной радости: свершилось!

— Ладно, давайте собирайтесь, много барахла с собой не берите, подарки в Москве купите. Вас моя Люська — она девка бойкая — до Москвы проводит, поможет купить и на поезд посадит. Завтра в семь утра машину — у приятеля одолжил с шофером — подам с Люськой. Сам тоже буду. До завтра!

И исчез, прихватив лист заявления об увольнении.

После стремительного ухода сына Сергей Антонович и Вера Васильевна с минуту молча смотрели то друг на друга, то переводя взгляды на обандероленные пачки кредиток. Супруга первая пришла в себя и стала вслух прикидывать: что с собой брать, какую одежду одевать? Там ведь север, холодно, наверное, еще. Может, и во все зима.

Сергей же Антонович, отойдя от первой радости, любовно вертя в руке новенький паркер с золотыми пером и металлическими частями, по-стариковски злорадно подумал, что ежели Андрюха, не глядя, треть миллиона отвалил, то сколько же он себе огреб? Он хорошо знал коммерческую натуру сына... Еще он вспомнил, что забыл даже спросить: а кто же это и за что платит такие деньги за отказ от рекордной книги? Однако, махнул рукой: «Весь мир перебесился, черт их сейчас разберет!»

Отчего на Руси всяк, выбившийся в люди, невероятно и очень скоро толстеет? Особенно это заметно в новейшие времена, когда в реальную, то есть воровскую, бандитскую, торговую, милицейскую и пр. власть поперли массы бывших (худощавых даже) советских граждан. Порой встретив, не видавши пару лет, бывших сослуживцев, ушедших в торговлю или в городскую администрацию, изумишься: морда некогда научного работника или инженера увеличилась в полтора раза! Очевидно, это относится к биологии. Так на заре жизни на Земле живность нещадно плодилась, разрастаясь до монстров-динозавров; планета наращивала первичную биомассу для последующих запасов угля, нефти и газа. Вот и нынешние монстры жрут за троих. Это, с другой стороны, и хорошо: запасы нефти и газа исчерпываются; в перспективе их надо возобновлять...

Уже после сборов и позднего ужина, за которым Вера Васильевна налила пару стопок из припрятанной бутылочки, сидя перед телевизором — не упустить прогноз погоды по северу Архангельской области, — Сергей Антонович, сведя воедино сообщение сына о грядущей двойне и кой-какие жизненные наблюдения, с удовлетворением выдвинул очередную гипотезу из сферы социальной биологии. Суть ее сводилась к следующему.

Природа живого бесконечно мудра. И социальная биология также в своих законах подчиняется природе, как, например, размножение, отбор видов по Дарвину и Ламарку и так далее. Так вот, в части рождаемости природа как бы заранее предугадывает грядущие изменения и катаклизмы общества. Это еще народная мудрость отмечает: когда число рождающихся мальчиков превышает число девок, то это к войне. Также в семьях, где имеется бацилла наследственной болезни, на протяжении нескольких поколений рождаются только мальчики; здесь вероятность передачи болезни в целом снижается.

Это все хорошо известно, но связать рождение двоен (равно как и троен...) с законами развития социума, то есть конкретно общества, смог только Сергей Антонович. Ведь какая ныне тенденция в отношении состава российского общества? Правильно, вся пресса, радио и телевидение с утра до вечера талдычат: создать сильный средний класс, создать благоприятные условия для формирования среднего класса... И так далее в том же духе.

Так мало того, что для создания этого самого класса почти что поощряется воровство, спекуляция, бандитизм, ограбловка миллионных групп населения! Мало того, что процент этого класса увеличивается созданием обратных условий для всех остальных людей — условий для скорейшего умирания! Здесь и сама природа, словно ей тоже дали приказ из МВФ* или иного подразделения тайного Мирового правительства, принялась помогать: по наблюдениям Сергея Антоновича в настоящее время наблюдается прямо-таки всплеск рождения двоен в тех семьях, доход которых на душу в месяц превышает пять-десять тысяч долларов.

Попутно Сергей Антонович сделал практический вывод из своей теории: значит, Андруха собирается в самое ближайшее время резко увеличить доход от своего бизнеса...

Счастливым новым открытием, Сергей Антонович уснул ближе к полночи, заведя наутро будильник. Вера же Васильевна аж до часу ночи болтала по межгороду с дочерью, не экономя дармовые деньги. Обычно же она звонила в Северодвинск не более пяти минут по дням рождения и основным праздникам. Да и то, жалеючи родителей, ее обычно опережала дочь. Сейчас же она упрасивала мать не тратить на подарки.

♦ В Северодвинске стариков встретили с восторгом. Поместительная — от советских времен — трехкомнатная квартира и дача с банькой, что привычно для поморского края — все это позволяло не тесниться, а старенький, но надежный автомобиль, что достался зятю от его родителей, и вовсе упрощал сообщение между квартирой и дачей на побережье. Сергей Антонович все выходные дни проводил с зятем на обильной в здешних местах рыбалке; на дачке даже коптильня была. А Вера Васильевна так занялась детьми, даже порой ревнуя их к дочери, как будто насовсем приехала. Погоды весь май и июнь стояли изумительные, а подоспевшее полярное лето с почти незаходящим светилом волновало гостей своей новизной, так что все мелкие неприятности нынешней жизни отходили на второй план. Да и народ здешний, севером воспитанный, был не нытиком, не жалобщиком, с врожденным оптимизмом. Именно в этих краях воплощался в наибольшей полноте национальный принцип выживания: что русскому хорошо, то немцу смерть. Правда, коренные поморцы говорили это наоборот и на местном языке: что немцу карачун, то русскому баско**.

Словом, май пролетел незамеченным в тихом и спокойном северном краю. Пора настала домой собираться, взяв слово у детей, что приедут в Т. в отпускной август, денег на дорогу дадут, но зять с дочерью огорчили: в ознаменование переизбрания полюбившегося народу молодого и энергичного президента решено было на Северном заводе спешно достроить и к Октябрю, самое позднее к Рождеству, спустить со стапелей стратегический подводный атомоход, почти построенный еще при Андропове, но затем замороженный. На заводе царил суеда, хорошие деньги за аккорд пошли, уйти в это лето-осень в отпуск означало многого лишиться. «Так что, уважаемые Вера Васильевна и Сергей Антонович, только следующим летом сможем вырваться», — резюмировал почтительный зять.

В конце мая месяца окрестные низины и болота покрылись разноцветьем: старожилы обещали невиданный урожай ягод и грибов. И косяки разной рыбы передвину-

* Международный валютный фонд.

** Красиво, хорошо (*поморск.*).

лись из горла Белого моря к архангельскому берегу. Страстный рыболов, он же грибник и ягожник, Сергей Антонович заволновался. Мысли его клонились к определенному. Вера же Васильевна только-только начала воспитывать внуков. Донимала мысль об оставленной даче, но, словно угадав мысли стариков, в своем очередном звонке Ленка обрадовала: на УЗИ уверенно определили двойню. Велели беречься, чаще прогуливаться на природе и спокойно вынашивать, поэтому Андрей покончил с ее карьерой продавщицы. Почти каждый день бывает на даче; все там цветет, все грядки в полном ажуре. (Кстати, Сергей Антонович, уже пораженный бациллой стариковской подозрительности, раза два подначивал супругу звонить на их квартиру в Т. Однако все было в порядке, трубку брала Ленка; Андрей где-то мотался по своим бизнес-делам.)

От сердца заботы отлегли, а дочь с зятем с полным восторгом приняли их предложение еще погостить. Тем более что трудовая горячка на судостроительном достигла апогея, Ирина с мужем приходили домой, как в войну, только поужинать поздно, а в семь утра уже уходили. Народ в Северодвинске ковал бабки, а тут и за детьми есть кому присмотреть! По телефонному разговору и Андрей одобрил.

Словом, только в самом конце июля стали собираться в дорогу. Шло великое воссоединение семей после лихолетья девяностых.

♦Отъезд приурочили к срочной командировке зятя Леонида на подмосковный завод-смежник. Иначе как бы сумели Сергей Антонович с супругой перетащить с Ярославского вокзала на Каланчевку — к Т-ой электричке — гору сумок с вареной, вяленой и копченой всячиной, что заготовили всем большим семейством за северное лето? Не потому так затарились, что жадность от обилия обуяла, вовсе нет. Во-первых, отказывать радушным северянам — грех, во-вторых, даже при нынешнем продуктовом изобилии (но не денежном...), где в среднерусском городе можно попотчевать на праздники гостей палтусом домашнего копчения, засахаренной морошкой, испечь большой, во весь противень, пирог с брусничным вареньем? Вера Васильевна взяла-таки слово, что на Новый год хоть Ирина с детьми на неделю-другую приедет (и втихомолку всучила ей десять купюр с видом города Ярославля — на дорогу).

Хотя в Т. сообщили, что скоро приезжают, но в общем, без конкретных дат, так как подгадывать нужно было к командировке зятя. Потому при выезде и не известили, сюрпризом решили явиться, а уже с Т-го вокзала позвонить Андрею, чтобы на машине за ними и багажом приехал (еще в июне, разговаривая по телефону, Ленка обмолвилась: дескать, Андрей наконец-то купил машину).

Выгрузив с помощью доброхотных спутников из электрички сумки и баулы, Сергей Антонович, оставив при них супругу, пошел к телефонному козырьку (мобильник внуку подарил). Однако случился конфуз: имея телефон дома и на работе, опять же мобильник в последнее время, Сергей Антонович и не знал, что теперь в автомат телефона надо всовывать не советские двушки, не демократические рублевки (почему-то до сих пор с гербом Временного правительства А. Ф. Керенского, то есть с «раздетым» царским орлом), а карточки. Пошел он вокруг да около вокзала искать, где эти карточки продаются. Нашел возле троллейбусной остановки, заспешил обратно. Пробираясь через оживленное место на углу вокзала, заставленному ларьками-палатками, с толпами, идущими туда-сюда, наткнулся на плотно стоявших зевак, сам посмотрел. В центре сидел на корточках нестарый мужик, видно знавший лучшие дни: мятая одежда некогда смотрелась щегольской; лицо хотя и неряшливое, бледное, с отросшими волосами, с небритой щетиной, но еще не потерявшее вид былой упитанности.

Бомж ел два пирожка с повидлом кряду, поочередно поднося к неряшливому слюнявому рту то правую, то левую руку. Зрители, улыбаясь и тихо перешептываясь,

ждали окончания трапезы. Какой-то верзила застил Сергею Антоновичу зрелище, а когда тот, растолкав вежливо зевак, пошел было к ближнему телефону, услышал поразившие его слова бродяги:

— Господа бизнесмены и прочие россияне! Задумайтесь о душе. Это я вам говорю, внесенный в книгу рекордов. Через меня высшие силы посылают вам свое благословение...

Далее бомж скривился лицом, заплакал, что-то несурзное понес, в высоко поднятой руке его Сергей Антонович увидел что-то похожее на почетную грамоту, оправленную в багет и прозрачный пластик. Что-то нехорошее накатило на Сергея Антоновича, а стоявший рядом мужик, тоже бомжеватого, вокзального типа, словоохотливо повел разговор, уловив прилично одетого пожилого мужчину в собеседники:

— ...А вот говорю, мил человек, ты, наверное, нездешний, а народ вот уже с месяц развлекается. Смех и грех! Тут этого бедолагу весь город знает, гремел до недавнего времени, Серегой Бультерьером его кликали. Магазинов, заводов, ресторанов немерено у него было. И депутатом значился, в институте нашем науку двигал, а вот попался на бабе!

— Как это на бабе,— очнулся от раздумья Сергей Антонович,— откуда вообще сам-то так подробно знаешь?

— Так ведь газеты все лето пропечатывали, народ говорит. Так вот, втюрился он в бабенку молодую, но хитрющую, как все они сейчас. Да и всегда они такие стервы были. Вот, скажем, моя пребывшая...

Поняв, что собеседник сам себе наступил на большую мозоль, Сергей Антонович потребовал кратко и толково рассказать суть, подкрепив просьбу двумя червонцами. Читаящий газеты бомж с интересом посмотрел на интеллигентного старика, мигом поумнел и эту самую суть изложил без комментариев и лирических отступлений.

По его словам выходило так, что Бультерьер оказался жертвой тщательно продуманной и блестяще осуществленной в стахановски короткий срок операции. Инициаторами были мелкий предприниматель, дальний родственник Сереги, и эта самая смазливая девка, которую папаша ее, сам крупный бизнесмен, почему-то ограничивал в деньгах, а она их очень и много хотела, чтобы уехать в Москву или за границу. Третьим они привлекли главного управляющего Бультерьера с нерусской фамилией, который тоже хотел хапнуть деньжищ и уехать в Нью-Йорк. План разыграли хитроумный. Подговорили отца этого мелкого предпринимателя, однофамильца Сереги Бультерьера (Сергей Антонович вскипел, но вовремя спохватился), инженера, которому десять лет не платили зарплату, выправить себе место в английской книге рекордов, а перед получением грамоты о внесении в книгу девка эта пройдошливая потребовала от Сереги, чтобы он вписался в рекордисты, иначе замуж за него не выйдет. Вот гоп-компания эта и наострила Серегу подменить того старого инженера, для чего инженер уволился со своего завода, а Бультерьер поступил на его место — иначе в книгу не запишут и жалованную грамоту не дадут. На место же Сереги временно записали инженера-однофамильца.

Затем Серега умчался со своей девкой в Лондон — получить грамоту и погулять по загранице, а все дела передал главному управляющему. И пока Бультерьер был в Лондоне, этот самый мелкий бизнесмен вместе с главным управляющим и папашей-инженером (здесь Сергей Антонович не выдержал и грубо выматерился; рассказчик отнес это к естественному возмущению честного человека) отлучили того с подкупленным нотариусом от всей движимости и недвижимости, заодно кинув и девку-компаньонку. А потом этот мелкий лавочник без перерыва и отдыха кинул и главному управляющего — натравил на него налоговиков по давнему делу, когда тот разбомбил свой же банк. Пришлось ему спешно и без денег отбыть на Брайтон Бич.

А Серега как узнал, так и двинулся умом. Подержали его с месяц в дурдоме, да и

выпустили; дескать, тихий и неизлечимый. Чего его держать? Говорят, что и наследственность к этому делу у него была (действительно, Сергей Антонович еще застал прадеда Бультерьера, известного городского юридического, контуженного на позициях империалистической).

— ...Так что теперь этот прохиндей всем Серегиным добром распоряжается. Однако, говорят, и совести в нем две капли осталось: Серегиным родителям (он сейчас у своих стариков перебивается) ежемесячно от фирмы что-то вроде пенсии выдает. А к Сереге — видишь, вот за его спиной амбал стоит? — персонального охранника приставил, чтобы не обидел кто, не заблудился, домой к вечеру отвести...

Сергей Антонович, не дослушав, вручил обалдевшему бомжу полтинничную бумажку, сгорбился и пошел на вокзальную площадь подряхать такси.

◆ Сергей Антонович до самых ноябрьских праздников не отвечал на звонки сына, запирали дверь, когда тот раз-другой пытался зайти к родителям. Андрей успел-таки самозвано, во время северной гостьбы, сделать в их квартире евроремонт, заменил старую рухлядь роскошными гарнитурами. Сергея Антоновича это угнетало. В день приезда он хотел разорвать деньги, но Вера Васильевна их спрятала (вместо прежней суммы она обнаружила целый миллион, причем большую часть в долларах). Однако спустя неделю по приезде позвонил его коллега по работе а ОАО «Проминвест-КНС», сказал, чтобы тот шел в бухгалтерию и получил всю задолженную сумму.

Хотя коллега и говорил сухо и опасно, как теперь с Сергеем Антоновичем разговаривали все знакомые и соседи по дому, но от имени коллектива поблагодарил его. История с падением империи Бультерьера наделала много шума в городе, и директор ка-эн-эса, опасаясь худшего по причастности к делу, еще в июне распорядился выплатить все задолженности, взяв кредит под залог здания.

Сергей Антонович расписался в ведомости за свои трудовые 61037 рублей 72 копейки и до середины осени переселился на дачу — строить баню, которую и торжественно пустил к 7 Ноября. В этот же день состоялась и свадьба Андрея с Ленкой, гордо носившей топорщащийся двойней живот.

За время дачного отсутствия супруга примирившаяся с сыном Вера Васильевна не мытьем так катаньем, особенно апеллируя к будущим двум новым внукам, уговорила Сергея Антоновича хоть символически поприсутствовать на торжестве, на которое собрались виднейшие предприниматели города и цвет губернского чиновничества.

Он пришел, ведомый супругой, сухо, не подавая руки, поздравил сына и невестку, пригубил рюмку и по-английски, не прощаясь, ушел, не дожидаясь второго тоста. Поехал опробовать баньку-услугу, построенную на выстраданные трудовые.

◆ Построив баньку, Сергей Антонович обнаружил остаток денег, потому до самого Нового года проводил косметический ремонт дачи; на мансарду, конечно, не хватило. Однако надо было думать о дальнейшем. И так он закрывал глаза: откуда (понятно откуда) супруга берет деньги на хозяйство. Но пришлось отложить до Крещения: как обещалась, приехала почти под бой курантов дочь с внуками. А в начале февраля и Ленка разродилась благополучно двумя мальчиками, по случаю чего Вера Васильевна почти переселилась в новенький загородный коттедж сына.

Сергей Антонович намылился было в ка-эн-эс, но под тяжестью кредита на выплату задолженной зарплаты тот рухнул. Минобороны снял с «Проминвеста» регламентную лицензию, поскольку всю ранее опекаемую технику продали арабам и индусам, поэтому директор с облегчением продал здание под оптовый склад кавказской мафии, возглавляемой уважаемым в городе предпринимателем Шахисмаилом Тарундаевичем.

Жалок вид низверженного «небожителя». Желая еще больше наказать зарвавшегося, его даже не ссылают на каторгу, что придало бы хоть какую значимость его былой деятельности. Его отсылают на дачу, как первого разрушителя Советского государства Хрущева. Истории было угодно поместить этого «волюнтариста и пробабилиста» (так его аттестовали в школьных учебниках после 1964 года) между гениальным Сталиным и недооцененным до сих пор Брежневым. Символично и неудивительно, что последним — перед снятием с постов — действием Хрущева было ходатайство о присвоении посмертно Звезды Героя агенту трех разведок (!?) Рихарду Зорге. Японцы тотчас дополнили его кладбищенский камень силуэтом Золотой Звезды... («Молодая гвардия», 2004, № 5—6).

Сергей Антонович было опечалился, но — не имей сто рублей (или долларов, как сейчас привычнее), а имей сто друзей. Сразу после Татьянина дня позвонил декан единственного сохранившегося в университете военно-технического факультета. Тот начинал свой трудовой путь инженером на «Красном кузнеце» в отделе Сергея Антоновича: выручай, мол, Антоныч, семестр через неделю начинается, а у меня по ракетной кафедре сразу два профессора восьмидесятилетних на четверть ставки ушли, устали. А молодые кадры защищают диссеры и уходят в торговлю. Так что давай ко мне, как лауреату, без вопросов доцентство с персональной надбавкой оформим, а через годик и профессора.

...Вот почему с девятого февраля Сергей Антонович поутру спешил в «пентагон», как с незапамятных времен называли корпус сталинской архитектуры, ранее — гордость вуза, рассадник военно-технической науки по всей стране, в чем-то даже по престижу превосходящий именитых своих конкурентов: Баумановское училище и ленинградский Военмех.

После потрясений минувшего года жизнь вновь стабилизировалась. Первую половину дня Сергей Антонович передавал свой богатейший опыт невнимательно слушающему юношеству с головами, набитыми условными баксами, затем прогуливался по ближнему кругу, а вечерами писал учебник по технологии ракетостроения, по издании которого ему обещали профессорство, хотя ученой степени он не имел. Субботу и воскресенье проводил на даче: сумел все же, кроме баньки-улады, и печку поставить; дачка стала зимней. Здесь Сергей Антонович сочинял бесконечный трактат по социальной биологии. В последнее время стал много времени уделять знаменитой теореме Гёделя о неполноте, лежащей в основе всех доказательств естествознания. В частности, с помощью этой теоремы доказал, что общая теория относительности есть абсурд...

Вера Васильевна только к вечеру возвращалась от внуков, но успевала и домашнее хозяйство вести. С сыном глава семьи формально примирился, но былую субботнюю душевность прекратил, да и Андрею теперь было недосуг: хозяйство-то ого-го!

Однако идиллия для Андрея Сергеевича (так его теперь в городе и в глаза, и за глаза называли) скоро закончилась; видно, над наследием Бультерьера тяготело проклятие. Не прошло и двух лет второго срока президентства всенародноизбранного, как Шахисмаил Тарундаевич объявил газават концерну Перельгина, пустив в ход пистолеты, автоматы, гранатометы и легкую полевую артиллерию. По всей стране шел третий великий передел собственности. Андрей собрал под свое крыло всех русскоязычных братков города, так что жители Т. горько шутили: в войну собрали Рабочий полк, а сейчас Андрей Перельгин батальон крутых сформировал!

Но не устоял Андрей перед кавказской солидарностью и натиском, подписал хотя и почетную, но — капитуляцию. Шахисмаил Тарундаевич великодушно оставил на прокорм поверженному противнику супермаркет на главной улице, сахарный и макаaronный заводы, сеть булочных и по мелочи: квартиру, коттедж, пару машин.

— Ты еще ма-аладой, Андрэй,— дружески поучал Шахисмаил,— успеешь еще нажать. Воля у вас, русских, слабая, дружбы между вами нет. Поэтому против Кавказа вам не устоять, царя и Сталина теперь у вас нет!

Забегая вперед, скажем, что и Шахисмаил Тарундаевич недолго удержался на Серегином прбклятом наследии: к очередным перевыборам президента Шахисмаила замели за рэкет в особо крупных размерах. А торгово-финансовая империя развалилась и разошлась по многим рукам.

◆ После наезда Шахисмаила Сергей Антонович подобрел к сыну: на Руси жалеют обиженных. Поскольку хозяйство Андрея резко уменьшилось, времени появилось больше, поэтому субботние посиделки возобновились. Начал Сергей Антонович появляться на квартире сына, в загородном коттедже — тетешкался с внуками. Издал учебник и получил должность профессора.

Андрей же, получив урок жизни и став отцом, успокоился и поумнел, стал даже склоняться к религии: вошел в долю по реставрации заброшенного храма на пролетарской окраине города.

В субботних беседах Сергей Антонович от души подтрунивал над частнособственническим инстинктом, дескать, кровавые мальчики в глазах не стоят? В свою очередь, Андрей иронизировал над партийной принадлежностью отца: от выборов к выборам авторитет компартии падал. Даже как-то специально принес газету, из которой зачитал цитату из «Народной монархии» Ивана Солоневича: *«Личный рядовой состав всякой партии — за немногими исключениями — подбирается из неудачников во всех остальных областях человеческой жизни».*

Сергей Антонович мрачнел. К очередным перевыборам президента Ленка снова родила двойню, блестяще подтвердив теорию почтенного профессора; действительно, конца капитализму пока не виделось.

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Николай Макаров

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

Н. А. Макаров — бывший военный врач Воздушно-десантных войск, участник Всесоюзного семинара молодых писателей в г. Юрмале в 1985 г.

Печатался в центральных, окружных и областных газетах, журналах «Крокодил», «Чаян», «Советский воин», «Знаменосец», в сборнике «Ока-89»; в 1995 году вышла первая книга Н. А. Макарова «Загадки природы» — книга афоризмов и миниатюр.

*Моим родителям,
всю жизнь посвятившим обучению
не только в сельской школе,
а и школе жизни.*

ПЧЕЛА

Алеша только что приехал в деревню к дедушке и бабушке, многое он еще не знает. Но не беда — все лето впереди: каждый день открывай и познавай неизвестное.

Большая муха залетела в дом и сильно жужжит.

— Дедушка, смотри, какая муха!

— Это не муха. Это — пчела.

Откуда Алеше знать о пчелах? Он ни разу их не видел.

— А она не кусается? Давай ее убьем.

— Нет, пчела не кусается. У нее есть жало — такая тоненькая маленькая иголочка на конце брюха. Этой иголочкой пчела жалит обидчиков, защищая свой дом.

— А зачем нужны пчелы?

— Пчелы целыми днями летают с цветка на цветок, собирают мед, а затем приносят его в улей. Это дом у них такой, где живет большая пчелиная семья. К осени они принесут много сладкого меда: и для себя, и для всех нас.

— Давай тогда мы ее потихонечку выпустим в форточку, пусть летит скорее собирать мед вместе с остальными пчелами.

КТО ЧИЩЕ

Прибежал Алеша к обеду с улицы. И сразу за стол. А бабушка говорит:

— Смотри, даже Белка умывается перед обедом.

Алеша оглянулся и увидел кота, который важно сидел перед блюдцем с молоком и неторопливо умывался лапой. Алеша встал из-за стола, подошел к умывальнику.

— Он без мыла моется, а я с мылом.

ДРУЗЬЯ

Вышли после обеда дедушка с Алешкой кур кормить. И кот Белка с ними.

Дедушка и внук бросают зерно и кричат:

— Цып, цып, цып!

А кот ложится рядом с лавочкой и мурлычет на солнышке.

Куры бегут со всех сторон. Впереди большой красивый петух.

— Ко-ко-ко!

Это он помогает дедушке и Алеше кур созывать.

Дедушка бросает зерно подальше от лавочки. Алеша далеко не бросает — не хватает у него еще сил. И все его зерна падают рядом с уснувшим котом Белкой. А несколько зерен попадают прямо на него.

Поклевали куры дедушкино зерно, поклевали Алешины и стали расходиться. А зоркий петух еще увидел зерна и давай их склевывать прямо со спящего кота. Но Белка и ухом не ведет.

— Дедушка, дедушка! — испугался Алеша. — Петух Белку склюет!

Улыбается дедушка.

— Они — друзья. А друзья не обижают друг друга.

ДЕДУШКИН ТАБАК

Гуляет Алеша с бабушкой по лугу и вдруг видит: разбросаны по траве маленькие белые шарики.

— Бабушка, курочки до гнезда яички не донесли, потеряли по дороге.

— Разве это яички?

Бабушка наклоняется и срывает белый шарик.

— Это гриб такой, дождевик. Еще «дедушкин табак» зовут его.

— Почему?

Когда гриб созреет, он превращается в коричневый шарик. И, если наступить на него, то вылетит небольшое коричневое облачко. Семена, значит.

— Бабушка, давай соберем этих грибов побольше. Пусть они дома созревают. И дедушке табак будет.

— Этот табак не курят. Да, и дедушка бросил курить, трубку носит по старой привычке.

Алеша берет бабушку за руку:

— А я по новой привычке совсем никогда не буду курить.

ПО ГРИБЫ

Пошли раз дедушка, Алеша и кот Белка на луг по грибы. Собирать опять. В лесу опять растут около березовых пней — ножка у них плотная, шляпка толстая. А на лугу — опять луговые, на тоненьких ножках. Собирай — не ленись, вон их сколько разбросано в траве.

Дедушка большой, у него и корзина большая. А у Алеши с котом Белкой на двоих одна маленькая корзина. Дедушка издали видит, где много грибов, и быстро наполняет свою корзину, Алеша маленький, не поймет, как в траве прячутся хитрые опята. Найдет один гриб, второй и все, нужно переходить на другое место. А там грибов как раз и нет. Где их искать?

— Мяу, мяу! — кот Белка подбегает к Алеше.— Мяу, мяу!

Белка приглашает за собой. Алеша идет за ним. Глядь, а рядом с котом целая куча грибов, так и набрали они вдвоем корзинку: Белка искал грибы, Алеша собирал их.

РЫБАЛКА

Сидит дедушка на берегу речки, раскинул удочки, ловит рыбу. Рядом с ним Алеша, у него одна маленькая удочка. Он тоже рыбу ловит. А на берегу небольшого ручья, который впадает в речку, сидит Белка. Он с интересом рассматривает, как мимо него в воде туда-сюда снуют рыбешки.

Вдруг Белка хват лапой по воде и подцепил своими когтями зазевавшуюся плотвичку. Дедушка вытащил удочку из воды, а на крючке у него большущий лещ.

Только Алеша никак не может поймать рыбку.

— Пойду в ручей ловить,— говорит он дедушке.

На новом месте у Алеши дело пошло: то к ручью наклонится, то к ведерку... А здесь и бабушка за ними пришла. На ужин зовет.

— Хвалитесь, рыбаки! — говорит она.— На всех наловили?

— Наловили! — кричит Алеша.— Дедушка для всех наловил. Кот Белка — для себя и соседского Шарика. А я,— он показывает свое ведерко бабушке,— наловил для кур пиявок. Они как червячки, куры склюют их.

Вот какой улов у них оказался — на всех хватило, всем досталось.

КТО ХРАБРЕЕ

Играет Алеша на улице в песке. А мимо собака большая бежит. Останавливается и смотрит. Увидел Алеша собаку и не знает, что ему делать.

То ли бежать к бабушке на огород. А вдруг собака догонит и покусает? То ли заплакать. А как прогнать такую страшную собаку, неизвестно!

Тут с тополя как свалится что-то белое прямо перед собакой, как зашипит! Собака испугалась и убежала.

Алеша стал всем рассказывать, какой у него храбрый кот Белка, даже собаки не испугался.

КОЛЮЧЕЕ СОСЕДСТВО

Принес однажды Алеша блюдце с молоком Белке, в сад поставил под вишню и зовет его:

— Кис, кис, кис!

Но Белки нет нигде. Наверное по делам куда-то ушел. Сел тогда Алеша на лавочку и стал ждать своего друга. А чтобы не проводить время зря, начал смотреть, как снуют по стволу вишни муравьи: вверх-вниз, вверх-вниз. И слышит: кто-то к блюдцу подходит, кот Белка — кто же еще!

Повернулся Алеша, глядит и глазам не верит. Вместо Белки какой-то незнакомый зверек молоко лакает. Круглый как мячик и весь в иголках.

— Ежик!

Только Алеша хотел ежа поторопить, как Белка откуда ни возьмись появился и тоже к блюдцу подходит. Пофыркали они с ежом, да и принялись вместе лакать молоко.

С тех пор Алеша каждый день приносит в сад под вишню блюдце с молоком для ежа и Белки.

ВСТРЕЧА СТАДА

Вечером вдоль сельской улицы движется стадо: бляение овец и коз, протяжное мычание коров и телят заглушают все другие звуки. Впереди бегут, почуяв свой дом, овцы и козы, за ними, степенно вышагивая, коровы со своими телятами. Ребятишки, женщины высыпали на улицу, протягивая руку с коркой хлеба, посыпанной солью.

— Бабушка, а как они находят свой дом? И почему не подходят к другим за хлебом?

— Во-первых, они знают, где живут, знают голос своего хозяина, да и каждый хозяин знает своих коров и овец. Во-вторых, коровы никогда не забредут к другим во двор. А овцы иногда — особенно молодые — могут убежать и к соседу. Тогда не ленись, ходи, ищи заблудившихся.

— А если соседи не отдадут?

Такого никогда не было и не будет. Ни нам, ни соседям чужого не нужно.

— Значит наши не потеряются?

— Сейчас подойдут,— говорит бабушка, вглядываясь в приближающееся стадо.— На тебе кусок хлеба.

Алеша прячет руки за спину.

— Они кусаются, наверное.

— Что ты? Смотри!

И из огромного стада к бабушке подбегают три больших овцы и пять маленьких овец. А теперь будет встречать. И он чувствует, как ягнята теплыми душистыми губами подбирают с его ладони до последней крошки такой вкусный хлеб с солью.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Играли Алеша и Белка в прятки. Алеша спрячется, кот его ищет. Как найдет, сразу мяукает. Белка спрячется — Алеша ищет, как найдет, радостно кричит:

— Нашел! Нашел! Тебе водить.

Спрятался Алеша в очередной раз за угол сарая. Но кот почему-то замаякал из кустов сирени.

«Кого он там нашел?» — подумал Алеша и побежал к своему другу, смело вошел в густые заросли сирени. А что ему бояться?

Алеша зашел в самую чащу и под ногами увидел кота Белку, а рядом... Рядом, прямо на земле, лежало много-много куриных яиц.

Алеша не стал их трогать, пошел и рассказал бабушке.

— Какие вы у меня молодцы,— ответила она. Это Пеструшка хочет стать наседкой. Ишь, где собралась цыплят выводить.

Стали бабушка и Алеша осторожно переносить пеструшкины яйца в сарай, в большую корзину с мягкой подстилкой. А дедушка поймал и посадил Пеструшку в эту корзину.

Сиди теперь, Пеструшка, не на земле, а в теплой корзине, быстрее порадуй Алешу своими маленькими желтенькими цыплятами.

НОВЫЙ ТРАКТОР

Несет Алеша три пустых консервных банки, ржавый гвоздь, дырявую кастрюлю, другие старые железяки. И складывает их около сарая в кучу.

Куча все растет и растет, уже Алеше до колен доходит.

— Зачем тебе эти железки? — спрашивают соседские ребяташки.

— Это не железки! — важно отвечает Алеша. У дяди Пети трактор на ремонте. Вот я ему и хочу металлолома на новый трактор собрать, чтобы он никогда не ломался. Давайте вместе собирать.

ПОЛЕЗНАЯ ЛЯГУШКА

Идут Алеша, дедушка и Белка в сад за клубникой.

Алеша наклоняется за спелой ягодой, тут на него и прыгает зеленая лягушка. Он как закричит с испуга, как схватит палку и уже замахивается, чтобы ударить лягушку. А дедушка и говорит.

— Такой большой, а лягушки испугался. Да и что она тебе плохого сделала?

— Хотела меня укусить...

— Лягушки не собаки. Они не кусаются. Наоборот, только пользу приносят, уничтожая всяческих вредных насекомых.

ВАСИЛЬКИ

Недалеко от дома раскинулось большое поле ржи. Когда появились колоски, Алеша уже не знал, что из зернышек получают муку. А из этой муки выпекают черный хлеб — еду богатырей.

Еще на этом поле, по самым его краям выросли удивительные цветы с голубыми лепестками — васильки.

Алеша пошел к полю и нарвал букетик этих цветов. Много он не стал рвать — зачем ему много? Природу надо беречь, а маленький букетик очень нужен Алеше, поэтому сорванные цветы на него не сердись.

— Тебе, бабушка, принес, — сказал Алеша, вернувшись домой, — не обязательно дарить цветы только на 8 Марта и день рождения.

РАЗГОВОР ЗА ЕДОЙ

Сел Алеша обедать. Взял ложку, подвинул тарелку с супом и стал рассказывать дедушке и бабушке, как играл на улице с Белкой. Поднесет ложку ко рту и, вместо того чтобы проглотить суп, то смеяться начнет, то руками размахивать.

Дедушка ест молча. Бабушка — тоже. А Белка и подавно в полном молчании лакает свое молоко. Глядь, у всех тарелки пустые, а в Алешиной — и половина супа не съедена. И сам суп стал остыл, невкусный. Как такой есть?

— Вот, — сказал дедушка, — пока ты разговаривал, обед и закончился.

— Бабушка, разогрей, пожалуйста, мой суп, — Алеша посмотрел на Белку. — Я больше не буду разговаривать за едой.

ЧУТЬ НЕ ОБГОРЕЛ

Не успел Алеша приехать в деревню, как тут же скинул рубашку и брюки, сандалии и носки, снял даже майку. И остался в одних трусах. А на улице — жара, солнце припекает. Деревенские ребяташки, как шоколадное масло — коричневые. Им солнце нипочем.

А Алеша белый-белый, как мороженое, солнце так и щиплет его, то за спину, то за плечи.

— Я тоже буду такой же загорелый.

— Нет, Алеша,— предостерегает его бабушка,— сегодня ты всего полчаса побегай на солнце и затем надень рубашку.

— Я хочу за сегодня загореть!

— Ты только сожжешь кожу,— объясняет бабушка.— За один день ты обгоришь и будешь долго-долго болеть.

— Я так за все лето не загорю,— недоволен Алеша.

— Загоришь,— успокаивает его бабушка,— сегодня — полчаса, завтра — час. Так постепенно станешь похож на наших ребятишек. Только не надо торопиться, летнее солнце не любит нетерпеливых, сразу накажет.

РОДНИК

— Алеша, пошли в лес лечить родник.

— Он что? Заболел? — спрашивает Алеша у дедушки.

— Еще как.

Взяли они по лопате: дедушка большую, Алеша маленькую. Дедушка, кроме того, захватил топор и острый нож.

— А чем он заболел?

— Скоро увидишь, чем болеют родники.

И правда: за следующим поворотом дороги из-под большого камня выползала тоненькая струйка воды, выползала и почти терялась в песке, который окружал камень со всех сторон.

— Дедушка, а когда заболел родник?

— Видишь, вокруг него одни пни торчат? Это браконьеры спилили деревья. Браконьеров, конечно, наказали, но роднику от этого не легче. Деревья-то не давали песку окружить родник.

— Значит, у родника песчаная болезнь?

— Пусть у будет по-твоему,— улыбнулся дедушка.— Начнем лечить?

И принялись они лопатами отгрести песок от камня. Чем больше отбрасывали песок, чем больше они делали яму, тем смелее, веселее журчала из-под камня холодная вода.

— Дедушка, смотри — вылечился!

— Нет, Алеша, еще не все.

— Давай лечить дальше.

— Теперь только осенью мы посадим вместо спиленных деревьев сосны и ели. Тогда весной родник выздоровеет совсем и долго-долго будет поить прохожих студенной водой.

— Если,— добавляет Алеша,— его больше не заставят болеть.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ ДЛЯ ОВЕЦ

Корова дают молоко. На лошадях катаются. Куры несут яйца. А овцы зачем? Какая от них польза?

Недоумевает Алеша.

— Скоро увидишь,— обещает ему бабушка.

Через неделю пастись на луга ушли коровы. В хлевах раздавалось только бляение.

— Почему не выпустили овец в стадо?

— Сегодня будем их стричь!

— В парикмахерскую овец поведем?

— Сами справимся, три овцы всего.

Бабушка достала огромные ножницы (они так и называются — овечьи) и показывает, как будет стричь овец.

— А как же колхозное стадо — оно такое большое? Ножницами-то устанешь всех стричь?

— В колхозном стаде овец стригут электрическими машинками, как в настоящей парикмахерской. Только машинки больше обычных.

— А стригут их налысо или оставляют чубчик?

— Состригают всю шерсть. У коз и овец не волосы, а шерсть.

— Им не холодно будет ходить голыми?

— Нет, к зиме у них опять отрастет густая теплая шерсть. А из этой шерсти знаешь, что получится?

— Знаю, — говорит Алеша, — из этой шерсти ты связала и прислала мне в прошлом году шерстяные носки и варежки. Так было в них тепло зимой.

НА ЛОШАДИ

Алеша смотрит, как дедушка запрягает лошадь. Ему все интересно, ни разу он не видел подобное.

— А откуда лошадь знает, куда ей ехать?

— От телеги впереди идут две толстые палки — это оглобли. Между ними становится лошадь, — поясняет дедушка.

— И к ним лошадь привязана какими-то веревками и ремешками, — Алеша подходит ближе к телеге, — А сверху дуга как радуга, только не разноцветная.

— Правильно, дуга деревянная, — продолжает объяснять дедушка. — На шее у лошади хомут, а ремешки все вместе называются сбруей.

— А этот длинный ремень? Алеша удобней усаживается на телеге и берет ремень в руки.

— Это вожжи. — дедушка пристегивает концы вожжей к сбруе с обеих сторон. Ими управляют лошадью. Потянул за правую сторону — лошадь повернет направо, потянул за левую — налево.

— А если потянуть за обе стороны сразу? — Алеша пытается сильно натянуть вожжи. — Лошадь вперед пойдет?

— Нет, тогда остановится.

Дедушка садится рядом с Алешей, размахивается кнутом и, взяв у него вожжи, слегка хлопает ими по бокам лошади.

— Н-о-о-о! Поехали!

— Дедушка, а лошади не больно, когда ее бьют кнутом?

— Больно, но ты же видел, что я только замахнулся. —

Дедушка еще раз размахнулся кнутом, щелкнул, и лошадь весело побежала по проселочной дороге.

ВЕРХОМ

Алеша смотрит картинки в сказке «О попе и работнике его Балде».

— Дедушка, ты сможешь, как Балда «проскакать версту»?

— Конечно.

— Трудно, наверное? — Алеша вздыхает. — У меня так не получится.

— Подождем вечера. Покажу тебе, как Балда обогнал чертенка.

Вечером дедушка повел Алешу на конюшню, где собирались все колхозные лошади после дневной работы.

— А теперь у них ужин?
— Нет,— поясняет дедушка,— сейчас они побегут на луг пастись — в ночное.
— Давай поедем вместе с ним?
— Мы только поможем конюху дяде Пете отогнать их на луг.
Дедушка подходит к одной лошади. Кладет ей на спину седло, одевает сбрую и... подняв Алешу, он ойкнуть не успел — сажает его в седло.
— Дедушка, боюсь, боюсь! — закричал Алеша.— Упаду!
Лошадь повернула голову и укоризненно посмотрела на него. «Не бойся, мол, не упадешь, дедушка рядом, да, и сама понимаю, какой седок на мне».
— Не за гриву держись, а за поводок от уздечки. И ноги опусти, как на картинке у Балды!
Алеша успокоился: лошадь стоит смирно, дедушка рядом — чего ему бояться?
— Теперь командуй лошадью.
— Верхом рулить как на телеге?
— Конечно!
Алеша осторожно дернул поводья и, с замиранием сердца, скомандовал:
— Но! Поехали!...

ЛОШАДИНАЯ СИЛА

— КА, пять-ноль-ноль,— читает Алеша на оранжевом боку огромного трактора.
— КА-пятьсот,— поправляет его тракторист.— Пятьсот лошадиных сил.
— А пятьсот — это много или мало?
— Как тебе сказать? — тракторист сдвигает кепку на затылок.— Если сравнить с ракетой, то, конечно, мало. А если сравнить с лошадьёю много.
— Да, выдумали,— Алеша недоверчиво поглядывает на тракториста.— Разве живую лошадь сравнить с трактором можно?
— Можно! — улыбается тракторист,— раньше землю пахали на лошадях. Впряжет крестьянин лошадь в соху и с утра до позднего вечера работает.
— Так разве много напашешь?
— Правильно, лошадьёю землю не вспашешь,— продолжает тракторист.— Но на смену лошади пришел трактор. Не такой богатырь, как этот, а совсем небольшой на железных колесах. Он и за один день вспахивал земли намного больше, чем лошадь. Кроме того, трактор мог пахать и ночью — включил фары и паши.
— Здорово получается! — воскликнул Алеша.— Выходит наш трактор будет пахать за ПЯТЬСОТ лошадей!

ПОЛИВАЛИ ОГОРОД

— Дедушка, зачем сегодня поливать огород? Вчера только шел дождь,— спрашивает Алеша вечером, когда бабушка доставала лейки.
Нет, Алеша не отказывался поливать огород. Он даже был рад, когда босиком весело шлепал по тропинке, обливая ноги из лейки. Но, правда, зачем поливать огород каждый день? Вон дедушка даже рано утром что-то поливает, когда Алеша спит. Лучше плескаться в теплом ручье, пуская бумажные кораблики.
— Мы каждый день едим. И не один раз,— объясняет дедушка. А на огороде: горох, морковь, репа, клубника, редиска только набирают силу. Сейчас их надо чаще поить водой, чтобы они выросли большими и вкусными.
— А давай,— предлагает Алеша,— покормим их еще удобрениями.
— Это делают ранней весной или зимой.— Дедушка налил в большую лейку воду из ведра.— Сейчас только, знай, поливай, не ленись.

— И жди хороший урожай.— Алеша побежал в ручей за новой порцией воды. А с корабликами в ручье он поиграет и завтра днем, когда поливать огород нельзя из-за жаркого солнца.

НАВОЗНАЯ КУЧА

— Пошли червей копать! — приглашает Алеша своего ровесника Эдика.— Мы с дедушкой только на навозных рыбу ловим. И еще на выползков, которые после дождя выползают из земли на солнце греться.

— Да-а-а! — тянет Эдик, который тоже приехал погостить из города у своих бабушки и дедушки.— Я не буду в такой гадости копать.

— В какой гадости? — возмущается Алеша.— Ты знаешь, как хорошо на навозные черви клюет рыба?!

— Измажемся мы.

— В речке искупаемся и опять будем чистыми,— продолжает уговаривать Алеша.

— И у навозной кучи воняет.— никак не хочет идти Эдик копать навозных червей.— Кому только нужен этот навоз?

— Кому нужен? — переспрашивает Алеша.— Растениям всяким. Навоз, как говорит дедушка, хоть и пахнет не совсем хорошо, но зато является лучшим удобрением для растений. Вон какая картошка выросла у нас на огороде после того, как разбросали там навоз!

КНИГА

Второй день идет дождь. Куда ни глянь — всюду тучи. Куры не выходят из сарая, кот Белка все время лежит на печке — тепло ему там. Алеша смотрит книжки. Бабушка рядом вяжет Алеше шерстяные носки.

Посмотрит Алеша картинки в одной книге, берет другую. Целая куча книжек перед ним: у какой лист согнулся, какая вот-вот порвется.

— Алеша,— спрашивает бабушка,— как ты думаешь, больно книге, когда ее дергают за листы или когда даже отрывают их?

Алеша молчит. Затем берет книги и начинает аккуратно складывать их стопкой, расправляя согнутые листы.

— Конечно, больно!

Он поднимает очередную книгу, а у той — оторванный лист.

— А эта книга плачет, наверное.

Алеша приставляет с разных сторон оторванный лист.

Но, приставляй, не приставляй — разве лист будет держаться?

— Надо лечить книгу,— говорит бабушка, неси клей.

Алеша приносит клей, кисточку, чистую бумагу, и вместе с бабушкой они приклеивают вырванный лист. Теперь в книге опять все листы, можно снова смотреть картинки и читать сказки.

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

Алеша уже знает, что бензин, керосин и солярка получаются из нефти. На бензине различных марок работают легковые автомобили и некоторые грузовые, на солярке или дизельном топливе работают трактора и комбайны, КАМАЗы и КРАЗы.

— А на керосине какие машины и механизмы работают?

— Керосин поднимает в небо самолеты,— поясняет Алеше дедушка.— А еще керосин горит в лампах.

— А в каких лампах?
— В керосиновых.
— И для чего такие лампы нужны?
— Они светят.
— Как свечка? — удивляется Алеша.— А зачем лампу зажигать, когда можно шелкнуть выключателем на стене?
— Когда не было электричества, были керосиновые лампы.
Алеша недоверчиво качает головой. Не может быть такого, чтобы не было электрического света. Как же могли раньше жить без электричества: ни холодильник включить, ни телевизор посмотреть, ни магнитофон послушать, ни постирать в стиральной машине.
— Были такие времена,— дедушка задумывается,— что и лампу считали великим изобретением. Ведь до лампы свет давали только свечи, а еще раньше — лучины. А ты говоришь «зачем лампы нужны».
Ведет дедушка Алешу в сарай смотреть старую, но еще работающую керосиновую лампу, которая освещала дом, когда дедушка был молодым.
— На волшебную лампу Алладина похожа! — вспоминает Алеша.— Может, ее в музей сдадим? Нет, лучше она у нас будет, а вдруг пригодится?

ПРОКИСШЕЕ МОЛОКО

— Бабушка! — заявляет как-то Алеша, отодвигая от себя кружку: — Вылей это молоко. Оно прокислое.
— Во-первых, не прокислое, а прокисшее, а, во-вторых,— поясняет она,— завтра из этого молока получится простокваша.
— Как кефир, что ли?...— Алеша заинтересован.— А если простокваша тоже прокиснет: что получится?
— Простокваша не прокиснет. Постоит еще день в бидоне, а затем ее...
— Выбрасывают?
— Нет. Затем ее вываливают в марлю, делают мешочек, и этот мешочек подвешивают на гвоздь. И вода, которая называется (помнишь скороговорку) сывороткой из-под простокваши, вытекает через марлю. А остается в мешочке творог, который ты так любишь.
— Вот здорово! А я думал, что творог только на больших творожных заводах получается.

СЛИВКИ

Бабушка осторожно собирает ложкой верхний слой молока в глиняных кувшинах-махотках и выливает их в отдельную банку.
— Это я снимаю с молока сливки, поясняет она Алеше.— Соберу побольше сливок, загустеют они в холодильнике, и получится сметана.
— Как из молока — простокваша?
— Не совсем так, но похоже.
— Из сметаны тоже можно что-нибудь получить, как из простокваши — творог?
— Конечно. Сметану наливают в большой кувшин и начинают его трясти. И жир, который находится в сметане собирается в шарики — в маленькие, потом в большие и, наконец, получается сливочное масло.
— Ух, ты! Сколько можно из простого молока получить у бабушки молочных продуктов.

РОГАТКА

Алеша смастерил себе рогатку. Хорошая у него получилась рогатка. Стреляй, не хочу.

Алеша выбрал маленький камешек, натянул резинку и... Куда бы выстрелить? Просто так стрелять — неинтересно. В мишень нужно стрелять!

Алеша прицелился в окно: попадет или не попадет в середину деревянной рамы?

Нет, опустил он рогатку, а если промахнется и попадет в стекло?

Алеша прицелился в кота Белку, который грелся на солнцепеке.

— Нет, в друзей не стреляют!

Алеша прицелился в ласточек, весело щебечущих на проводах.

— Нет, как же птенчики маленькие останутся в гнезде без своих родителей.

Алеша прицелился в дверь, но дверь открылась и из дома вышла Олечка.

— Нет, нет, нет! Человек! А в человека только фашисты стреляют!

Не нужна Алеше такая рогатка, ни в кого он стрелять не будет.

ЗЕЛЕННЫЕ ЩИ

— Алеша,— спрашивает бабушка,— ты знаешь, из чего варят щи?

— Из капусты! Каждый знает!

— А еще из чего?

— Добавляют в щи картошку, лук, морковь...

— Нет, чем в щах можно заменить капусту?

— Заменить капусту? — переспрашивает Алеша.— не знаю. Наверное, морской капустой?

— А ты попробуй сейчас и скажи, из чего приготовлены эти щи? — и она наливает ему полную тарелку щей.

Алеша подул в ложку — горячо. И щи какие-то зеленые, и капусты в самом деле нет. А щи-то есть! Вот, они, щи — какие вкусные.

— Узнал, из чего щи сделаны? — бабушка присаживается рядом.— Утром с тобой щавель собирали, помнишь, кислые такие листочки.

ТЕЛЕВИЗОР

Что делать в воскресенье, если целый день идет дождь?

Поиграть с котом Белкой, поиграть в игрушки. А еще?

— Конечно, смотреть телевизор,— заявляет Алеша.

— Весь день смотреть? — удивляется дедушка.— Подряд все передачи?

— А почему нет? — в свою очередь удивляется Алеша.— Показывают же интересные передачи: мультики, «В гостях у сказки», «Спокойной ночи, малыши», другие передачи.

— Какие другие?

— Футбол показывают, хоккей, кино разное — много всего.

— И все их нужно смотреть?

— Обязательно...

— Дождь на улице, и заняться нечем,— сокрушается Алеша,— остается только телевизор.

— Конечно, детские передачи нужно смотреть. Их специально и показывают для детей,— дедушка достает шахматы.— Но, у тебя вон сколько книжек, сколько открыток. Да, и в шахматы пора учиться играть. А телевизор включим, когда начнутся твои мультики.

ОРДЕН

Алеша со своей младшей двоюродной сестрой Олей смотрит открытки, на которых нарисованы ордена и медали.

— Первый — орден Ленина!

— Другой знаю: с Авророй который, — добавляет Оля.

— Октябрьская революция, — поясняет Алеша.

— Следующий — видишь сверху Красное Знамя? — так и называется — орден Красного Знамени.

— Да, красивый орден.

— И у нашего дедушки такой есть! — гордо заявляет Алеша.

— А где он его купил?

— Как купил? — возмущается Алеша, забирает у сестры открытку с орденом Красного Знамени. — Дедушку этим орденом наградили в сорок первом году, когда началась война с фашистами. Он тогда был моложе моего папы, только школу успел закончить, как началась война.

— Ты откуда все знаешь?

— Мне бабушка рассказывала и даже показывала дедушкин орден, — говорит Алеша. — И пошел дедушка на войну. А фашистов было много-много, видимо-невидимо. И самолеты, и пушки, и танки — знаешь сколько?

— Это которое ты рисуешь? — перебивает его сестра. — Где горят танки с крестами?

— Да! — Алеша хочет рассказать и дальше о своих рисунках, но смотрит на открытку и продолжает. — Когда танки стали приближаться к Москве, дедушка с гранатами бросился под главный фашистский танк и взорвал его.

— И сам взорвался?

Алеша смотрит с удивлением на сестру: вот, мол, не понимает. дедушка сейчас ведь живой, в шахматы в саду играет.

— Нет, дедушка взорвался не совсем. Его ранило и контузило немного. И он три дня и три ночи пролежал в снегу.

— И не замерз? — удивляется девочка.

— Он разведчиком был — как мог замерзнуть?

— А куда танки фашистские поехали потом?

— Как же, поехали? — снисходительно смотрит Алеша на младшую сестру. — С тех пор фашисты только драпали от нас. До самого Дня Победы драпали. Вот, и орден есть такой — орден Победы. И он показывает Оле очередную открытку с изображением ордена.

НЕ ПУСТИЛИ В ОГОРОД

Вывелись у Пеструшки цыплята. Много-премного желтых комочков. Никак не сосчитает их Алеша. Пальцев не хватает на руках.

— А как же она их считает? — спрашивает Алеша у дедушки.

— Зачем ей считать? Наседка кудахчет, а цыплята бегут за ней. Видишь, все пошли на луг.

Алеша с Белкой тоже направились на луг. Смотреть, как цыплята бегают по траве. А трава высокая, почти скрывает цыплят. Пеструшка важно расхаживает по траве. Но и ей плохо видно цыплят. Поэтому она направляется к огороду. Где земля мягче и где больше всяких червячков-козявок, где бабушка посадила и горох, и клубнику, и много-много других вкусных и полезных растений.

Цыплята пролезли через ограду. Между прутьями дырочки маленькие — Пест-

рушке не пролезть, а цыплята быстро прошмыгнули в огород и стали лапками разгребать землю на грядках, червячков искать.

— А вдруг семена, которые мы с бабушкой посадили, тоже выгребут? — подумал Алеша и стал звать цыплят с огорода.

— Цып, цып, цып!

Не слушают цыплята Алешу. Нравится им на огороде. И Пеструшка собралась перелететь туда через ограду. А у нее вон какие большие лапы, сразу все грядки разрушит.

— Белка, выручай! — крикнул Алеша.

Кот ловко перемахнул через ограду и стал пугать цыплят. Нарочно, конечно. Ничего плохого он им не хотел сделать. Цыплята запищали, забегали взад-вперед. А Пеструшка видит такое дело, как закудахчет. Цыплята услышали ее голос и разом перелезли между прутиками к ней. Не успели разрушить грядки на огороде.

СЕНО

Алешин дедушка сидит на лавочке и большим брусом точит косу.

— Разве не комбайны косят траву? — Алеша примостился рядом и смотрит как дедушка быстро-быстро водит брусом по острому краю косы: вжик-вжик...

— Обычно на лугах и полях косят сенокосилки, — дедушка пробует ногтем большого пальца, остро ли наточена коса. — Но есть места, где машина не пройти, или застрянет, или забуксует, или перевернется.

— А зачем в таких непроезжих местах эту траву посадили?

Алеша не знает, что в лесу, на болотах, в оврагах, на пригорках, да и вообще на лугу траву не сажают и не сеют, а она вырастет сама, как деревья и кусты в лесу. И обычно в таких, труднодоступных для техники местах, травы рождаются сочные, высокие, густые. Поэтому во время сенокоса все деревенские жители, в том числе и пенсионеры, как Алешин дедушка, точат свои косы и выходят помогать машинам косить траву.

— Дедушка, возьми меня с собой косить траву.

— Ты еще будешь крепко спать, когда мы пойдем косить траву, — поясняет дедушка. — Пока лежит на траве роса мы будем косить траву. А подогреет солнышко, тогда с бабушкой принесете мне завтрак и ты побегаешь босиком по скошенной траве...

— А как получается сено?

— Сено получается просто: скошенная трава высохнет на солнце и на ветру, соберут ее в копны и стога — вот и готово сено. Корм для разных животных на зиму.

СОЛОМА

Алеша знает как получается сено. Но вот где растет солома? Оказывается, что и солома получается довольно просто — из стеблей различных зерновых культур.

— Из каких-каких культур?

— Во время жатвы комбайны косят пшеницу, рожь, овес, ячмень, гречиху...

— И внутри комбайна, — добавляет Алеша, — зерно освобождается из своих домиков, где оно созревало.

— Правильно, зерно обмолачивается в комбайне и собирается в большой бак — бункер.

— А оттуда, — опять добавляет Алеша, — зерно по длинной трубе с рукавом высыпается в машины.

— Но после обмолота остается и солома — стебли растений. Солома тоже соби-

рается, сжимается в большие тюки внутри комбайна и затем вываливается прямо на поле.

— Тогда я видел, как эти тюки подбирал своими вилами «Беларусь» и складывал их в большой стог.

— Зимой из этих стогов берут солому для колхозных животных: часть на корм, часть на подстилку. А раньше соломой, когда было очень мало железа и шифера, накрывали крыши домов, сараев и многих других строений.

— Если железа было мало, значит и комбайнов раньше было мало?

— Нет, раньше комбайнов не было совсем. Хлеб косили косами, жали серпами, затем собирали скошенный хлеб в снопы — такие большие толстые веники и оставляли сушить. И когда зерна высохали, снопы сносили в одно место и цепями — две палки, привязанные друг к другу — били по снопам, пока не осыплется все зерно.

— Вон сколько раньше нужно было работать, чтобы убрать урожай,— удивляется Алеша,— а теперь один комбайн за всех эту работу делает.

КВАС

К соседям из Москвы приехал Эдик, ровесник Алеши.

— А у нас в Москве продают газированную воду.

— Ну, и что?

— А у нас в Москве есть лимонад.

— Ну, и что?

— А я пил вчера пепси-колу...

— Ну, и что?

— ???

— А ты пробовал хоть раз бабушкин квас? Из погреба. Из ржаной муки, с мятой.

— Фи...

— А если из этого кваса сделать окрошку, как делает бабушка. Да еще с картошкой в мундире. Да еще с деревянными ложками...

— У вас тут в деревне не все как у людей.

— Я и сам из города, но в деревне у бабушки и дедушки мне очень нравится. Даже уезжать не хочется. А квас такой, скажу маме, чтобы и в городе такой делали. И окрошку такую тоже...

ДРОВА

Алеша обошел весь дом, заглянул даже в чулан и очень удивился.

— Дедушка, а где у вас в доме батареи, которые греют зимой?

— Нам они не нужны. Ты разве никогда не видел печку?

Дедушка подходит к белой стенке с резными дверцами и открывает одну из них.

— Вот сюда закладываем дрова, разжигаем их и греемся с бабушкой всю зиму.

— Дедушка, а дрова — это бывшие деревья?

— Конечно.

— А по телевизору показывали, что деревья уничтожать нельзя.

— В лесу пилят сухие деревья, большие или очень старые, которые мешают расти другим. А потом — лесники на месте вырубki сажают новые молодые деревья.

— А как получают из деревьев дрова?

— Ствол дерева распиливают на чурбаны, а затем эти чурбаны топором разрубают на поленья, сушат их и эти вот поленья — называют дровами, которыми топят печку.

КОЛОРАДСКИЕ ЖУКИ

Жарко печет солнце. Хочется посидеть в тени под яблоней. Или залезть в речку. Или... Но, нет, Алеша идет на огород, где дедушка и бабушка собирают с картофельной ботвы колорадских жуков — светло-коричневых в полосочку, их яички — мелкие красные точки на листьях, и личинки — желтые, жирные противные червяки. Их даже куры не клюют. Ни одна птица не питается колорадскими жуками. Только фазаны могут с ними справиться. Но не живут у нас эти птицы, к сожалению.

— Я буду вам помогать.— Алеша берет банку с керосином и стряхивает туда взрослых жуков и личинки, а листья с яйцами отрывает и тоже кладет в банку. Ни одного не пропустил, всех собрал на своем участке. Будет теперь расти картошечка в полную силу. А если появятся снова колорадские жуки — вот ведь какие они вредные,— дедушка, бабушка и Алеша,— снова придут на помощь. Иначе осенью можно остаться без урожая картофеля — такие прожорливые эти колорадские жуки.

— А на колхозном поле кто собирает жуков? — спрашивает Алеша.— Ведь поле такое огромное.

— Там жуков не собирают. Колхозное поле опрыскивают ядохимикатами из самолетов, и жуки погибают.

КОГДА БОЛИТ ЖИВОТ

Когда может заболеть живот?

— Аппендицит, если...

— Правильно, когда аппендицит, всегда болит живот. А еще?

— Когда проглотишь монетку...

— Тоже верно, может болеть. Но зачем брать несъедобные вещи в рот?

— Когда ударишься животом...

— И это все?

— Когда объешься чего-нибудь вкусного...

— Правильно. Но..

— Если не вымоешь руки перед едой...

— И...

— Когда будешь есть немытые ягоды и фрукты...

— Тогда пойд и вымой...

И Алеша побежал к водопроводному крану мыть вкусные яблоки и груши.

КАРТА

На стене висит большая карта страны. Алеша знает, где находится Москва, Петербург, другие города, знает, где течет Волга, знает Черное и Каспийское моря, озеро Байкал, границы нашей страны. Знает города-герои. Находит Тулу — от Москвы немного вниз.

— Дедушка, а где наша деревня расположена?

— Недалеко от Тулы.

Алеша долго ищет вокруг Тулы название деревни.

— А в какой стороне от Тулы она находится?

— Западнее Тулы.

Алеша вспоминает, где запад, где восток.

— Значит, от Тулы влево,— он продолжает поиски.— Но здесь нет такого названия.

— Конечно, нет,— поясняет дедушка.— Карта, видишь, какая маленькая, а на

ней изображена вся наша огромная страна. Города и большие поселки на ней только обозначены.

— Жалко, — вздыхает Алеша. — Как мы узнаем, где находится наша деревня?.. — и, немного подумав добавил: — Давай мы нарисуем нашу деревню рядом с Тулой. Не обязательно рисовать нашу деревню на всех картах, достаточно на одной нашей карте. Кому нужно, пусть нарисует на своих картах свои деревни, чтобы не забыть туда дороги.

— А ты что — забудешь без карты дорогу в деревню?

— Никогда не забуду, — Алеша вздохнул. — Но хочется, дед, на карте видеть и свою деревню...

КРАЙ ПОЛЯ

Идет Алеша с дедушкой по полевой дороге. С одной стороны — большое пшеничное поле, с другой — лесополоса. Дорогу им перебегают трясогузки, ласточки высоко в небе ловят мошкору, невидимые кузнечики трещат со всех сторон. Алеша срывает спелый колосок пшеницы.

— Дедушка, а у этого поля есть край?

— Конечно.

— А за краем этого поля что начинается?

— Другое поле.

— А за его краем?

— Опять поле.

— И с другой стороны тоже? — Алеша поворачивается к лесу и хитро смотрит на дедушку.

— Да, и там, за лесом, тоже поле.

— Что же это получается? — недоумевает Алеша. — Куда ни повернись — везде поле.

— Понимаешь, — дедушка смотрит вдаль, — вокруг нас всюду поля: на севере и на юге, на западе и на востоке. Всюду поля, а между ними расположены города и села, леса и горы, озера и реки.

— Дедушка, — Алеша на секунду задумывается, — вот, это поле — кукурузное, за лугом — картофельное, около леса — подсолнечное, а все-все поля вместе как называются?

— Это Родина наша.

Вся мировая литература к своим мировым высотам прошла через книги о детях, о детстве, о ранней юности. Вспомним, хотя бы Льва Толстого с его знаменитой трилогией, или Максима Горького, а чуть позже Валентина Катаева, Анатолия Рыбакова, Корнея Чуковского, Самуила Маршака. Вовсе не для того, чтобы поставить автора этой книги о детстве Николая Макарова в один ряд с великими. Вспомнил я о том, что настоящая литература не может существовать, как всякое подлинное проявление человеческого гения, без обращения к теме детства.

Не избежал этой счастливой «участи» и Николай Макаров. Его юный горожанин Алеша, впервые приехав на лето в деревню, открывает для себя целый мир чистого, изначального, настоящего, мир, из которого вышли все мы, потому что всего несколько тысяч лет назад не было на земле нашей городов, а были деревни и села, была та самая природа, которую мы сейчас призываем изо всех сил беречь и приумножать ее богатства.

Городской мальчик Алеша тем и хорош, что он еще не испорчен наплевательским отношением к окружающему миру. Для него каждый шаг вперед — очередное открытие. И юный читатель, которому автор адресует эту книгу, делает вместе с ним свои открытия Добра, Чуткости, Внимания ко всему сущему.

Доброй тебе дороги в жизни, Алеша, доброго пути тебе, Николай Макаров, сумевший на коротких страничках нарисовать целый мир!

Игорь Арясов, писатель

ПОЭЗИЯ

Виктор Пахомов

СВИРИДОВ

Был баянист, похоже, пьян.
При торопящемся народе
Играл в подземном переходе.
Давился мукою баян.

— Свиридов? — думалось — к чему?
Все ж постоять решил в сторонке,
Когда две тонкие девчонки,
Свернув, приблизились к нему.

Затем возник какой-то псих,
Еще какая-то старуха,
В платке освобождая ухо,
Остановилась возле них.

И вот уже людской поток
Затормозил свое движенье.
Свиридов, выиграв сражение,
Всем счастья подарил глоток!

Был мною этот миг отмечен.
Никем не понятый зато.
Стоял, не двигался никто.
В замороженности беспечен...

А наверху мела метель
И заметала тротуары,
И останавливались пары,
В душе предчувствуя апрель.

* * *

Н.Д.

Он всегда глядел в себя лишь.
Реже — в небо. Иногда.
— На кого ты zenки пялишь? —
Он не слышал никогда.

Был он вовсе не изгоем.
Был философ и большой!
И всю жизнь вел спор с собою.
Своей собственной душой.

Буде трезвый или пьяный
Был на редкость ровен, тих, —
Лишь в себе искал изъяны.
Их не видя у других.

И стихами тяжко мучась,
Не боясь перегореть,
Говорил: «Святая участь —
Невозможность умереть!»

Улыбались мы на это.
Что-то, видно, с головой...
Но сбылись слова поэта.
И по смерти он — живой!

И теперь в обличье новом
Он идет на зов сердец
Каждой строчкой, каждым словом,
Каждой мыслью, наконец.

НА БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Я в этот день купил щеглу свободу.
Тот этого никак не ожидал.
Он молнией метнулся к небосводу
С моей руки вздетой и пропал.

Свободу птахе беззаботно давший,
Глядел ему вослед я, без гроша,
Но радостью какой-то запоздавшей
Наполнена была моя душа.

Уже не клял я собственную долю.
Во всем другой мне виделся исход.
Как будто бы не я ему дал волю,
А бедный узник — мне, наоборот.

* * *

Зиме держаться нету сил.
Весны не одолеть старухе.
Ее метелей след простыл,
И оттого она не в духе!

То снегом выбелит поля,
То закует морозом лужи,
Чтоб отогретая земля
Могла остыть и занедужить.

Чтоб дать ручьям всем укорот.
Чтоб птицы гнезд своих не вили.
Чтоб все пошло наоборот
И о весне вокруг забыли...

Да только тщания ее
Напрасны... Грозно и умело
Весна, знай, делает свое
Всепобеждающее дело!

Сияет солнцем ее щит,
Грохочет громом колесница!
По швам весь дом зимы трещит,
Сугробом рушится, садится.

Повсюду высыпал народ.
Гам, суета, столпотворенье...
Прощай, зима! Весенний ход
Взломал мое стихотворенье,

Как лед речной... Бурлит вода,
Вот-вот затопит все низины,
Ее заждались, как всегда,
Нетерпеливые лозины.

Их оживаемая плоть
Уже под солнцем зеленеет.
Не зря ликует земь и вода:
Короче ночи, дни длиннее!

* * *

Ночные звезды поля Куликова
Несут дозор извечный в вышине.
Небесный купол золотом окован,
Как щит Господний. И отрадно мне
Бродить вокруг, внимая звукам поля,
Ловить сердцебиение его
И захмелевшим, как от алкоголя,
Упасть в траву — и больше ничего!
Не помнить ни о чем! Уснуть, забыться,
Отринуть все, что сердце извело,

Что заставляет мелко суетиться,
Кривить душой, перемогая зло...
Но в остуди, текущей к понизовью,
Очнусь с тревогой, мучашей, как ость:
С чего в полях, омытых нашей кровью,
Взрастают ныне ненависть и злость?
Ну, если бы — понятно — к супостату,
Поправшему свободу и мечты.
Какое там? К самим себе! К собрату,
Такому же безумцу, как и ты!
Кто всякий день встречает с содроганьем
В предчувствии несчастий и потерь?
...Слепит луна, и холм залит сияньем,
И страж на месте, хоть глазам не верь!
И все ж душа мятется, не на месте.
Ей видятся страдания и плен,
Картины ужасающих нашествий,
Нечаемых грядущих перемен.

СКВОРЦЫ

Майский ветер ласкает черешни.
Окропленные теплым дождем.
А на тополе из-за скворечни
Разгорается птичий содом.

Птичья сваря, сражение, драка!
Воробьи изгоняют скворцов!
Только те не сдаются, однако,
Обнаружив характер бойцов.

Пух и перья летят на прохожих,
На дорожные лужи и грязь.
— И у птиц все неладно, похоже, —
Резюмирует кто-то, смеясь.

Был итог инцидента неясен,
Но скворцам на сей раз повезло.
Воробьи унесли восвояси,
Словно ветром их всех унесло.

И скворцы ни о чем не жалея.
Продолжают кормежку скворчат,
Чьи головки на тоненьких шеях
Из окошка скворечни торчат.

* * *

По пустым дворам и палисадам
Красная смородина горит.
— Для кого ты, чьей души отрада?
— Да ни чьей! — она мне говорит.

— Для чего же так ты расстаралась
У давно истлевшего плетня?
— Что-то мне такое показалось
В зароженье нынешнего дня.

Ни с чего надежда поманила,
Необманной показалась вновь.
— Попусту растроченная сила —
В пепел обращенная любовь!

— Но и ты, как все, уходишь тоже,
Не попробов сладости моей.
— Милая, я здесь чужой, прохожий,
Обо мне не думай, не жалеи!

Под ее почти молящим взглядом
Ухожу, чтоб боль не берeditь.
К брошенным дворам и палисадам
Зарекаюсь близко подходить.

ЧЕРЕМУШКА

На промозглых весенних ветрах
Наверху, у крутого обрыва,
Отметая сомненья и страх,
Зацвела ты округе на диво.

Дождаться не стала тепла:
Безоглядны наивные души!
Зацвела, как сигнал подала,
Всей природе — всем водам и суше.

Что пора пробуждаться от сна.
Что зима свои силы избыла.
Что беспутная девка Весна
О краях наших снова забыла...

Ах, черемушка, Божья душа!
В буйной кипени белого чуда
Ты не знаешь, как ты хороша!
И с чего это все и откуда?

Твоей тайны никто не постиг.
Оттого мне тревожно и больно.
Терпкость сладкую ягод твоих
На губах ощущаю неволью...

* * *

Запомнился мне он с предзимней поры,
Когда побелели от снега дворы.
Когда он метался средь голых ветвей,
Отставший иль брошенный стаей своей.

Я крикнул ему: «Что ты делаешь, друг?
Дрозды все давно улетели на юг.
С зимой не поспоришь, судьбу не пытай.
Ударят морозы, не жди — улетай!»
Он все же остался. И чья в том вина?
Так участь его мне казалась ясна.
Но как-то под вечер, уже по весне,
Спорхнул он на землю поближе ко мне.

Он дергал хвостом, он крутил головой.
Всем видом своим говорил: «Я живой!
Я выжил! Невзгоды уже позади!»
И стало тепло мне и сладко в груди.

Почувствовал я долгожданный покой.
Пусть в том нет заслуги моей никакой.

* * *

Теmeni больше и проседи.
Наледь хрустит на меже.
Даже крапива по осени
Не обжигает уже.

Стынут сиротские кустики.
Пуст, как ограбленный, лес.
От небывалой акустики
Слышно дыханье небес.

Сизый туман над рекою.
Запах пожухлой травы.
Все пребывает в покое,
Нам недоступном, увы.

ПОЭТ

Россия, что ты за страна?
Покоя нет от войн и мора!
«Там вековая тишина»,—
Сказал поэт не без укора.

Ее взорвали, тишину,
Затеяв спор с судьбой самою.
Весь мир кормившую страну
Пустили по миру с сумою.

Покоя не было и нет.
На свалку выбросивший лиру
Молчаньем давится поэт,
Боясь накликать гибель миру.

* * *

Что осталось? Стихи да страна.
От сиротства глаза мои мокры.
Не твоя и не чья-то вина
В том, хоры небесные смолкли.

Я не слышу их больше, увы!
Будто бы согрешил в чем-то крупно:
Слышу все, что внизу, среди травы,
Что вверху, надо мной, — недоступно.

Я такой же, как все, как любой,
Потому и обидно, и больно,
Что не знаю вины за собой.
Если и согрешил, то невольно.

Напрягу отказавший мне слух,
Чтоб услышать то пение снова,
Начинает горланить петух
Иль мычать что есть мочи корова.

Оттого-то и тянет простор,
Как голодного корочка хлеба.
Где взыскует ответа мой взор
В пустоте осиянного неба.

НА ЛУГУ ДЕТСТВА

Травы привядший аромат
Стоит над выкошенным лугом.
Им одурманиваться рад
Я вопреки своим недугам.

Завороженный им, вокруг
Брожу, рассвет встречая ранний.
И говорит со мною луг
На языке воспоминаний...

Вот мы мальчишеской гурьбой,
Спасаясь от мошки и зноя,
Гордясь немислимо собой.
Летим на лошадях в ночное.

Где будет бденье у костра,
Еда из двух иль трех картошек.
Рассказы конюха Петра —
Как бил он немцев и япошек,

И как однажды с бодуна,
Когда гостил у друга в Риге.

Свои награды-ордена
Загнал какому-то барыге.

Как был он в молодости лих,
Не слушался супруги Ирки.
Осталась память лишь от них —
На пиджаке пустые дырки...

Так память детская остра!
Перед глазами все — живое!
Давно нет конюха Петра,
Сейчас его я старше вдвое.

От тех мальчишек — никого!
Кто спился, кто молчит в гордыни.
Но что печальнее всего? —
Самой деревни нет в помине!

Одни развалины вокруг
Средь непролазного бурьяна.
И только луг, родимый луг
В тяжелых росах от тумана

Зовет, манит, как та страна,
Где мне аукается детство.
И давит душу мне вина
За разоренное наследство.

Наследство дедов и отцов,
Добытое огнем и кровью.
Горит от слез мое лицо,
А сердце — гневом и любовью.

ДОМ

Порос бурьяном палисадник.
А с ним и сад, и огород.
Стоит, пустует дом-печальник
Который год, который год.

Когда хозяева в нем жили,
Трудясь с темна и до темна,
Своей судьбой довольны были.
О них заботилась страна!

К ним приезжали дети, внуки.
Дом оглашали песни, смех...
Погост, что у речной излуки,
Забрал хозяев без помех.

Дом опустел. Кому он нужен?
Таких без счета, полсела.
И что ни год, ему все хуже.
Уж крыша трещину дала.

Ну, год, ну, два еще от силы
Продержится он, простоит.
К нему хозяин из могилы
Ночами ходит и глядит.

Как дом, прогнивший весь, садится.
Могли бы дети хоть продать!
И что с хозяином творится,
Мне невозможно передать!

Он надрывается, он плачет,
Вздывает руки к небесам.
А как же может быть иначе?
Коль он его построил сам.

* * *

Горят бугры под солнцем жгучим.
Немилосердно мучит зной.
Все лето хмарью небо пучит:
С весны дождинки ни одной!

Пыль задавила. Нет спасенья
От комарья и от жары.
Но жизни тяжкое теченье
Несут последние дворы.

Сосед явился на пороге.
Лежать измаялся в избе.
Совсем чужими стали ноги.
Стоит, как памятник себе.

На нем фуфайка виснет тяжко.
Взгляд мертв. Не видит ничего.
И командирская фуражка
Из гордой юности его,

Где он вкусил любви и славы,
Своею честью дорожил.
— Налей! — он просит. — Хоть отравы,
Коль этого я заслужил!

Давясь, он выпил самогонки.
Сказал: «Пойду жуков травить...»
...Горят бугры в родной сторонке.
А что о людях говорить?

* * *

Голубые капли на зелени —
Незабудок веселых набег.
Одуванчиков столпотворение.
Шум и гам, чей-то свист, чей-то смех...
По лугам, по буграм и по рошицам
Дух хмельной, прямо валишься с ног.
Не с того ли в стихи мои просится
Этот несколько выпранный слог.
Оглянусь просветленно и набожно,
Обострится и зренье, и слух,
И глаза станут влажными, надо же,
От того, что увижу вокруг:
Там сирень, и черемуха брызнула,
Тут боярышник и бузина.
Кружевами, подзорами сызнава
Одарила округу весна.
В белой кипени вишни и яблони,
Не видать ни стволов, ни ветвей.
До чего же весною мы храбрые.
Ну, а первый из нас — соловей!
Над оврагом, кустами, проселками,
Дни и ночи, тревожа народ,
Он поет, заливаясь, щелкает.
И откуда лишь силы берет?
Столько в пении страсти, размаха.
Зря ль в округе он — первый певец?
Ах, как славно старается птаха.
Потрясенная счастьем вконец!
И немолчно меж хлябью и твердью
Это пенье всех сводит с ума.
Будто птица поет перед смертью,
Да не знает об этом сама.

ПАЛЫЙ ЛИСТ

Разоделась баба-осень,
Прямо взгляд не отвести.
Только листьев палых проседь
Жалко ежится в горсти.
Только ягоды рябина
Мечет по ветру с бугра
И паучья паутина
Ловит стылые ветра.
Пусть еще тепло и ясно.
Много радости в груди —
Все напрасно, все напрасно —
Праздник лета позади.
Ты еще на фоне стога
Скалишь зубы в кураже,

Но вселенская тревога
К горлу тянется уже.
На ликующей природе
В притяжении земли
Ненароком, мельком вроде,
Тучи высмотришь вдали.
Разглядишь сквозь гам и шалость
Их сочувствие леску,
Их смертельную усталость,
Их свинцовую тоску.
Скоро листья рощи сбросят.
Скажут каждому: «прости!»
Оттого-то листьев просесть
Жалко смотрится в горсти.
Ты один возьмешь на память,
Рассочувствовав всему,
Чтоб зимой в глухую замать
Исповедаться ему.

* * *

Твердь попирая мощною пятой,
Взметнулась многотонная громада
Навершием, главою золотой
Под облака, бегущие, как стадо.
И замерла, чтоб помнили о ней —
Немыслимой победе над Ордою,
Чтоб страшное, кровавое тех дней
Не разлилось новою бедою.
Чугунное рельефное литье:
Щиты с мечами, копья и шелома,
И крест, презревший жалкое нитье
Ворон и ветра, молнии и громы!
Сияющий у купола в горсти,
Он даже не отбрасывает тени.
— Господь! — шепчу.— Не гневайся, прости...
Но до сих пор болят у нас колени.

МЫ

Всех судим предвзято и мелко,
Виня не себя, а народ.
Предвестье войны — перестрелка
Давно между нами идет.

Гнетет нас иудино племя,
Хоть Бога, хоть черта зови.
Идет вроде мирное время,
А жизнь — по колено в крови.

Уже не до чести и славы.
Уйти б от суда и тюрьмы,
За то, что наследье державы
Легко разбазарили мы.

Что дальше? Не знаем, не видим.
Живем, презирая судьбу
Меж «Слава Тебе!» и «Изыди!»,
С клеймом, проступившим на лбу!

* * *

Предзимье — строгая пора.
Она не терпит недогляда,
Удостовериться ей надо:
Смогли ли вовремя ветра

Оповестить и землю и воды
О предстоящих холодах,
Что в наших селах, городах
Начнутся поздние восходы.

Закаты ранние, и мгла
Начнет куражиться над светом,
И люд обязан знать об этом,
Чтоб шли по-прежнему дела.

Чтоб праздной не было оглядки
На то, что будет за окном.
Не увлекаться слишком сном,
И будет все тогда в порядке!

Михаил Лубянский

УРОКИ ЗИМЫ

Вот теперь я знаю, сколько весит,
Сколько стоит красота зимы!
Днем и ночью вьюга куролесит
В океане снежной кутерьмы.

Масса снега, сброшенная свыше,
Устоится, сложится в пласты,
Налагая тяжкий пресс на крыши,
Занося дороги и мосты.

Поутру с лопатой деревянной
Выхожу во двор часам к шести,
Чтобы снег летучий, окаянный,
Отгребать с дороги и мести,

Не видать зиме конца и краю!
В плотный холм сложился мой снежок,
Я его старательно ровняю
Как крестьянин в поле свой стожок.

А весной увижу — он растаял!
Где ж мой труд? Пропал его и след —
Быстротечный, как и жизнь людская:
Вот была — а вот ее и нет.

ЗЕЛЕНАЯ ЖАТВА

Торжествует апрель, свое дело верша.
Оживляя леса первой зеленью сочной.
Среди ваге! листвы проросла черемша,
Расточая вокруг нежный запах чесночный.

Если жизнь оскудела — не спи, не дремли!
Снова толпами двинулись в лес горожане.
Как китайские кули, пакуют кули,
Черемшу подрезая под корень ножами.

На зеленую жатву спешат налегке
Даже гости залетные — азербайджанцы.
Я здороваюсь с ними на их языке.
Я слова эти помню, друзья-иностранцы!

Не одну в вашем крае я встретил весну
И всегда вспоминаю с душой умиленной
Вод каспийских искристую голубизну.
И приморских долин праздник вечнозеленый.

Отчего ж вы покинули ваши дома?
Разве плохо вам в ваших краях изобильных!
Или хлебом у вас не полны закрома,
Виноградного сока нет в чанах бродильных?

И зачем вы пластаете здесь черемшу?
Неужели она вам вкусней винограда?
Впрочем, я промолчу, ни о чем не спрошу...
Все понятно и так. Значит, это так надо.

БЕССОННИЦА

Хоть и очень еще далеко до утра,
Мой будильник на тумбочке рядом с постелью
Вдруг подпрыгнул и высыпал горсть серебра,
Разразился некстати залиистой трелью.

Оборвался мой сон, как подстреленный влет.
То ли сердце болит? То ли зуб не залечен?
До обидного время впустую идет,
И не спится никак, и занять себя нечем.

Нагл будильник не нужен теперь, балабол.
Никому не нужна теперь наша работа.
Хорошо хоть, что сам я с завода ушел,
А жену мою выгнали вон за ворота.

Мы ушли навсегда из цехов заводских,
Как уходят солдаты из тесных окопов.
Но куда нам уйти от несчастий людских —
От обвалов, пожаров, всемирных потоков?

Метеоры из космоса землю гвоздят,
Изливаются огненной лавой вулканы,..
Да и сам человек, божьим гневом заклят,
На собратьев своих расставляет капканы.

Никому, никому было знать не дано,
Что торпеда однажды взорвется в отсеке,
И подводный корабль на глубокое дно
Упадет, моряков погребая навеки.

А на суше и воля не лучше тюрьмы,
Если люди на транспорте ездят со страхом,
И дома укрепляют стальными дверьми...
Но, взрываясь, дома осыпаются прахом.

Предраассветной порой безмятежен и тих
Населенный наш дом, многолюдный наш спальник.
...А в подвале, быть может, бандит в этот миг
К гексогеновой бочке подносит запальник.

НАД ОЗЕРОМ

Стало вечернее небо темно;
В озере тоже заря отгорела.
Выстлано небом озерное дно
И не имеет, как небо, предела.

Если поверить в возможность чудес,
То, вероятно, покойников тени
Не в небесах, а напротив небес —
Прячутся в царстве подводных растений.

Те, кто давно и не очень давно
Вышел со смертью из круга земного,
Ныне сквозь тайное это окно
Смотрят на мир наш из мира иного.

Робкая звездочка, словно светец,
В горнице стол освещает тесовый.
С краю скамейки сидит мой отец;
Рядышком — дед мой и прадед суровый.

Смотрят они на поверхность земли,
Смотрят на нас без печали и муки.
Мы ведь не зря им на смену пришли,
Помним всегда, чьи мы дети и внуки.

Предки глядят неотрывно из тьмы,
Как мы бежим по житейскому кругу.
Все ли по совести делаем мы?
Все ли добры и терпимы друг к другу?

УТРЕННИЕ СНЫ

С дальнего степного танкодрома,
В поезде, спешащем на восток,
Проезжал солдат вблизи от дома,
А сойти на станции не мог.

Острая обида с новой силой
В сердце уколола, как игла:
Он опять увидел домик милый,
Где его любимая жила.

Знал солдат, что у нее, бедовой,
Только что назвавшейся женой,
Месяц продолжается медовый,
Длится праздник радостно-хмельной.

А она, неверная подруга,
Дальнего экспресса слыша гул,
Вдруг проснулась, словно от испуга,
Словно кто-то в грудь ее толкнул.

Что сейчас приснилось ей за чудо?
Будто поезд выдохся и стал,
И солдат, ей слышалось, оттуда
Вдруг ее по имени позвал!

Явь от сна насилу отличая,
Кое-как накинула халат,
Выбежала к линии босая...
— Ты прости, прости меня, солдат!

ОСЕНЬ В ГОРЮШИНЕ

Кленовый лист, пренебрегая риском
С высот сорваться в воду кувырком,
Летит отважным дельтапланеристом
Над сумрачным горюшинским прудом.

А это значит, что старуха-осень
Своим дыханьем остудила клен.
Клюкой она постукивает оземь —
И падает листва с древесных крон.

Гусиный клик звучит над нашим краем,
Наполненный тревогой и тоской.
Вот так и мы деревню покидаем,
Спеша вернуться к жизни городской.

Глядит нам вслед с тоскою стародавней
Наш деревянный деревенский дом,
Старательно застегнутый на ставни
И крепко подпоясанный замком.

Весной вернемся и откроем двери,
Разложим инструменты для труда.
И старый дом в который раз поверит,
Что мы в него вернулись навсегда.

НЕ ВЕРНУЛИСЬ ПТИЦЫ

Ласточки гнездились у меня в сарае.
Неразлучной парой прилетали в мае.
Клювами носили глину и соломку...
Что ж их не пустило на свою сторонку?

Не вернулись птицы, не защебетали...
Видно, у границы без вести пропали.
Видно, на чужбине, над огнем, над пеклом
Головы сложили под обстрелом беглым.

Сколько в эти годы в тех краях суровых
Сгинуло напрасно птиц черноголовых!
Ласточек знакомых вновь я не услышу...
Не вернуться птицы под родную крышу.

* * *

Рабочая окраина,
И новь, и старина.
Ночных небес окалина
В предзимье там темна.

И там, на Дульной улице,
Не низок, не высок,
Стареет и сутулится
Твой домик-теремок.

Смирю пургу разгульную
И стужу отведу,
И снова я на Дульную
В счастливый день приду!

За Белыми воротами
Промчатся поезда.
Над гулками пролетами
Проклюнется звезда.

Из тысяч звезд найду ль мою
Счастливую звезду?
Но в домик твой на Дульную,
Как в юности, приду!

Уйдет с рассветом странница —
Небесная звезда.
А жизнь моя останется
С твоею навсегда!

Леонид Адрианов

* * *

На колхозном покосе
Солнце сушит рядки.
Копны тяжкие носят
На прицеп мужики.
Они, как гарпунеры,
Держат вилы в руках,
Ставят мягкие горы
На скошенных лугах.
Сеном потное тело
Осыпается вниз...
Настоящее дело —
Деревенская жизнь!

В 1236 ГОДУ

Сосны в городе на холмах.
Город в соснах укрыт над рекою.
В пятистенных просторных домах
Рыбаки век ведут над Окою.
Жизнь их — невод, которым они
Со дна Времени тянут удачу,
Счастье, радость, а тянутся пни,
Да коряги, да дохлые клячи.
То болезнь, то пожар, то беда
Потрясают рыбацкую долю.
Хорошо, что еще невода
Им приносят поболее, чем поле.
Тут — севрюга, красавец-осетр,
И белуга к ним путь не забыла.
Мелочь разная просто не в счет:
Лещ, карась, щучье подлое рыло.
Коротает свой век на холмах,
Весь укрыт в хвойном сказочном лесе,
Хотя все ж не минуют шторма
Небольшой городишко Алексин.

* * *

Некто вовсе не с легкой руки
О России промолвил в прологе:
Две беды у нее — дураки,
Да еще столбовые дороги.
Угадал, уязвил малоросс!
Ибо этих и тех — избылье.
Первых мучает глупый вопрос:
Доберется ль коляска по пыли
В стольный город, царев Петербург,
Утопая в бучилах и ямах?
Ой, российский народ, иль ты вправду без рук?
Лень твоя — твой удел, твоя драма.
Зим немало мело над великой страной.
Хорошо ли живал ты, убого ль...
Оглянитесь вокруг, убедитесь со мной:
Прав и нынче язвительный Гоголь!

* * *

От отца вот осталась гармошка,
Словно память безоблачных дней.
Только вдруг почему-то немножко
Стало грустно и совестно мне.
Раньше в праздники всею семьею
За столом пели песни мы всласть,
Как «шумел камыш над рекою»,
Как бродягу преследует власть,
Как одаривал Волгу сам Разин
И сидела краса в терему...
А теперь безработица дразнит,
Да слова про суму и тюрьму.
Хорошо, хоть осталась гармошка
Мне как память безоблачных дней.
Да вот стыдно пред батей немножко,
Что играть не умею на ней...

* * *

Текут эти речки
По Тульскому краю,
Как люди беспечны,
Как люди, плутая... —
Ватца, Колодня, Галица, Гоголь,
Осетр, Холохольня,
Вас хватит надолго ль?
Истичка, Снежедь,
Вырка, Солова...
Щемящая нежность
Славянского слова!
Тулица, Плава,
Зуша, Непрядва,

Вам вечная слава,
Вы — русская правда!
Теките к потомкам
Сквозь времени иго,
Крушма, Веневка,
Люторичь, Скнига!

* * *

Напротив калужского берега
Две лодки оставлены на зиму.
Одна из них белая-белая,
Другая якшалася с грязями
И даже неровня размерами.
Свела их судьбина в затончике...
Широкая, мощная первая,
А эта — надкусанным пончиком
Глядится, мыском перевернута.
Уснули. Лишь что-то уключины
Бормочут во сне, словно отроки,
Играют под летними тучами.
Вот так до весны прососедают,
А там половодьем оторваны,
Одна, как всегда, будет бедствовать,
Волнам и судьбе непокорная.
Другая — прогуливать барышень —
От весел буруны запенятся...
Но в пору цветения ландышей
Две лодки друг с другом не встретятся.

* * *

Танцует моя женщина
В красном кимоно.
По стенам песня плещется,
По хрусталу — вино.
Извивы тела гибкого,
Как языки огня...
С коварною улыбкою
Что смотришь на меня?
Я, вправду очарованный,
Любуюсь и люблю,
Ковер стихов изломанных
Под туфельки стелю.
Красивая, истомная,
Мучаешь меня.
Пьянящий запах локонов...
О, не прогоняй!
Подкралась ночь неспешная,
Мудра, как осьминог...
Танцует моя женщина...
Пылает кимоно...

Алексей Логунов

СКАЗАНИЯ О СВЯТОЙ МАТРОНУШКЕ, СЕБИНСКОЙ ЧУДОТВОРНИЦЕ

Когда Матронушку крестили

Когда Матронушку крестили,
Душистый пар снопом пророс.
И старый батюшка Василий,
Перекрестившись, произнес:

«Такое вижу я впервые...
И вот вам мой неложный сказ:
Еще одна у нас в России
Душа святая родилась!»

А пар, качаясь над купелью,
Раскинул белые крыла,
похож на птицу стал,
И птица
Людей крылами обняла.

Сердечко золотое

I

Мир населяли голоса...
Вот это теплый голос мамы.
А это пленница оса
Жужжит в углу оконной рамы.
Петух запел.
Скребется мышь.
Отец принес травы охапку.
Теленку бросил: «Жуй, малыш!»
И сел к Матронушке на лавку.

От мамы пахло молоком,
А от отца — землей и лугом,
А братья пахнут табаком,
А люди многие — недугом...

И всех-то их Матрюше жаль.
И на лице ее печаль.

II

Когда Матрюше станет семь,
Она освоится совсем
В избушке, во дворе, во храме,
И так однажды скажет маме:
— А завтра свадьба у меня.
Приедет вся моя родня.
Ты приготовь скамейки, мама,
И принеси свечей из храма.

И вот поехал к ней народ
Из деревень и сел окрестных.
Везли несчастных и больных,
Хворающих не первый год.
Везли во храм, а после к ней,
И были ей родных родней,
Молила Господа она,
По-детски голосом звенящим,
Чтоб отпустил грехи болящим,
Чтоб хворь была прекращена.

Ее сердечко золотое,
Живое, чистое, святое
Горело от молитвы той
Неугасимую свечой.
И тот, кто Господа боялся,—
Тот исцелялся!

Встреча с Иоанном Кронштадтским

Бывало, люди добрые возили
Матронушку с собой в монастыри,
В места святые...
Сергиев Посад,
И Киев, и столичный Петербург
Паломницей Матронка посетила.
Какие встречи Бог ей даровал!
Шла исповедь в Андреевском
соборе...
Народу было море!
И в этом море Иоанн Кронштадтский
Слепую девочку-подростка углядел,
Которая к нему тянула руки.
«Иди ко мне, Матронушка, иди.
Эй, люди, расступитесь, пропустите,
То смена мне от Господа идет!»
И он назвал ее восьмым столпом

России.
А почему восьмым — не объяснил.
Благословляя девочку слепую,
Благословляя русскую святую,
Он говорил:
«Вот радость-то, вот счастье!» —
И подарил ей чашу для Причастья.

Воин Христов

— Ах, Матронка, голубица моя,
Опустела светлица твоя,
Твоя горенка убогая
И кроватка колченогая.

Твои братья неразумные
На собранья ходят шумные
И от Бога отрекаются.
Ох, сердешные, намаются!
Ты зачем, зачем уехала
На жительство в Москву?
Ой, развей, развей, Матронушка,
Маманькину тоску...

Забывлась матушка
И в тонком сне
Вот что увидела
В пустом окне:

Ловит дьявол-рыбачок
Деревенских на крючок.
Невелик его улов.
За день несколько голов.

А затем он в шумном городе
Ловит сетью души гордые.
Дьявол дергает усищами:
«Попадают прямо тыщами!»

Вышел воин Христов
С золотым крестом.
Золотым крестом,
Точно острым мечом,
Режет сети сатанинские,
Выпускает души грешные,
Чтобы Господу покаяться,
Чтоб покаяться,
Да исправиться...

И узрела мать,
Точно солнышко:

Этот воин
Ее Матронушка!

Войну святая предсказала

Жила Матронушка в столице
То у родных, то у знакомых.
Слух доходил и до милиции.
В домкомах знали и райкомах.
Прислушаться бы к ней властям,
К ее неслыханным вестям!

К ней приходило человек по сорок
в сутки,
Свободной не было минутки.
Шел пролетариат, священники,
матросы,
И всем Святая отвечала на
вопросы.
«Матрона, в отпуск мне идти ли?»
«Иди, иди!.. Как не ходить?
Уже колокола звонили,
Войне жестокой скоро быть,
И у людей тогда не будет
Ни отпусков, ни выходных,
И в горький час не смогут люди
Похоронить своих родных...»

Войну Святая предсказала,
Как будто пальцем указала:
И сколько лет она продлится,
И то, что выстоит столица,
Что Тулу немец не возьмет,
И что убитых будет много,
И что потом, по воле Бога,
Россия снова оживет.

Вождь у блаженной Матроны

Враг у стен Москвы!
И Сталин
Чуть столицу не оставил,
Да боялся за народ:
Вдруг неправильно поймет?

Шофер Никита Ермаков,
Из православных мужиков,
Который в Кремль возил продукты:
И хлеб, и овощи, и фрукты,—

Сказал вождю, что есть в Москве,
Как хлебный колосок в траве,
Сидячая,
Незрячая,
И мухи злой не обидящая
Матронушка ясновидящая.

Вождь у блаженной ночью был
И с нею тайно говорил.
И она ему сказала:
«Ты ко мне, видать, с вокзала?
Ах, Петух мой Красный.
Для врагов опасный!
Государством управляй,
А Москву не оставляй.
Знай: Победа за тобой.
В Небесах начался бой!..»

А наутро радостную весть
Радио сказало ровно в шесть:
«Немцы отступили от Москвы!»
И явился Крест из синевы.

«Кто же щит и оборона
Сиротливым москвичам:
Я иль матушка Матрона?» —
Думал Сталин по ночам.

На Даниловском кладбище

На Даниловском кладбище
Пел, как мог, незрячий нищий
О родной сторонущке
И святой Матронушке:

— Помирала Матронушка,
Утверждает молва,
Говорила блаженная
Вот какие слова:
«На могилку приходите.
Скорби ваши приносите,
Ставьте свечки
Самые дешевые,
Самые дешевые,
Грошовые.
Никого старайтесь не ругать.
Ну, а я вам буду помогать
И на этом свете, и на том,
Где у человека вечный дом.

Не миновать
Воздушные мытарства,
Где рой бесов,
Где вельзевула царство.
Вот там за пяточку мою
Держитесь крепче!
Я буду Господа молить
И станет легче...»

И там беда, и тут беда,
Как мухи, липнут к нам болезни.
Подорожала вновь еда,
Да так глаза на лоб полезли!
Маленькие бедки
Резвятся, как детки.
А большие бедушки,
Как седые дедушки,
Сидят молчаливо,
Усмехаются криво.

Это что там человек
В судорогах бьется?
Это душенька его
С телом расстается!
Духи злобы поднебесные,
Истязатели известные,
Взяли душу грешную,
Вытянули, нежную,
И потащили дружно вниз...
Да тут, откуда ни возьмись,
Матронушка явилась,
За душу заступилась.
А чья душа-то? Комсомольца!
Он стал под старость богомольцем,
Матронушке молился,
От язвы исцелился,
Потом построил детский дом
И церковь малую при нем.
И был в той церквушке крещен
И Николаем наречен.

На Даниловском кладбище
Пел, как мог, незрячий нищий
И псалмы церковные,
И стихи духовные.
И простецкий припев
Доходил до сердец:
«Кому Церковь не Мать,
Тому Бог не Отец...»

Святая простота

Смиренный инок, сердцем чистый,
При храме Себенском живет.
Вид у монаха неказистый:
Большая лысина да рот
Как будто на рисунке детском
Очерчены карандашом.
Здесь, в захолустье деревенском,
Ему, наверно, хорошо:
Кто хлеба даст, кто кружку кваса...
И рад монах, доволен всем,
И не грустит, что стала ряса
Уже как ветошка совсем,
Что зайцы солнечные скачут
Из дырки в дырку по плечам!

А люди знают, как он плачет
В своей сторожке по ночам,
И молится святой Матроне
Не только о своей персоне.
— Пусть,— шепчет,— улучит момент
И к нам заедет Президент!
Поможет храму, ради Бога,
Чтоб засияли купола,
И чтоб мощеная дорога
В деревню из Москвы вела,
Чтоб здесь собак поменьше стало.
А Дух Святой, как раньше, жил,
И чтобы сельский люд усталый
Молитвой душу освежил;
Чтоб ты, Матронушка, вернулась
Домой,
В родимые места...

И вдруг Матрона улыбнулась,
Сказав: «Святая простота!»
А утром грай подняли птицы,
Поперла из земли трава!
В наш сельский храм
Мощей частицы
Святой Матрониной десницы
Прислала матушка-Москва.

Константин Струков

* * *

Тише, ночь прорезает звезда!
Желанье! В одно мгновение!
Смотрите, уже не осталось следа...
Ушла...
 Может быть, в забвение...

Сходитесь все вместе!
 Пусть мысли летят!
Пусть встретятся с искрой этой.
Пусть вспыхнут они
 в ее дальних лучах
И будет феерия света!

А мысли велики
 в своей простоте...
Чтоб было легко и свободно,
Как острым стригам
 в голубой высоте,
Летящим так быстро,
 так бодро!

И чтобы друг друга
 могли понимать
В шальном нашем мире люди.
И чтобы сумело
 добро воссиять
Над сонной
 серостью буден.

А эта звезда,
 что упала к ногам,
Для наших сердец негасима!
На миг один вспыхнуть,
 чтоб выразить нам:
Желание
 достижимо!

* * *

Разлилась река
по небу, по вечности.
Берега крутые
падают в омуты.
Над водою трепещет
лотос нетронутый —
Знак невинности,
символ верности.
Ты не знаешь ее...
Но ходил по порогам,
И веслом
оттеснял ты
течение мутное.
Нарывался на камни
в суденышке углом,
Окунаясь в студеную воду.
И долго
По ночам, согреваясь
у горящих поленьев,
Ты смотрел,
может быть,
на звездную реку
Эридан^{*},
священную реку и редкую,
Как дымок реактивного
в небе солнечно-летнем.
Ты смотрел, и казалось,
что там продолжается
Твой упрямый полет
по стремительным волнам.
Ты взлетаешь на гребень...
и кажется, словно
Застывает река
в молчаливом дрожании.
Где-то там Фазтон,
несчастный сын Солнца,
Утонул,
и сомкнулись
холодные струи
Над его головой,
как тяжелые руки.
Только память о нем
на века остается.
И на этой реке,
может быть, неслучайно
Вдруг окатит тебя
донным холодом омута.

^{*} Эридан — созвездие, удаленное от земли на расстояние около 3 парсек (около 9,57 световых лет). По греческой мифологии Эридан — река, в которой утонул Фазтон, сын Гелиоса — Солнца.

Над водою трепещет
лотос нетронутый —
Символ траура,
знак печали.

* * *

Не ждите. Звезды не пригреют.
Теплом раскроется Земля —
Совсем не душным суховеем,
А мятным маревом полян,

Туманом утренним над прудом
И разноцветьем берегов.
А звездный свет как искра чуда
Недосягаемых богов.

К светилам далеки дороги,
Бескрайны звездные поля.
Пока от нас далеки боги,
Теплом раскроется Земля

НАВЕЕННОЕ ЭБЕРСОМ

*И тогда ваши глаза
видят дальше нашей реки,
возделанных пашен и цепи гор,
они охватывают весь мир...*

Эберс Г. «Уарда»

За пеленой полуночной поземки,
За силуэтом полусонных зданий,
Под сводом звезд, вдали от бурь и гроз,
Теснятся необъятные пилоны,
В песках глашая о величье Гора*,
О несравненных подвигах царей.
И сквозь бряцанье копий и кинжалов,
За диким ржаньем лошадей горячих
Из древности восходит тишина.

И Нут**, распластанная, молодая,
На теле Геба***, кряжистого мужа —
Бескрайняя и вечная жена.

О, ветры необузданных фантазий!
Вы в зыбкий Шу**** вложили мощь гиганта

*Гор — бог солнца, в его облике восходит светило;

**Нут — богиня неба;

***Геб — бог Земли;

****Шу — бог воздуха.

И вознесли разбуженную Нут.
И оказалось, что на теле Геба
Метут песчаники и шлейфы снега
И берега заливы стерегут.
Проснулся Геб — земля набухла звуком,
Проснулась Нут — построились созвездия —
Похорошела древняя жена.

Ночь опустилась, но не спится звездам.
Нут посылает их как письма Гебу,
И звезды падают, как грустные слова —
Но до супруга звезды не доходят,
Лишь редкие падут метеориты,
Взметнув сноп искр и потревожив ночь.

А утром Гор восходит, и над небом
Весь день он властвует, даря тепло и жизнь.
Там, у пилонов мудрых фараонов,
Сметая все, песчаный вихрь промчится,
И заблестят живительно арыки,
И облака окутают вершины,
И с гор лавины снежные сойдут.
А ночью Нут опять зовет супруга,
И снова звезды падают в неизвестность...
А Геб?.. Он ночью долго остывает
От зноя томного, от духоты земли.
А звезды там, вдали?..

Они прекрасны,
Но так далеки, так уныло холодны...

Стою среди гигантской звездной сферы,
Один как перст среди немой Вселенной.
А от Земли идет горячий дух,
Пропитанный энергией земною,
Теплом полей, теплом песков сыпучих.
...Смотрю, из бездны трепетных созвездий
Снопы незваных звезд слетают в ночь
И тают в ней, как грустные слова,
Иль строчки писем, что тотчас сгорают...

* * *

Бери от жизни все!

Реклама

Бери от жизни все
и ни о чем не думай!
И даже если брать
придется у других.
Бери, чтоб власть пожить,
чтоб денег было уйма!

Ах, деньги!
Все равно
хватать не будет их!
Бери от жизни то,
что не тобой нажито...
Не важно, скольких ты
обделишь, оболжешь.
Хватай кусок жирней,
и ешь, и пей досыта!
Бери от жизни все —
и ты не пропадешь!

...Над пасмурной землею
низко тучи опустились
И в сумерках стал слышен
то ли шепот, то ли дождь:
— *Наверное, опомнишься
лишь на краю могилы,
И в первый и последний раз
ты, наконец, поймешь.*

*Все эти ценности —
все это прах и тленье...
Захочешь жизнь начать ты
с чистого листа,
Но поздно...
И в душе одно лишь сожаленье,
Что брал от жизни все,
в итоге — пустота.
И этот шепот свыше,
задумчиво и горько
Добавит... или прошуршит
по жухлым листьям дождь:
— Ну что же, бери,
бери...,
Запомни только,
Что это все
туда
с собою не возьмешь...*

* * *

У Вересаева мы встретимся под вечер,
Мы, одноклассники давно минувших лет,
Как долго ожидали этой встречи —
И вот пришел наш шумный юбилей!

Мы класс свой вспомним, вспомним нашу школу,
Одну из самых лучших, без прикрас.
И мы войдем в мир юности веселый,
А Вересаев будет слушать нас.

Положим мы цветы к его подножью,
Ведь он — участник наших встреч всегда.
И пусть безумен мир вокруг и сложен,
И пусть уносят нас в небытие года —

Мы будем снова собираться вместе,
У Вересаева, ведь ждет всегда он нас.
Он — наша Тула, наша школа, детство,
Чудесное, святое — без прикрас!

ОНА

Стал грезить я навязчиво о чуде:
В метельный свист, где улицы спешат,
Придет ОНА. И встрепенутся люди,
Безмолвствуя, любуясь, не спеша.
Падет метель, и тишина настанет.
Она так ясно взглянет на меня,
Что, как во сне я прошепчу: «Святая!»
И не смогу волнения унять.
Безгрешная, легко сойдет с иконы
И в мир войдет, холодный мир людей.
Раскроются и окна, и балконы —
Как будто станет чуточку теплей.
И, обводя рукою величаво,
Промолвит тихо, прозвучит окрест:
«Любовь. Она одна всему начало!
Она спасенье и она ваш крест!»

Как нужно всем сейчас ее явленье!
Средь снежных улиц, среди душ слепых.
Хоть раз услышат люди откровенье,
Хоть раз оно дойдет до них...

СТОРОЖ

Сторож, сторож,
тетя Фекла!
Стук дверей... Но зорки стекла!
Я иду очков тех мимо —
Страж стоит непобедимый.
Ты меня всегда встречаешь:
И когда иду в печали,
И когда судьбой обижен,
Будто мир весь ненавижу...
Но я знаю: мои плечи
Распрямишь улыбкой встречи.
И всегда находишь слово,
Чтоб взбодрить меня.

И снова

Твои бдительные стекла —
Страж бессменный тетя Фекла!
Вскину вверх я бодро плечи...
Ты как будто душу лечишь.

* * *

Тула, ты кипучая, когда
Утром гомонишь, спешишь куда-то
И дрожат задорно провода,
Будто после ратного набата.
Глуше шум кварталов заводских,
А в цехах уже бушуют звуки...
Лишь в тиши ружейных мастерских
Чудеса творят умельцев руки.

Ты улыбкой светишься, когда
Под гармонии тульское разгулье
И со всеми пляшут провода —
Ты как шумный развеселый улей.
И вокруг обилие гитар,
Песен бесконечные страницы...
Пляшут с огоньком и млад, и стар —
Туляки умеют веселиться.

Тула, ты уставшая, когда
Снег ложится на ночные крыши
И под снегом тяжелеют провода,
И становится вокруг светлей и тише.
Редкие прохожие бредут
По глухим, уснувшим переулкам.
Может быть, бесцельна их прогулка,
Может, дома их совсем не ждут?

Ты была суровая, когда
Поднялась на подступах к столице,
И твоей разящею десницей
Смята и отброшена орда.
Те бои, особые в судьбе,
Далеки, как прошлого страницы.
И грустнеют, и светлеют лица
Ветеранов, что пришли к тебе.
Сколько в тот суровый год войны
Под твоими стенами погибло!...
Лишь остались братские могилы
И святые вечные огни.

Александр Топчий

* * *

Свет мой синий,
Первозданный,
Из небесной глубины!
Сквозь метели, сквозь туманы
Мне лучи твои видны.
Зарубцуй на сердце раны,
Неподвластные врачам,—
Свет мой синий,
Свет желанный,
Свет, поющий по ночам!..

Негасимый,
Одинокий,
Озаряющий мой путь,—
Дай мне силы, чтобы в строки
Жизни капельку вдохнуть!
Чтоб не просто рифмовались
«Кровь — любовь», «дрова — трава»,—
Чтоб рыдали и смеялись
В строчках русские слова!

Свет мой синий,
Свет мой дальний,
Безмянная звезда...
Разувериться не дай мне
В жизни этой никогда!

И пошли моей России
Вот таких же ясных лет,
Как и сам ты —
Тихий,
Синий,
Несказанно чистый свет.

* * *

...Когда любовь моя остынет,
Когда тоска моя уймется,

Когда устану верить в чудо,
Писать стихи и пить вино —

Как умирающим в пустыне
В бреду мерещатся колодцы,
Так я, наверно, бредить буду
Весной, промчавшейся давно:

Апрельским ветром бесшабашным,
Гирляндой капель на каштане,
До боли милыми глазами,
Ночным сочувственным дождем...

И будет умирать — не страшно,
И даже — жить не страшно станет..
Пусть счастья нет —

но есть

с годами

Воспоминания о нем.

* * *

Я теперь

лишь троим и верю:

Двум друзьям и, конечно, Богу;
И не всем открываю двери,
Кто пришел к моему порогу,—

Слишком много я дряни слушал,
Слишком долго я верил дряни,
Слишком часто плевали в душу
Кто нечаянно, кто — с желаньем...

Ну зачем Ты, Господь, позволил
Быть предательству, лжи, обману?
Ведь ожоги душевной боли
Пострашнее телесной раны!

...Значит — надо?

Наверно, надо?!

Значит, мир так нарочно создан,
Чтоб сквозь тернии, сквозь преграды
Пролегалла дорога к звездам!
Чтоб от скверны людские души
Отмывались — своей же кровью...

Но откроется тем, кто сдюжил,
Вечный свет,
Что зовут Любовью.

«РЕАЛИТИ-ШОУ»

Они сидят в прозрачной клетке,
Гордятся, что всякому видны,—
Демократические детки
Демократической страны.

О них галдят телеэкраны.
Живут, не ведая стыда,—
Как в зоопарке обезьяны!
Но каждый мнит, что он — «звезда»...

У них — свои ориентиры,
И что им совесть, что мораль?..

Вот
«Пепси» выбравших
кумиры.

Мне их не жаль.
Россию жаль...

Быть может, резко обобщенье
(Есть повод критикам визжать),—

Но:
как
такое поколение
Теперь смогу я уважать???

РОЖДЕННЫЕ В НОВОМОСКОВСКЕ

Родители, ясное дело, меня не спросили,
Где я предпочел бы родиться... Но рад я чертовски,
Что выпал мне жребий на свет появиться в России.
В обычном, казалось бы, городе — Новомосковске.

Каштаны в Париже, конечно же, наших не ниже,
И розы в Стамбуле, конечно же, наших крупнее;
А звезды над Санто-Доминго и ярче, и ближе,
А лес Амазонки — березовой рощи пышнее.

И я уезжал, чтоб увидеть своими глазами
Кружение чаек и лунный прыжок антилопы,
Ночной мегаполис, одетый в рекламное пламя,
И рыцарский замок среди современной Европы;

Легко привыкал к языку и чужому закону,
В друзьях моих были кубинец, француз и литовец...
...Но сердце мое, как кораблик, приписано к Дону,—
Который, как я, по рождению — новомосковец.

ХОЧЕТСЯ БЫТЬ ДОЖДЕМ

Хочется быть дождем —
Теплым, неспешным,
С неба слетать в сады
После заката;
Тихо шуршать листвой
Старой черешни,
Падать с ветвей, как в сон,
В запахи мяты;
Сыпать на свет окна
Пригоршней искры,
Спрыгивать с крыш, смеясь,
В звонкие лужи...

Хочется быть дождем —
Легким и чистым;
Может, хотя б тогда
Стану вам нужен.

ВЕЗУЧИЙ

Хмыкнул врач: «Удивительный случай...
Ведь в клочки бы должно разнести!
До чего же ты, парень, везучий!...»

...Человека обрубок живучий,
Я пытаюсь с ума не сойти.

Днем и ночью мерещится, снится
Неотвязным кошмаром — Чечня...
Кровь,
Огонь.
Искаженные лица...

Я совсем не умею молиться, —
Помолитесь хоть вы за меня.

Не за это безрукое тело,
Жить хотящее осатанело, —
Помолитесь за душу мою:
Чтоб отмучилась.
Чтоб отболела.
Чтобы вскоре — легко отлетела.
Успокоившись в горнем краю.

* * *

Утихает теплый ветер.
Наступает теплый вечер.
Повисает над заречьем

Тонкий серпик золотой,
И в рождающемся мраке
Алой искрой в черном фраке
На реке мерцает бакен,
Притворившийся звездой.

Дня дела пришли к развязке.
Вечер скрадывает краски.
Вечер рассказывает сказки,
Вея русской стариной...
То ли пес прозвякнул цепью?
То ли тройка скачет степью?
Див ли скрипнул старой ветвью
В кроне дуба надо мной?..

Синий вечер, теплый вечер
Звезд икру на небо мечет.
Мотыльковых стаек вече
Собирают фонари.
Все обычно. Все не ново,—
Только снова, снова, снова,
Вечным чудом очарован,
Промечтаю до зари...

И всплывает, все пронзая,
Нежность к дремлющему краю...
Сторона моя родная,
Я — твой сын, от плоти плоть!
Я — полей твоих былинка,
Я — дорог твоих пылинка...

Дремлет русская глубинка.
Ты храни ее, Господь...

ТЕРРИКОН

...Равнина.
Поля, перелески...
И вдруг — ни с того, ни с сего —
Над полем рисуется резкий,
Отчетливый контур его.

Стоит — равнодушно и сонно,
Подобием древних руин
Загадочный горб террикона,—
Монблана российских равнин.

Вершина подземной работы,
Гигантских кротовых ходов,—
Навеки пропахшие потом
Отходы шахтерских трудов.

Меня царей и законы,
Летят над Россией года...
Безмолвно
и как-то исконно
Заброшенный Сфинкс террикона
Глядит
и глядит
в никуда.

* * *

На погосте — кресты да звезды.
На погосте — кусты да травы.
Нам сюда — никогда не поздно,
Но чем позже — тем лучше, право.

Вот у этой двойной березы —
Мой отец и дочурка...
Спите.
Как уместна здесь рифма «слезы»!
Пусть банальна,
но вы — простите...

Есть банальность — искусства выше:
На могилах любимых плакать,
Веря, будто тебя услышат
Сквозь сырую земную мякоть...

Пусть хранит ваш покой береза
Обелиском своим двуглавым...
На погосте — кресты и звезды,
На погосте — кусты да травы.

* * *

Душа моя затосковала ночью.

Арсений Тарковский. «Ветер»

Пролетели, откричали
Журавли...
Утоли мои печали,
Утоли.
Просто рядом сядь, как прежде,
Помолчи...
Излечи меня надеждой,
Излечи!

Гладит плечи, гладит лица
Листопад.
На закат душа стремится,
На закат...
На закланье, на распятье —
За грехи:

За судьбы моей проклятье,—
За стихи...

Утоли мои печали,
Утоли!
Океаны укачали
Корабли;
Вперемешку с листопадом,
Словно град,
Россыпь звезд упала рядом
В сонный сад.

Помолчим еще немного
О себе,
О несбывшихся дорогах,
О судьбе
И о ждущем всех причале —
Там, вдали...
Утоли мои печали.
Утоли.

Яна Кузовлева

* * *

В этом мире все так перемешано:
Враг от друга с трудом отличается,
Зло с добром в одном «тесте» замешано,
Правда с ложью порой лобызается.

Там, где жизнь, — смерть уже где-то рядом.
Где великое — там же никчемность.
Лечим словом, убить можем взглядом.
Где надежда — там есть обреченность.

Рядом с высшей поэзией — проза
Серой жизни, наполненной снами.
Красотой привлекает нас роза
И она же так ранит шипами!

Кто богатство в каратах считает,
Кто-то в памяти ценность хранит.
О душе даже тот забывает,
Кто пред Господом в церкви стоит.

Почему же понять нам так сложно:
Вечно Богу не быть пренебрегнутым!
Обрести все сокровища можно,
Но ценой — быть от Неба отвергнутым...

МЕДЛЕННО, НО ВЕРНО

Медленно, но верно иду всегда вперед,
Даже если вьюга мне в лицо метет,
Даже если грозы надо мной гремят,
Даже если слезы мой туманят взгляд.

Медленно, но верно иду, боясь свернуть,
Чтобы на неверный не сойти мне путь,
Чтобы понапрасну не растратить сил,
Чтобы не утратить тех, кто сердцу мил.

Медленно, но верно идти стараюсь я.
И волнуют душу мне тайны бытия,
И вопросов много, но один ответ:
Истинное Слово — это Божий Свет!

Медленно, но верно тернистою тропой
Я иду по жизни. Я иду домой.

СИЛА СЛОВА

Бывает, что весточку Неба
В стихах ты случайно отыщешь
И сразу не «зрелищ и хлеба» —
Духовной захочется пищи.

И даже средь ночи безлунной
Развеются вдруг все печали.
В душе заиграют те струны,
Которые раньше молчали.

И станет мир светлым и ясным.
Ответы найдя на вопросы,
Поймешь ты, что жизнь — не напрасна,
И вспомнишь прекрасные весны...

И жить так захочется снова,
Как будто мечта стала былью.
Такая вот сила у слова —
Уставшим оно дарит крылья!

СОВЕСТЬ

Словно ненаписанная повесть
Всех поступков, помыслов сердец,
Нас порою обличает совесть.
Это кара или дар Небес?

Для кого-то этот голос громок:
Слышит он души упрек немой,
Совершив проступок или промах —
Сразу же теряет свой покой.

А другой — уже тот глас не слышит
(Он любое зло себе прощал):
Что бы ни случилось — ровно дышит
Человек, что совесть потерял.

Знаем, что она — бывает чистой;
А еще — способна укорять;

И в делах раскаяться и в мыслях
(даже тайных) может заставлять.

Как маяк дана нам Духом Божьим
Совесьть, чтоб могли свой видеть путь:
Можно — жить по совести, а можно —
Навсегда дать совести уснуть.

ТЕБЯ, ГОСПОДЬ, БЛАГОДАРИЮ

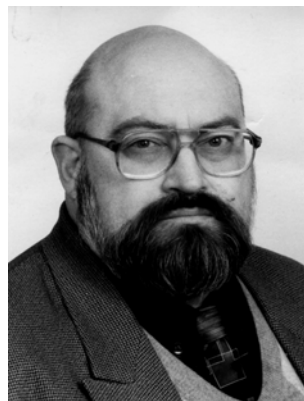
Тебя, Господь, благодарю
За этот мир, что создал Ты:
За неба алую зарю,
За звезды, что хранят мечты.

За радугу после дождя —
Ведь в ней сокрыт любви завет;
За то, что, жизнь всему даря,
Нам солнце посылает свет.

За красоту, простор степей,
Что часто наш пленяют взор;
За глубину и синь морей,
За мощь, величье снежных гор.

За то, что этот мир, любя,
В дар человеку преподнес
И, вместе с ним отдав Себя,
Ты на Голгофу крест понес.

Александр Хадарцев

ГЛАВНОМУ ВРАЧУ РОССИИ

Петелинская психбольница —
не «Сербского», не «желтый дом»,
не «кагэбэшная» темница!
Здесь — сумасшедшим сладко спится,
им главный врач, наверно, снится,
их исцеляющий трудом!

Им снится «шáбаш», или «саммит»,
и третий президентский срок,
что психи-«президенты» сами
в столовой — говорят стихами,
и вместо галстуков руками
томатный вытирают сок...

Они в больной стране не знают:
куда, зачем и как идти!
Там — без закуски выпивают,
дерутся, колются, играют,
воруют — все, но твердо знают,
что есть в Петелино пути!

Им не понять в стране «чудесной» —
кто умник? Кто пустой дурак?
Кто в Думе? Кто в психушке тесной?
А кто и там, и там известный?
Кто прокурор? Кто малый честный?
Башка болит! Нельзя же так!

Кто рассчитает степень риска,
когда «они» стреляют в «нас»?
Кто террорист? Кто гений сыска?
Кто прав защитник? Кто «редиска»?
Где Божий дар? А где сосиска?
Где бандюганы? Где спецназ?

Ответь им, главный врач больницы!
Ответь и нам, подняв бокал!
Коль Тулу не заменишь Ниццей,
а расстегаи — тощей пищей,
почто в деревни и станицы
не хлынул инвестиций вал?

Уже полвека миновало
с тех пор, как начат жизни рейд!
И тулякам понятно стало —
чтоб их нормальность не страдала,
им дорог местный запевала,
как Кречмер или Зигмунд Фрейд!

За юбилейных дней границы!
Ответов на вопросы ждет —
страна, где от инъекций — спится!
В которой не зазорно спиться!
Двойник России — психбольница,
а, может быть, — наоборот!

2006

СВАВДЕБНЫЙ ТОСТ ВНУКУ

Стареем мы — взрослеют наши внуки,
идет неумолимо смена вех.
И нет такой премудрости в науке,
чтоб полным счастьем одарила всех!

В застойных буднях прячется возможность
потери чувств, утраты нежных чар.
Вдруг заскулит нелепая тревожность,
и остывать начнет любви пожар!

Но есть у нас день подлинного счастья,
весной скрепивший радостный союз,
когда решили Алексей и Настя
вдвоем нести семьи нелегкий груз!

Не просто это! Знают, как не просто,
лишь те, кто вместе — тридцать, сорок лет!
За радость молодых грохочут тосты,
но в них всегда скрывается совет!

Дай Бог, по жизни — реже ошибаться!
Учится на оплошностях чужих!
Друг другу рано утором — улыбаться!
Не обижать родителей своих!

Пускай не покидает вас терпенье!
Пусть гнев — веселья не опередит!
Взаимное друг к другу уваженье
пускай избавит от пустых обид!

Пусть сбудутся благие пожеланья —
любви, достатка, искренних друзей!
Пусть воплотятся ваши ожидания
в счастливом смехе будущих детей!

Приходится прощаться с милым детством.
Во взрослой жизни вас удача ждет!
Чтоб вам от счастья — никуда не деться!
Назад — ни шагу! Два шага — вперед!

Здоровья вам! Родным и близким — то же!
Запомните одно: мы любим вас!
Пускай Всевышний — в трудный час поможет!
А мы поможем в каждый нужный час!

2006

ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЕ

Женщина, свободная в полете!
Вам не снится бытовая жуть!
Просто вы возвышенно живете
и не тщитесь прошлое вернуть!

Женщина, цветущая в пустыне
жизни, чувств, вниманья, наконец,—
в ветродуе холода — не стынет,
чуя жаркость дружеских сердец!

Крепко сжав до побеленья губы,
женщина струится сквозь дела,
распахнув в движенье полы шубы,
женская, прямая, как стрела!

Только жаль, недостает уюта,
сонного домашнего тепла,
ночью слезы льются почему-то,
да не те сидят вокруг стола...

Женщине, удачливой в деяньях,
на морозе жизни — горячо!
Суждено ей в долгих ожиданиях
верное, надежное плечо!

2007

ТУРНИР ПАМЯТИ ФРИЗЕНА

Застыл над сеткой волейбольный мяч
в тоске по необъятно мощной силе...
Один удар — и будет сделан матч!
Но вдруг в прыжке — движения застыли.

Как будто там, еще в немом кино,
остановились кадры бело-черные.
И досмотреть его — нам не дано,
какие бы мы не были ученые!

Идет турнир, мячи ладони жгут,
ударные меняя направления.
Ревут трибуны, но кого-то ждут
болельщики-фанаты тем не менее!

Эх, Эдуардыч! Если бы на час
ты смог вернуться к волейболу жизни!
Увидеть всех: родных своих и нас...
А мы за час — неплохо встречу сбрызнем!

Застыл над сеткой жизненных забот
гигант в душе, в работе, в мощном теле!
Твоим друзьям — тебя недостает!
Не верится, что ты в земной постели!

Листая напечатанный буклет,
нельзя представить целостность Фризена!
Он и сейчас живет с теченьем лет
и в памяти, и в сердце — несомненно!

2006

ЖЕНЩИНЕ В МЕСЯЦ КОЗЕРОГА

В год собаки, в месяц козероговый,
Прямо на кануне дня рождения,—
Новый год еще скрипит порогами,
Ан всего пять суток до Крещения!

Так же пять годов скользнули в прошлое
После юбилея отгремевшего!
Было все, но было и хорошее
В винегрете жизни перемешанном!

И ее — коллеги нынче с радостью
чествуют! И чувствуют банкетие!
Не прельщаясь славословья сладостью,
искренне желают многолетия!

Как в букете — поздравленья разные.
Цветопад — рождает настроение!
Ну, а без цветов, какие праздники?
Это просто времяпровождение!

Будет Дед Мороз еще пошаливать!
В старый Новый год он распояшется!
Будет градус жизненный зашкаливать
в день, когда поется, пьется, пляшется!

Пусть работа, в чем-то и не женская,
радует своей определенностью!
Пусть погода святочно-крещенская
навсегда соседствует с влюбленностью!

2006

СОВПАДЕНИЯ

В совпаденьях что-то кроется!
В жизни все не просто так!
День рождения и Троица —
это в завтра добрый знак!

Не случайно в наших странствиях
по морям научных бурь
все решается пространственно:
сеем истину сквозь дурь!

На Кавказе, между нами,
говорят примерно так:
дружба крепится годами,
будто звездами коньяк!

Значит, времени немало
закреплению дано,
чтобы киснуть вдруг не стало
понимания вино!

В совпаденьях все рассчитано:
даты, думы и слова!
От научных книг прочитанных
не кружится голова.

Дружба крепится доверием!
без хвалебных нот и од,
без хвалы и лицемерия
просто движемся вперед!

2005

И СНОВА ОТМЕЧАЕМ ЮБИЛЕЙ

С годами жизнь онкологов — трудней!
Но этой жизни — нет альтернативы!
В туннеле свет становится видней:
надежда есть — и пациенты живы!

Коварные латинские слова
исчезли вмиг во мраке беспредела,
когда из пепла, теплого едва,
вдруг искра света белого взлетела...

Заполыхал огонь судьбы иной,
даря здоровье, и тепло, и негу...
И рачий панцирь, сгорбившись дугой,
пропал из виду, уподобясь снегу...

Подсчитан неминуемый успех
В умах, постигших тайны мироздания!
И вместо плача слышен детский смех,
который глушит горькие рыдания!

Пускай грохочет праздничный салют!
Звонят бокалы с антиоксидантом!
Врачебный подвиг — каждодневный труд
в одном флаконе с даденным талантом!

2006

МАЛЫЕ ГОРОДА

Людмила Гайдукова

АЛЕКСИН: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В России говорят: что ни город, то норов. Это значит, что у каждого города своя судьба, своя история. Одни растут и хорошеют, в их новом, современном облике теряются низенькие домики с палисадниками, с кружевом деревянной резьбы на наличниках и фронтонах — исчезает своеобразие, лицо города. Но есть города, которые свое историческое лицо сохранили в названиях улиц и переулков, в одноэтажных деревянных домах, величественных церквях, красивых особняках.

Одним из них является Алексин. Он раскинулся на живописной холмистой местности средней полосы России. Природа щедро наградила этот уголок Тульского края. Здесь и значительные лесные массивы вековых сосен, и богатые подземные кладовые с запасами угля, известняков, минеральных вод и, конечно, красавица Ока с ее многочисленными притоками.

Берега большой среднерусской реки, сельские церкви, старинные усадьбы — живые свидетели пролетевших столетий.

Удивительна судьба этого малого города России. Основанный в самую злоторькую пору золотоордынского ига, Алексин вместе со всей страной прошел через многие испытания, не раз разрушался, но возрождался вновь. И теперь он гордо стоит, раскинувшись по обоим берегам Оки. Наряду с Москвой, Владимиром, Тулой он назван в числе исторических городов России.

Первым письменным источником упоминания об Алексине является Никоновская летопись. Летописец под 1348 г. сообщает: «...князь Темир Ординский приходит ратью ко граду Олексину святыго чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси, и посад пожже...»^{*}. Запись говорит о том, что город существовал до 1348 г. Правда, ряд известных историков к Никоновской летописи, как источнику, относятся весьма осторожно. И указанная в ней относительно Алексина дата нуждается в подтверждении. Так что исследования не закончены, продолжается работа в архивах с целью выявления новых сведений по истории нашего края.

Алексинская земля является древней обителью человека, на ее территории отмечено много ранних поселений. В пределах нашего края встречаются предметы орудий труда каменного века. Стоянки мезолита и неолита обнаружены археологами у населенных пунктов Ладыжино, Карташово, Широносово, Изволь. В районе отмече-

^{*} ПСРЛ. СПб, 1885. Никоновская летопись, с. 219.

ны и зарегистрированы поселения железного века у населенных пунктов Лукерьино, Першино, Нижнее Ламоново. К сожалению, район верхнего течения Оки, где расположен Алексин, изучен далеко не полностью. Земля еще таит в своих недрах множество ответов на вопросы о первых поселениях, об укладе жизни наших далеких предков.

В середине первого тысячелетия новой эры Окский бассейн заселяют вятичи, одно из восточнославянских племен, вытесняя живших здесь балтов и отчасти угрофиннов. Жили вятичи родовой общиной. Во главе каждой, как и у всех славянских племен, стоял старейшина рода. Основным занятием их было земледелие, но знали они и ремесла. Охота на диких зверей, рыбная ловля и бортничество были дополнительными источниками существования. В первой половине IX в. вятичи попадают под влияние хазар, которым вынуждены платить дань. Вятичи были вовлечены в круг сначала поволжской, а потом днепровской торговли. Арабские купцы стали проникать сюда с товарами и деньгами, плаывая по Каспийскому морю, Волге и Оке.

С конца XII века начинается процесс распада единого государства. Отдельные княжества ослаблялись междоусобными войнами и не могли успешно противостоять монголо-татарскому нашествию.

В 1237 г. полчища Батия, разорив Рязань, двинулись к Москве и по пути опустошили северо-восточную окраину сегодняшнего Тульского края. В течение двух лет вся северо-восточная Русь была покорена. Постоянная татарская угроза побуждала к строительству городов-крепостей, земляных городищ и укрепленных валов, за которыми прятались жители во время набегов. Тогда же в числе их как передовая крепость на западных границах небольшого Тарусского княжества и был основан Алексин. Еще раньше здесь существовало Ильинское городище — поселение вятичей, давшее начало нашему городу. С Ильинской горы на многие километры хорошо просматриваются окрестности вдоль реки, возможно, поэтому данная местность была избрана для строительства пограничной крепости.

В середине XIV в. Алексин постоянно находился в зоне повышенной военной опасности. На юге раскинулись просторы Дикого поля, где хозяйничали татары. В верховьях Оки укрепились литовцы. В 1401 г. Алексин был пожалован «в удел» и «вотчину» Серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму (двоюродному брату Дмитрия Донского, участвовавшему вместе с ним в Куликовской битве). После гибели Серпуховских князей от эпидемии чумы (1426—1427) Алексин снова оказался в составе Великого княжества Московского. Учитывая пограничное положение города, Василий II Темный при разделе княжеств между сыновьями передал Алексин старшему сыну — Великому князю Ивану III. Переход Алексина к Московскому княжеству имел большое значение для обороны юго-западных границ. Иван III, вступив на престол в 1462 г., не имел еще дела с главным врагом независимости — ханом распадавшейся Золотой Орды Ахматом.

Ордынцы подошли к Алексину 29 июля. Воевода не организовал оборону города и поспешно отступил за Оку. Защиту крепости взяли на себя горожане. Они закрылись в городе и, когда ордынцы «...начата к граду приступати крепко, гражане же из града крепко с ними бяхуся»*. В Москву весть о приближении татар к Алексину пришла на рассвете 30 июля — 150 верст гонец проскакал за сутки. Рано утром Великий князь немедленно выехал в Коломну.

Алексинцы самоотверженно продолжали сражаться с врагом. И все летописцы, описавшие бой за Алексин, отмечали героизм и мужество горожан: «...граждане храбро оборонялись и погибли много татар. Скоро, однако, нечем стало более обороняться, не осталось ни стрелы, ни копья»**, — пишет историк С. М. Соловьев. 30 ию-

* ПСРЛ. Л., 1962. Т.24. С. 193.

** Соловьев СМ. История России с древнейших времен. М., 1960.

ля татары зажгли крепость, но жители продолжали защищать свой пылающий город до последнего. А ночью 1 августа Ахмат отступил от Оки. Таким образом, жители Алексина своим мужественным сопротивлением в 1472 г. спасли великое княжество Московское от страшного опустошения, которое готовил московским землям золото-ордынский хан Ахмат.

В XVI веке правительство было озабочено организацией военных частей, которые имели бы регулярный характер. Таковыми явились стрелецкие полки. Они стояли в наиболее важных провинциальных и пограничных крепостях, в том числе и в Алексине. В период правления Ивана Грозного Алексин входил в состав «опричных земель», подконтрольных лично государю.

В экономической жизни Алексинского уезда XVI в. главную роль играло земледелие. Стали выделяться крупные помещики, владевшие большим количеством деревень и земельных угодий. Наряду с военными служилыми людьми, составлявшими большую часть жителей города, происходит рост посадского населения.

В конце XVII в. Русское государство значительно расширилось. Далеко на юг отошла его граница. Миновала для Алексинской земли угроза разорительных набегов, тревожная жизнь пограничной черты. Алексин утратил свое былое значение города-крепости, сыграв видную роль в защите рубежей и укреплении Московского централизованного государства. По указу Петра I в 1708 г., когда территория государства была разделена на восемь губерний, Алексин отошел к Московской губернии. А в 1719 г. при делении губернии на провинции, Алексин, как уездный город, вошел в Тульскую провинцию Московской губернии. Преобразования петровского периода заложили основы сословного деления городского населения и начало административного выделения купечества из посадских жителей.

После опустошительного пожара 1768 г., когда из всех городских строений уцелело только четыре купеческих дома, Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, занимавшейся планировочными работами для городов, было принято решение ввести в Алексине «регулярную» застройку. План застройки Алексина был седьмым по счету для городов русской провинции. Он составлялся в большой спешке: нужно было успеть разбить новые улицы и нарезать участки прежде, чем погорельцы построят дома на старых местах. План был составлен за восемь месяцев и 4 апреля 1769 г. утвержден Екатериной II.

19 сентября 1777 по Указу Екатерины II была учреждена Тульская губерния в составе 12 уездов, в том числе Алексинского, и в это время утверждаются гербы для губернских и уездных городов. 8 марта 1778 года был утвержден герб Алексина, разработанный графом Франциско Санти: «В червленом поле две золотые палицы Геркулесовы, накрест положенные толстыми концами вверх»*. Этот герб символизирует героическую страницу в истории города — оборону от татарских полчищ в 1472 году.

В XVIII веке Алексин — торгово-промышленный город с сильной купеческой прослойкой. Выделяются фамилии Масловых, Золотаревых, Савостиных, Азимовых. Купцы оказывали большое влияние на общественную жизнь города, их капиталы давали возможность строить каменные дома, возводить величественные храмы. Именно в это время появились такие памятники архитектуры как Свято-Никольский храм и особняк Масловых — здание, где в настоящее время располагается алексинский художественно-краеведческий музей. В 1817 г. через Алексин проезжал император Александр I и останавливался в доме купца Маслова. Там же недолго гостил и будущий император Александр II, в 1837 г. совершая большое путешествие по России вместе со своим наставником поэтом В.А.Жуковским.

Во время событий 1812 г. алексинская земля не стала местом военных действий,

* Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С.135.

но ее уроженцы принимали участие как в сражениях, так и в заграничном походе 1813—1814 гг., местное население оказывало помощь беженцам из разоренных московских земель.

Конец XIX — начало XX века в Алексине, как и в других областях Российского государства, был отмечен небывалым подъемом промышленного производства и кустарного промысла. Переживает новые времена Мышегский чугунно-литейный завод, основанный в конце XVI века братьями Мосоловыми; добывается каменный уголь; развивается стекольно-зеркальное производство; ведется добыча «тарусского мрамора» — твердой породы известняка. Сооружение в 1873—1874 гг. железной дороги положило конец волнениям местных торговцев остаться в стороне от наиболее быстрых и удобных по тому времени путей сообщения. На линии Сызрано-Вяземской железной дороги станция Алексин — Ока являлась самым крупным после Тулы рынком по обороту лесных грузов.

Культурная жизнь города тоже продолжала поступательно развиваться. В немалой степени этому способствовало расположение Алексина на живописных берегах Оки, вблизи целебного соснового бора. С конца XIX века за городом прочно укрепилась слава здравницы и популярного места отдыха. На территории Алексинского района в разное время жили, работали или приезжали на отдых писатели Вересаев, Чехов, Пастернак и Воскресенская, поэт Жуковский, художники Поленов и Левитан, композитор Скрябин, пианист Рихтер, актеры Качалов и Пашенная, основатель МХАТа Станиславский, первый русский ученый-агроном Болотов, врач-профессор, основатель отечественной гинекологии Снегирев, основоположник аэродинамического двигателя Стечкин и другие известные люди.

В духовно-нравственном воспитании, социальном служении алексинцам определили свою роль приходы действующих храмов Русской православной церкви «Успенский», «Свято-Никольский», «Смоленской Божьей Матери», Икон «Всех Скорбящих Радость» и «Взыскание погибших», женский монастырь в селе Колюпаново с храмом Казанской Божьей Матери. В настоящее время в Алексине более 130 памятников истории и культуры, пять из которых — федерального значения. На территории города и района действует четыре Святых целебных источника, несколько православных храмов, в сельской местности ряд храмов находится в стадии восстановления.

Среди литераторов XX века, судьба которых так или иначе была связана с нашим городом, необходимо особо отметить имена Зои Ивановны Воскресенской, Николая Афанасьевича Козлова, Ивана Владимировича Сотникова.

Зоя Ивановна Воскресенская

С Алексинем связана жизнь писательницы, лауреата Государственной премии и премии Ленинского комсомола Зои Ивановны Воскресенской. Она родилась 28 апреля 1907 г. на станции Узловая Тульской губернии (ныне город Узловая Тульской области) в семье железнодорожного служащего Ивана Павловича и Александры Дмитриевны Воскресенских. В 1914 году Ивана Павловича перевели в Алексин, и вся семья поселилась в небольшом «казенном» доме недалеко от леса в пристанционном поселке. Здесь же Зоя пошла в школу, после окончания которой поступила в женскую гимназию, преобразованную через полтора года в школу первой ступени.

Об Алексине у Воскресенской сохранились самые теплые воспоминания. Вот что она писала юным алексинцам в своем письме от 5 декабря 1973 г.: «Город Алексин! Ока! Душистый сосновый бор! Как памятно все это и мило сердцу. Я очень любила реку Оку и могла на берегу ее просиживать часами, в лесу каждое дерево было для меня живым существом, и каждому я давала название. Очень я любила сосновый бор, таинственный и бесконечный, что шел широкой полосой по берегу Оки. Любила ри-

совать, правда, рисовала главным образом углем, так как цветных карандашей и красок не было... В Алексине познакомилась с великим искусством театра. Увлечение театром, драмкружками, инсценировками, вечерами поэзии было большое. Ведь тогда не было ни кино, ни радио, ни телевидения. Все это заменяла наша самодеятельность, и выдумкам не было конца... В 1921 году умер от скоротечной чахотки мой отец. Мы вынуждены были уехать в Смоленск, где у моей мамы были родственники. Мы с мамой и братьями ходили прощаться в лес, на Оку. Я обняла свой любимый дуб, мама плакала: она очень любила Алексин и ее страшило будущее детей... Алексин дал мне очень много и навсегда остался в памяти как самый прекрасный уголок нашей Родины, населенный добрыми, хорошими людьми. Спасибо ему!»*

Писательским творчеством З. И. Воскресенская занялась с 1957 года. Первый ее рассказ был посвящен матери. Затем она вплотную подходит к ленинской тематике. Повести, сборники рассказов, очерки, сценарии фильмов, статьи были посвящены В. И. Ленину и его семье, Н. К. Крупской, Г. Дмитрову, событиям революции: «Сердце матери», «Надежда», «Сквозь ледяную мглу» и многие другие. В 1965 году Воскресенскую приняли в члены Союза писателей.

Спустя 55 лет, в 1977 году, Зоя Ивановна вновь посетила Алексин, который она никогда не забывала и где, по ее признанию, «формировался ее будущий писательский талант». Здесь она встречалась со школьниками и жителями города, рассказывала о своей работе и вновь прошла по знакомым и дорогим с детства улицам Алексина. Умерла она в 1992 году на своей подмосковной даче в Переделкино.

Николай Афанасьевич Козлов

Писатель Николай Афанасьевич Козлов родился 5 декабря 1912 года в Ялте. В 20-е годы он вместе с матерью приезжает в Алексин, на ее родину.

Учеба и упорная самостоятельная работа с книгами выработали у Н. Козлова творческую самобытность художественного мышления. Ранние литературные опыты Ивана Афанасьевича относятся к военному времени, но первые успехи пришли в послевоенные годы с опубликования романа «Огни», посвященного важным переменам в жизни страны в 50-е годы. Роман был опубликован в 1956 году. Вскоре Н. Козлов переезжает в Орждоникидзе (на родину жены). Там во всю ширь раскрылись творческие возможности талантливого прозаика и драматурга, в 1957 году ставшего членом Союза писателей СССР.

Перу Николая Афанасьевича Козлова принадлежат романы и повести «Солнце над Кряжами», «Инженер», «Августовское зарево», «Жаркое лето» и другие, несколько пьес, шедших на сценах театров страны, сборники рассказов, публицистические выступления, театральные рецензии.

«...Я часто, в старости своей, думаю об Алексине, где состоялась моя молодость,— писал Николай Афанасьевич.— Вернуться бы на эти окские милые места, в алексинский бор, пройти еще хоть раз по Советской улице — и вспоминать, вспоминать юность, молодость, все что было потом — радости и тревоги, любовь и разлуки... А ведь все это было... И я вспоминаю об этом ушедшем, невероятном с радостью и благодарностью за то, что это было»**.

Н.А.Козлов умер в 1989 г. Еще при жизни он был награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и другими правительственными наградами.

*Архив АХКМ, оп. 1, д. 50. Воспоминания З. И. Воскресенской.

**Архив АХКМ, оп. 1, г. SG.

Иван Владимирович Сотников

Иван Владимирович Сотников родился 12 февраля 1908 года на станции Скуратово (ныне Чернский район Тульской области) в семье железнодорожника. С 1928-го по 1931 год И. В. Сотников работал инспектором отдела народного образования в Алексине, здесь же до 1937 г. работал в редакции районной газеты «Знамя Ильича», с 1937-го по 1941 г. был директором средней школы.

Время пребывания в Алексине было годами напряженной работы писателя в области культурного строительства, борьбы за сплошную грамотность района. О людях культурного фронта им была написана книга-репортаж «В атаку» (1933). Много его очерков и статей было опубликовано в те годы в газетах Тулы и Алексина.

В 1960 году И. В. Сотников закончил военную службу, ушел в запас в звании полковника и посвятил себя литературной деятельности. Большинство его книг о войне: «Корсунское побоище», «Оружие чести», «Сильнее огня», «Днепр могучий» и другие. Долгое время И. В. Сотников работал консультантом Союза писателей Башкирии. С 1960-го по 1988 г. жил в Уфе, умер в 1988 году.

Литературная жизнь города

Сейчас литературная жизнь нашего города продолжает свое развитие в духе нового времени, отличительными чертами которого являются творческий союз представителей разных поколений, а также поиск новых форм взаимодействия авторов и читателей.

Начать небольшой обзор современной литературной жизни Алексина хотелось бы рассказом об истории нашего литературного объединения.

Объединение литераторов города Алексина действует уже порядка 60-ти лет и включает в себя людей, всерьез увлеченных литературой и искусством. Французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери сказал, что самая большая роскошь на свете — это роскошь человеческого общения. И своей многолетней историей существования алексинское литературное объединение подтверждает, что люди в нашем городе не чужды именно общения творческого.

Литературное объединение в Алексине было организовано при редакции газеты «Алексинские вести» (до известных событий 90-х годов она называлась «Знамя Ильича»), и долгое время им руководил Кузьма Гаврилович Чеботарев. Одним из старейших и активнейших участников являлся Федор Андреевич Ушаткин. Его чудесные стихи и поэмы увидели свет в книге «Над рекой Окой».

Среди представителей старшего поколения алексинских литераторов необходимо особо отметить имя Милицы Валентиновны Стрельниковой — поэта и переводчика. В 70-х годах она стала лауреатом Всесоюзного конкурса на лучший перевод с древнерусского «Плача Ярославны», объявленного московской газетой «Неделя». Милица Стрельникова является автором замечательных переводов с испанского стихотворений Федерико Гарсиа Лорки, ее собственные стихи необыкновенно светлы и лиричны.

Среди алексинских поэтов широко известны имена Александра Комарова, Виктора Кабанова, Анатолия Камаева, Ларисы Одинцовой, Розы Бобровой-Нарышкиной, Владимира Овечкина, в настоящий момент являющегося редактором газеты «Призыв».

Сейчас объединение алексинских литераторов собирается при Городской библиотеке № 1 (ул. Героев Алексинцев, д. 7) и возглавляет его поэт и прозаик Александр Кураев. Текст его песни «Солнце встает над Окою» на музыку Сергея Дубровина с 1998 года стал считаться гимном города Алексина. Кроме того, Александр Кураев выступает инициатором вот уже Третьего фестиваля поэзии, проводящегося

среди авторов города и района раз в два года. Последний из них состоялся 18 ноября 2006 года в читальном зале Городской библиотеки № 1.

Продолжая краеведческую тему, необходимо рассказать о том, что год 1998 был признан юбилейным для Алексина: в этом году исполнилось 650 лет со времени упоминания нашего города в Никоновской летописи. Одним из праздничных мероприятий, проводившихся в рамках общегородских торжеств, стал конкурс на лучшее литературное произведение, посвященное родному краю. Более десятка местных литераторов прислали в редакцию газеты «Алексинские вести» свои поэтические опыты, воспевающие природные красоты любимого города, рассказывающие о его многовековой истории, ратных подвигах, героическом труде его жителей. По итогам конкурса был издан юбилейный сборник «Глядится в воды окские Алексин» под редакцией Александра Кураева.

В последние годы литературная жизнь города заметно оживилась, благодаря участию в ней молодежи. В 2004 году Людмила Гайдукова организовала в Алексине молодежное литературное объединение «Алмаз», открывшее дорогу творчеству новых авторов. Имена Натальи Мельниковой, Ольги Павловой, Екатерины Мишиной, Ирины Леоновой, Дмитрия Покровского во многом стали известны благодаря алмазовскому сборнику «Когда земля открыта». Позднее, в 2006 году, Ольга Павлова продолжила славную традицию открытия новых имен в организованном ею сборнике «Встреча поколений».

Среди молодых поэтов Алексина, несомненно, заслуживает внимания творчество Виктора Фролова. Его стихи необычны, ярки, экспрессивны.

Особенной мелодичностью и музыкальностью отличаются произведения Натальи Мельниковой — призера III алексинского фестиваля поэзии, автора сборника стихов «Напевы».

Невозможно не отметить творчество поэта и барда Анатолия Рязанцева, у которого, помимо сборника «Мои берега», вышло два сольных альбома песен. По итогам общероссийского фестиваля песни пожарных и спасателей, посвященного 15-летию МЧС России, в 2005 году был выпущен диск, в который вошла «Песня спасателя» — сл. и муз. А. Рязанцева.

Среди «поющих поэтов» в Алексине также известны имена Владимира Федоровича Завещевского — знаменитого композитора, расцвет творчества которого пришелся на 70-е годы; Алексея Бойко — журналиста и телеведущего; Сергея Яцурина — автора и исполнителя собственных песен.

Представители разных поколений алексинских литераторов активно публикуют свои произведения на страницах местных газет («Алексинская городская», «Алексинские вести», «Призыв»); участвуют в литературных проектах областного масштаба, организованных различными литературными объединениями г. Тулы; выпускают свои сборники стихов и прозы. Большое внимание уделяется непосредственному контакту авторов с читателями. Это выступления в различных учебных и воспитательных организациях, участие в общегородских мероприятиях, презентации новых сборников. Здесь находится место и творческим экспериментам.

В 2005 году Екатерина Мишина выступила инициатором и организатором телевизионного проекта «Литературная гостиная», посвященного презентации творчества алексинских поэтов и бардов. Было снято несколько передач этого цикла. А совсем недавно — осенью 2006 года — на экраны местного телевидения вышла получасовая передача, построенная на краеведческом материале и посвященная осени. Инициатором проекта выступил Клуб любителей авторской песни. Эта лирическая литературно-музыкальная постановка органично объединила в себе виды осеннего Алексина со стихотворениями местных поэтов, авторскими песнями наших бардов, картинами алексинских художников. Подобный проект, сочетающий творчество в различных

областях искусства, явился для нашего города, несомненно, новаторским. Среди зрителей он вызвал множество положительных откликов.

К новаторским проектам следует отнести и литературный конкурс «Алексинский фантаст 2006», организованный Людмилой Гайдуковой в октябре-ноябре этого года. Конкурс был проведен в городском масштабе без учета возраста участников. В ходе него выяснилось, что авторов, творящих в фантастическом жанре, в Алексине достаточно, чтобы сделать подобные конкурсы ежегодными. Кроме имен, уже известных в литературной среде города: Виктор Фролов — победитель в номинации «Поэзия», Тамара Дик, Александр Кураев,— прозвучали имена молодых, талантливых авторов: Ксения Сорокина — победитель в номинации «Проза», Яна Ведмедь, Варвара Рошка, Сергей Лысенков.

Нельзя обойти вниманием и участие молодых алексинцев в литературных интернет-конкурсах. Стремительно развивающиеся технологии заставляют искать все новые пути для творческого самовыражения, а участие в литературных сетевых проектах — это один из путей к повышению профессионального мастерства и обретению опыта творческого общения.

Помимо тесных творческих связей с различными тульскими литературными объединениями, алексинские поэты активно налаживают связи с другими городами посредством участия в сборниках и конкурсах. В 2005 году по итогам Конкурса поэтических произведений о родном крае, объявленным московским журналом «Литклуб», наши авторы показали настолько хорошие результаты, что жюри конкурса приняло решение провести отчетный концерт в Алексине. В апреле 2006 года местные поэты встречали гостей из столицы и вместе с ними участвовали в серии литературно-музыкальных вечеров на территории города и района.

Конечно, этот небольшой обзор не может вместить рассказа обо всем, что происходит в литературной жизни Алексина. И не выразить сухими словами очерка всю любовь, всю трепетную нежность, что вкладывают наши поэты в стихотворения о родном городе. Поэтому на прощание хочется привести отрывок из стихотворения Анатолия Рязанцева «Алексин»:

*...Не знаю, что это за нить,
Не знаю, что это такое,
Но я не в силах объяснить
Это родство с моей Окою.
Идут дожди, идут снега,
Лежат на сердце, словно меты,
Твои, Алексин, берега,
Как полушария планеты.*

При составлении исторического очерка использовалась книга В. М. Пономаревой «Алексин», Тула: «Пересвет», 1998.

НАШИ СОСЕДИ

Татьяна Залазина
(г. Серпухов)

ПУТЬ К СВЯТЫНЯМ

*Я признаюсь тебе в любви,
Земля отцов,
Земля родная.
Зачем просить мне —
«Позови!» —
Частица я твоя земная.*

Серпухов — город областного подчинения. Центр Серпуховского района расположен в 99 км к югу от Москвы на шоссе Москва — Симферополь. Железнодорожная станция «Серпухов» находится на линии Москва — Тула, речной порт — на левом берегу Оки при впадении в нее реки Нары.

Первое упоминание о городе в 1338 г. связано с именем Ивана Калиты.

Древняя часть города располагалась на высоком мысу при слиянии реки Серпейки с Нарой. Здесь уцелели фрагменты белокаменных стен кремля, Троицкий собор.

Ныне Серпухов занимает площадь 3260 га. На территории города проживает 137 тыс. населения, в районе — 175 тыс.

Серпуховской район расположен на южной границе Московской области с Калужской и Тульской областями.

Мне хотелось поведать вам об этой исторической части моего дорогого и любимого города с его возникновения. Только архивы и те необыкновенные люди, преданные своему делу, сохранили до нас историю нашей родины. Хочется выразить глубочайшую благодарность Шилову В. В., Сущевой А. Н., Соломатину Ю. В. а также сотрудникам Серпуховского историко-художественного музея за предоставленные материалы.

Без истории нет будущего...

Южная часть площади Ленина

В южной части бывшей торговой площади (ныне пл. Ленина) выделяется комплекс зданий, внешний вид которых свидетельствует о том, что они, здания, представляют собой законченный архитектурный ансамбль конца XIX в., состоящий из

построек второй половины прошлого века. Это здание с востока и с запада. Этот комплекс замыкают здания трактира «Русь» и почты, между которыми расположен достаточно безликий двухэтажный корпус, занимаемый городскими службами.

Объекты зданий трактира и почты одинаковы, также одинаково решены их фасады: количество, размер окон, пилястр, очень скромный декор.

Меньшая по высоте двухэтажная постройка соединяет два этих здания, делая всю цепочку их единым комплексом с рядом одинаковых окон первого этажа. Все это свидетельствует о едином решении строительства этого комплекса и общего их назначения (на что ранее внимания не обращалось).

В справке, посвященной истории здания и бытования трактира «Русь» (1998 г), отмечалось, что процесс застройки торговой площади по плану 1780 г. начался лишь во второй четверти XIX в. и продолжался на протяжении нескольких десятилетий.

Подтверждают эти сведения архивные материалы СИХМ и карта-план города от 1852 года. К этому времени место, где находится интересующее нас здание было незастроенным, что связано со сложностями рельефа и, главное, отсутствием средств у городских властей. В 60-80 гг. XIX века нижняя часть периметра торговой площади застраивается, но без оглядки на планировку зданий и декор их северных частей торговых рядов, сохраняя лишь их внешний облик.

В конце XIX в. в городе насчитывалось до 40 трактиров, харчевен и чайных, обслуживавших горожан и разных приезжих господ. Поток приезжих возрастал в дни ярмарок, основным местом проведения которых являлась торговая площадь с ее множеством магазинов, лавок и амбаров, расположившихся в здании торговых рядов в середине площади и по ее периметру. Остро стояла проблема размещения приезжих купцов и помещиков, посещавших город с деловыми целями, а также лиц, проезжавших через город с юга в Москву, Петербург и из столиц в южные губернии. Здание трактира «Русь» находится на одном из самых оживленных в городе мест — южном въезде с Московской улицы на торговую площадь. Документы подтверждают факты остановки в этом доме многих видных лиц, проезжавших через город. Поскольку все трактиры одновременно являлись и гостиницами, имевшими комнаты для приезжих — «номера», в здании трактира «Русь» они тоже имелись на втором этаже. По имеющимся архивным материалам и натурным обследованиям первоначального здания на линии почта — трактир «Русь» были двухэтажными (об их виде можно судить по карнизу, располагающемуся между этими двумя зданиями). Первый этаж был занят лавками, помещениями для обедов, второй был занят номерами.

В конце XIX в. кардинально перестраиваются два объекта этого длинного здания — теперешний трактир «Русь» и почта. Была произведена перепланировка помещений на обоих этажах, значительно поднята высота потолков, благоустроены помещения второго этажа, где жили проезжающие, причем в здании почты залы второго этажа сдавались под проведение различного рода мероприятий и торжественных обедов, свадеб, сословных собраний и т.д.

С южной, т.е. дворовой, части с начала XIX в. располагались хозяйственные постройки, конюшни, склады, помещения для прислуги, кучеров.

Средняя (между зданиями почты и трактиром) часть здания, неоднократно подвергавшаяся внутренней перепланировке, внешне сохранила свой облик до наших дней. В ней останавливались люди попроще, а также жили бедные чиновники.

Растущая деловая активность города и увеличивающийся поток приезжающих заставили владельцев трактира в начале XIX в. построить еще одно здание для гостиницы на Московской улице, отделенной от трактира проездом. Это единственное подобной архитектуры здание в городе интересно тем, что две выступающие по его фасаду боковые части соединены балконом, накрывавшимся в жаркие дни тентом,

как это было принято и в 20-х гг. нашего столетия, когда этот дом был занят постоянными жильцами. Оно, это здание, строилось специально для размещения более «чистой» публики: приезжавших в город чиновников, богатых купцов.

Здание замыкало с востока весь ансамбль дворовых построек и зданий по линии почта — трактир, выражаясь современным языком, торгово-гостиничный комплекс южной части торговой площади.

Владельцами трактиров, лавок этого комплекса являлись в разные времена разные серпуховские купцы. С 1921 г., с началом нэпа, в здании трактира находилась частная чайная, а затем с конца 20-х гг. общественная столовая. Тогда же была перемещена с нынешней улицы Аристовой в нынешнее здание почта, а в корпус между этими зданиями — различные городские учреждения и большая часть Дома крестьянина (колхозника).

Существующий с 1995 г. трактир «Русь» в историческом здании бывшего трактира и столовой — наилучший пример использования возрожденного функционального назначения в общественных целях постройки прошлого века, который показывает путь для реформирования и других зданий южной части Торговой площади применительно к нуждам нашего времени, в частности устройства гостиниц, которых в городе явно недостает для развития туризма.

В конечном счете, изменение профиля использования этого комплекса значительно оживит исторический центр Серпухова.

Южная часть старого Серпухова

Южная часть старого Серпухова от площади Ленина (до 1920 г. — Торговая или Главная) до Иверской часовни (по левому берегу р. Нары) начала застраиваться по регулярному плану 1780 г. несколько позже, чем северная, которая и была, собственно, средневековым Серпуховом. Южная же часть до начала XIX в. представляла собой несколько поселений — слобод, разделенных участками незастроенной земли и садами. Самым южным здесь было сельцо Мироносицкое, принадлежавшее до 1649 г. Высоцкому монастырю.

В середине XIX в. эту часть города составляли три большие улицы: Калужская, Московская (ныне 2-я Московская) и будущая Фабричная (ныне ул. Чехова), отделявшая, собственно, город от деревни Заборье и нескольких перпендикулярных улиц и переулков, частично сохранивших свои названия.

Основной магистралью города являлась Московская улица, южная часть которой начиналась от бывшей Торговой площади и после небольшого поворота в ее начале (у больницы им. Семашко) уходила прямой линией на юг к берегу Оки.

На плане города 1852 г. самой застроенной выглядит улица Московская, на ней стояло 27 каменных зданий, 14 с каменным первым этажом и 22 деревянных. На Калужской было 5 каменных построек, на будущей Фабричной — ни одной. Весьма редкая застройка была и на других улицах этой части города.

Теперешний вид улиц южной части города резко отличается от бывшего 150 лет назад. Менее половины зданий — деревянные, в основном дома бывших серпуховских мещан и торговцев, ремесленников. Крупное и среднее купечество во второй половине XIX — начале XX в. возводит здесь десятки одно- и двухэтажных зданий, не отличавшихся большими архитектурными достоинствами, но наиболее соответствовавших достатку и вкусам серпуховских обывателей. Как правило, двухэтажные здания имели двойное значение: первый этаж был занят лавками и складами товаров, второй — был жилым. Застройка конца XIX — первой половины XX в. сохранилась как типичная для подмосковного уездного города.

Дома в этой части города принадлежали, как правило, старым серпуховским фа-

миллиам: Мазуриным, Шибаетым, Шиловым, Лизгуновым и др., оставившим известный след в истории города.

Здесь было, в отличие от северной части города, значительно меньше промышленных предприятий, как и сейчас. Наиболее значительными были полотняная мануфактура Кишкиных (XVIII в.), В XIX в. — лесопильни Шибаетых, чугунолитейный завод Варгина, красильни Ереминых, Беляева. Зато внутри кварталов было много садов, а население промышляло и огородничеством.

Была в этой части города и своя небольшая площадь в форме ромба, где стояли две церкви Жен Мироносиц.

Московская улица, проходящая по кромке высокого берега р. Нары, имела в этой части города одну особенность — через улицы и переулки ее можно видеть правый живописный берег р. Нары, Владычный монастырь, старый сосновый бор. Особенно хорош этот вид на берега Нары, долину р. Оки с площадки на месте бывшей Мироносицкой церкви и замечателен весной, когда разлив реки Оки и Нары превращает пространство между реками и долину Нары в одну водную гладь.

Начинать экскурсию или прогулку по этой части города удобнее всего с бывшей торговой площади, находящейся на одной из возвышенностей старого Серпухова. Площадь строилась по регулярному плану 1780 г., но средства на возведение построек были выделены губернскими властями лишь в 1822 г., а строительство велось до 1860-х гг., поэтому вся площадь и ее постройки решены в формах позднего классицизма.

Лишь к середине XIX в. были построены торговые ряды в северной части площади. Затем по проекту архитектора Д. Ф. Борисова в центре площади возведен Гостиный двор и почти по всему периметру площади завершено строительство двухэтажных рядов, оформленных аркадами и пилястрами. Внутреннее пространство рядов состояло из крытой галереи, лавок и складов.

Гостиный двор — квадратное в плане здание, двухэтажное. Основной архитектурной темой здания, четырех его фасадов является монументальная аркада, объединяющая оба этажа, постройки. В целом, архитектура двора — поздний классицизм. В северной части здания было двое ворот, ведущих во внутренний двор, в котором хранились товары.

Торговать в лавках Гостиного двора могли себе позволить достаточно богатые серпуховские купцы. В торговых рядах и Гостином дворе велась торговля практически всеми товарами, как привозимыми в город, так и изделиями местной промышленности, которая была представлена тканями и сукнами серпуховских фабрик Коншинных, Сериковых, Рябовых, Каштановых, продуктами питания. Самыми разнообразными были привозные товары — от женских украшений до книг, которыми вел торговлю известный фотограф и издатель И. Улитин.

На самой площади происходили три еженедельных торга и три ярмарки в году, на которых продавались хлеб, скот, холсты, сукно, пряжа, сено, кожа и т.д.

В южной части площади сохранился корпус торговых рядов середины XIX в., заключенный между двумя зданиями конца XIX в. Одно из них, выходящее на ул. Московскую, ныне занимает самый известный в городе ресторан-трактир «Русь», славящийся своей кухней и пивом собственной варки не только в городе. Трактир «Русь» возрожден в начале 90-х гг. с гостиницей, в которой останавливались многие известные люди, проезжавшие через Серпухов.

Часть рядов в восточной части площади была перестроена в многоэтажное здание городского дворянского собрания, а рядом находится уцелевшая часть сада одной из городских усадеб XIX в.

Площадь приобрела нынешний вид после многочисленных перестроек торговых рядов, Гостиного двора. В ее ансамбль хорошо вписались два здания в стиле модерн начала XX в. и две эпохи конструктивизма конца 20-х гг. прошлого века.

В советское время площадь утратила храм Александра Невского 1882 г., были разбиты скверы, построена автостанция, кинотеатр, поставлен памятник В. И. Ленину.

Торговая площадь Серпухова — яркий пример архитектурного решения большой площади эпохи позднего классицизма.

Улицы, отходящие от площади, дают возможность увидеть достаточно интересные постройки на параллельных Московской улицах.

Наиболее замечательной постройкой южной части Калужской улицы является единственная сохранившаяся в городе усадьба эпохи классицизма на пересечении Калужской улицы и улицы Аристова. Построена в начале XIX в. купцом Солодовниковым.

Ансамбль усадьбы включает двухэтажный дом, выстроенный покоем с одинаковым решением фасадов, выходящих на улицы, но средняя часть фасада по Калужской улице имеет пилястровый портик с фронтоном, а на втором фасаде фронтон заменен аттиком с карнизом.

Архитектура двух жилых флигелей скромна, что и следовало при их подчиненном положении в ансамбле, как и одноэтажной конюшни. Уличные ворота усадьбы имеют симметричную композицию с декором из белого камня.

Дом, сменивший несколько владельцев, был в 1873 г. передан гр. М.Ф. Соллогуб благотворительному обществу для приюта и училища девочек, просуществовавшего до 1918 г.

Ныне дом занят медицинским училищем.

Рядом с усадьбой здание уездного училища, построенное в 30-е гг. XIX в. в стиле позднего классицизма, сейчас детская художественная школа им. А.А. Бузовкина.

Ниже по Калужской улице находится усадебный дом серпуховских промышленников Кишкиных, настоящий дворец, построенный в середине XVIII в., явно столичным архитектором, равного этому зданию в городе не было до конца XIX в.

Дом решен в формах барокко. Грандиозность и целостность архитектурного решения выдает в его создателе незаурядного зодчего. Ведущие производители парусного полотна в городе того времени, Кишкины могли привлечь значительные средства для строительства лучшей в городе усадьбы.

Усадебный дом, построенный до перепланировки города, сохранил свое композиционное значение и после прокладки новой сетки кварталов. Он был поставлен в глубине большого двора и фланкирован двумя флигелями, выходящими на красную линию улицы, сейчас до неузнаваемости перестроенными.

Трехэтажное здание имеет симметричную сложную объемно-пространственную композицию, свойственную эпохе барокко.

Первый этаж его сохранил коробовые и лотковые своды, два верхних этажа имеют анфиладное строение залов с уникальной лепниной. Фасады XVIII в. сохранились лишь на первом этаже, верхние в начале XIX в. получили ампирный декор.

В центральном ризалите дома был большой парадный зал с лепниной в виде причудливых композиций из орнамента и фигур, декор помещений не повторялся.

В начале 80-х гг. XVIII в. здание и усадьба были переданы Кишкиными за долг казне (в этот период они испытывают значительный спад производства), и в доме на протяжении ста лет размещались все городские и уездные учреждения, которые не смогли занять собой весь дом, часть помещений использовалась под склады или пустовала.

Новым владельцем дома в 80-е гг. XIX в. стало тюремное ведомство. В 1890 г. парадный зал был переделан в церковь, к западному фасаду пристроили колокольню.

Основное архитектурное значение перешло к восточному фасаду, который замыкает перспективу Красноармейской улицы (бывшего Кишкинского проезда).

С Кишкиными в этой части города связано еще три здания. Это ткацкий корпус

середины XVIII в. и парусиновой фабрики две «складские палатки». Находятся они между Калужской и 2-й Московской улицами на территории больницы им. Семашко. Когда-то в комплекс фабрик входили три производственных здания и складская зона из каменных и деревянных помещений. Это уникальный ансамбль памятников промышленной архитектуры середины XVIII века.

Прямоугольное кирпичное двухэтажное здание на белокаменном цоколе сохранило внутреннюю планировку из больших помещений. Фасады были решены в приемах «плоскостного барокко».

Складские палаты, прямоугольные здания на высоких сводчатых подлетах, перекрыты лотковыми сводами, декор — угловые лопатки и карниз из тройного поребрика.

На мануфактурах Кишкиных в 60-е гг. XVIII в. производилось до 40 % серпуховского полотна, затем после целого ряда перепитий Кишкины выбывают из серпуховского купечества.

Вернувшись на Московскую улицу, можно осмотреть впечатляющий ансамбль зданий больницы им. Семашко. Эти несколько зданий занимают не менее половины большого квартала и в этой части города являются самым значительным архитектурным комплексом.

Начало XX в. характерно для России всплеском гигантских пожертвований русских купцов и промышленников на дело благотворительности, особенно в городах Центральной России. В Серпухове этот феномен благотворительности оставил по себе несколько архитектурных памятников. Одним из них является ансамбль на улице Московской.

В 1901 г. в Москве скончался купец 1-й гильдии Гавриил Гаврилович Солодовников, мануфактур-советник, почетный гражданин, владелец Пассажа на Кузнецком мосту. Он оставил по завещанию на благотворительные цели 2 014 000 рублей, более миллиона — на строительство родовспомогательного приюта в г. Серпухове, города, где предки Г. Г. Солодовникова жили с XVIII в. Городская управа с благодарностью приняла этот дар, и уже в 1904 г. был заложен приют, строительство и отделка зданий которого было завершены к 1908 г. Оставалось лишь поставить в корпусах медицинское оборудование, завезти мебель, набрать персонал. Но из-за споров и несогласий среди душеприказчиков Г. Г. Солодовникова обустройство приюта затянулось до начала Первой мировой войны, в уже отделанных корпусах разместился лазарет.

В 1919 г. эти здания были заняты Полевым штабом Южного фронта, которым осуществлялось руководство отражением похода белых армий Деникина на Москву. В этот период в Серпухове бывали и подолгу работали в штабе Л. Троцкий, И. Сталин, А. Егоров и другие видные военачальники Гражданской войны. В основном здании комплекса, где размещались службы штаба, был подписан приказ о создании 1-й Конной армии С. Буденного.

Основной корпус комплекса выстроен буквой «Г» по Московской и Театральной (бывшая Кишкина) улицам. Двухэтажные крылья здания соединены монументальным приемным покоем. Декор фасадов выполнен в стиле неоклассицизма. В глубине квартала стоят двухэтажное здание, предназначенное для врачей (первоначально), и четырехэтажный корпус для обслуживающего персонала, а на углу Театральной и Калужской улиц — часовня. Вся территория комплекса была обнесена кованой металлической оградой, в которой заключались пять зданий приюта. Перед входом в основное здание в начале 90-х гг. XX в. установлена скульптура воина-освободителя работы скульптора Е. В. Вучетича — авторская модель памятника в берлинском Трептов-парке.

По пути на юг по Московской оставляем стоящую напротив больницы пожарную часть, которая в начале XX в. была увенчана высокой каланчей.

Интересен дом № 20 по Московской улице — типичный городской особняк сере-

дины XIX века — образец позднего классицизма: одноэтажное строение с мезонином и скупым декором по фасаду.

Далее среди застройки, довольно невыразительной, выделяется двухэтажное здание на углу Московской улицы и пер. Чехова. Дом в стиле неоклассицизма был построен в 10-х гг. XX в. фабриканткой А. А. Мараевой для одной из своих дочерей, вышедшей замуж за купца Уфимцева.

По Большому и Малому Высоцким переулкам можно дойти до Высоцкого монастыря, стоящего на высоком берегу р. Нары. Он был основан в 1374 г. серпуховским удельным князем Владимиром Андреевичем, выдающимся политическим и военным деятелем второй половины XIV в. по благословию Сергия Радонежского на избранном им месте. После победы русской рати на Куликовом поле в 1380 г. в монастыре возводятся каменные собор Зачатия и Покровская церковь. Монастырь, занимавший видное место в системе береговых укреплений на р. Оке, пользовался особым вниманием и поддержкой русских царей и знати. Здесь трижды бывал царь Иван Грозный, позднее Борис Годунов, Василий Шуйский. Большие вклады и льготы, даваемые монастырю, способствовали активному каменному строительству, особенно после пожара и разорения крымскими татарами в 1571 г. После этого были перестроены храмы монастыря и заложена основа существующего комплекса. К 1763 г. основные здания обители были каменными.

Главный храм — Зачатьевский собор принадлежит к крестово-купольным, четырехстолпным, увенчан пятиглавным храмом конца XVI в. Приемы его декорирования позволяют отнести храм к годуновскому времени. С трех сторон он окружен двухъярусными сводчатыми галереями. В XVII—XVIII вв. были переложены своды собора и барабана с главами, а также окна. С северо-востока к собору примыкает одноглавый Рождественский придел начала XVII в.

Сергиевская церковь занимает верхнее помещение трехэтажного здания у юго-восточного угла собора. Нижний подклетный этаж — Никольская церковь, во втором находилась ризница. Вся постройка — одноглавый храм в форме четверика.

Здание Покровской церкви с трапезной в XVI—XVIII вв. неоднократно перестраивалось, и теперь это — конгломерат разновременных построек: в подклетном помещении — службы и трапезная XVI в., одноглавый четверик храма с прямоугольным алтарем выстроен в конце XVII в. на средства бояр Нарышкиных, Северный Похвальский придел с трапезной XVII—XIX в. Наружная обработка здания характерна для классицизма.

Надвратная церковь — колокольня Трех святителей — построена в 1840 г. Здание трехъярусное в стиле классицизма, отдельные элементы сохранили барочную интерпретацию. Основное здание с проездом святых ворот обработано в формах дорического ордера. Храм — один из лучших памятников классицизма в Серпухове.

Настоятельный корпус — образец жилого здания середины XVII в. Принцип устройства в самостоятельном объеме и сводчатом перекрытии обнаруживает традиции допетровского времени.

Корпус келий 1839 г. лишен декора, но пропорции и рисунки карнизов и окон несут черты классицизма.

Стены и башни монастыря кирпичные на белокаменном фундаменте, сооружены они на вклад царя Алексея Михайловича 1864 г. Стены с четырьмя многогранными угловыми башнями имели тон яруса боя и машикули. К настоящему времени сохранились две башни и половина стен.

Всехсвятская церковь выстроена в 1896 г. по проекту архитектора Р. И. Клейна как усыпальница фабрикантов Коншиных. Архитектура здания — яркий пример стилизации с широким использованием псевдовизантийских и псевдороманских мотивов.

Монастырь просуществовал до 1929 г., когда был закрыт, монахи разогнаны,

имущество расхищено. Лишь в 1991 г. здания монастыря были переданы церкви. Началось возрождение обители и сейчас ее храм и святыни, главной из которых является икона Богородицы «Неупиваемая чаша», привлекает тысячи паломников со всей России. Монастырю возвращено значение русской православной святыни.

Небольшая часовня Иверской Богородицы находится в самом конце Московской улицы. Такие часовни ставились, как правило, при въезде и выезде из русских городов.

Повернув назад от Иверской часовни, можно по улице Чехова подойти к зданию Серпуховского историко-художественного музея, расположенного в бывшем особняке фабрикантов Мараевых. Он был построен в 1896 г. тем же Р. И. Клейном, соединившем в эклектическом стиле несколько разновременных зданий в одно, отделав интерьеры в стиле псевдоклассицизма. В основе музея коллекции А. В. Ураевой, староверки, купившей у камергера Ю. В. Мерлина часть его собрания западноевропейского искусства, а также интересное собрание памятников духовной культуры старообрядчества. В собрание музея вошли некоторые предметы из монастырских храмов, имений серпуховского уезда.

Существующая экспозиция музея включает два отдела: русского искусства XVI—XIX вв. и отдел западноевропейского искусства XVI—XIX вв. В собрании музея — работы И. И. Шишкина, В. Д. Поленова, И. К. Айвазовского, А. И. Саврасова, В. В. Васнецова, И. И. Левитана, скульптура раннего В. Т. Коненкова и западноевропейских мастеров голландской, итальянской, французской и других школ XVI—XIX вв.

Рядом с музеем стоит здание старообрядческой Покровской церкви, построенной в 1910 г. архитектором М. Г. Пиотровичем.

В 1912 г. он же спроектировал и построил богадельню при храме. Безалтарный храм выстроен в духе московской посадской архитектуры XVII в.

Проходя далее по ул. Чехова к центру города? обязательно стоит зайти в городской парк им. Героя Советского Союза Олега Степанова. На месте парка в XIX в. находились винные склады и сараи для хранения товаров, привозимых в Серпухов для продажи. В конце века на их месте был разбит общественный сад с павильонами, беседками, прудом, ставший излюбленным местом отдыха горожан. Здесь по вечерам играл военный оркестр, устраивались соревнования спортсменов, работали читальни, бильярд.

В начале 50-х гг. XX в. в парке был построен кинотеатр «Центральный» по проекту архитектора Уманского. В настоящее время парк реконструируется.

Напротив парка на углу улиц Чехова и Театральной — здание городского театра, построенное в начале XX в. актером А. А. Говоровым для выступления столичных и провинциальных трупп. Сюда приезжали с гастролями актеры Московского художественного и Малого театров, демонстрировались первые в городе кинофильмы. Театр — один из культурных центров города — был построен на средства купца Малаховцева.

Отсюда до старого центра города по улице Чехова идет типичная провинциальная застройка.

От редакции. Залазина Татьяна Витальевна является руководителем фирмы «Русь», организатором в г. Серпухове туристического-гостиничного комплекса и системы централизованного школьного питания. В 2002 году защитила кандидатскую диссертацию, знает проблемы «диабетического семейного уклада жизни». По собственному многолетнему опыту, по базовому образованию — педагог, экономист. Она известна широкому кругу общественности по проблемам развития православного паломничества, внутреннего подмосковного туризма.

В Залазиной Т. В. гармонично сочетается образ способного, энергичного предпринимателя и обаятельной женщины, имеющей широкий круг интересов. Является инициатором и участником научно-практических конференций по проблемам диетического и диабетического питания.

У НАС В ГОСТЯХ

Геннадий Иванов
(г. Москва)

Геннадий Викторович Иванов — известный русский поэт, лауреат Всероссийской литературной премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь правления СП России.

ОТЧИМ

Он мне звонил издалека.
И выпивши опять,
И снова — слезы и тоска:
«В могиле наша мать...
В могиле matka. Не могу.
И мне бы умереть...
Не пожелаешь и врагу
Вот так осиротеть...»
Ведь это он ее довел
До гробовой доски,
Но без нее он нищ и гол,
Игралище тоски.
Из тех он русских мужиков,
Кто трезвый лишь хорош.
А пьяный? Пьяный, будь здоров,
Пристукнет не за грош.
Он, знаю, был и сам не рад,
Что пьяный дик и зол,
И проклинал себя стократ,
Когда наутро шел
Он на работу в шумный порт
И там грузил суда.
Но снова пил. Какой там торт

Нам принести когда...
Он чувств как будто не имел —
Стеснялся показать.
Но он по-своему жалел
Порой меня и мать.
Не потому ли и жила,
Жила она с таким,
Была порою весела,
Светло шутила с ним...
Ему — подруга и раба,
А он напьется вновь.
Не знаю, может быть, судьба.
А может быть, любовь.
Всегда я звал его «отец» —
Не мне его судить.
Он сам все понял наконец,
Когда не изменить
Уж ничего. Да, наконец.
И плачет каждый раз...
Не забывать тебя, отец,
Был материн наказ.
Но я и так бы не забыл.
Ведь жили мы семьей.
А то, что ты так часто пил,
То крест, быть может, твой.
Теперь и ты ушел туда,
Где бабушка и мать...
И в церкви буду я всегда
Вас вместе поминать.

* * *

Милые родные старушеници
При своей покорной амуниции...
Вам бы по какой-нибудь конвенции
В старости пожить, как за границую
Поживают седенькие сверстницы:
Тоже покататься бы туристками,
Посмотреть на мир, хотя б с полмесяца,
Удивленьем поделиться с близкими.

Вам не прозябать бы в этой бедности,
В тягостном вымаливанье пенсии...
Сколько у властителей надменности,
Сколько чужеродности и спеси и
Сколько позабывчивости — помнят ли,
Сколько вы работали, работали?
Это вы страну когда-то подняли
Жертвами своими и заботами.

А теперь страна в вас не нуждается
И не будет никакой конвенции.

Кто-то ест в три горла и не давится
Под халявный треп интеллигенции.

* * *

Какой-то вьюн, гигантский вьюн
Россию заглушает.
Летает птица Гамаюн
И гибель предвещает.

А вьюн идет и вширь и в рост,
От моря и до моря.
Во всю страну растет погост,
И даль темна от горя.

На вьюн бросаются с мечом
И даже с автоматом.
Ему однако нипочем —
Он вездесущ, как атом.

Все уменьшается народ,
Страдая, как в плену.
И все же будет укорот
Драконьему вьюну.

Но только б не через войну...
Но только б не через войну.

НАСТИНА АКВАРЕЛЬ

Я не хочу писать о грустном,
О страшном и о неизбежном,
А я хочу писать о вкусном,
Хочу — о радостном и нежном.

Вот, например, об акварелях
Задумчивой трехлетней внучки,
О наших с ней влюбленных трелях,
О наших играх в почемучки.
Все так, все так — и все сурово,
И все борьба, и все излом...
Но акварельная корова
Ведь тоже борется со злом.

* * *

Жена с утра воркует,
Воркует и поет.
Жена с утра ликует
И завтрак подает.

А вы мне: жизнь напрасна.
А вы мне: жизнь пуста.
Я знаю: жизнь прекрасна,
Как ягода с куста!

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

У ворона черные перья,
У ворона черная грудь —
В минуты тоски и доверья
Летит он ко мне отдохнуть.

Летит и садится напротив,
На гору прочитанных книг —
Я делаю отдых в работе
И слушаю вредный язык.

А ворон лишь клювом склоненным
Коснется любого листа —
И голосом хриплым и сонным
Одно говорит: «Суета».

У ворона черные перья,
У ворона черная грудь.
Но есть еще ветер за дверью
И есть неизведанный путь...

Ты слышишь ли, птица ночная, —
Не только там плач или стон,
Там вечные силы без края!..
«Попробуй!» — отвечает он.

СОЛДАТ

Пехота заснеженным склоном
Ушла на метельный закат,
А в поле ночном и холодном
Остался упавший солдат.

Он умер не сразу, он долго
Лежал на горячей крови.
Он думал для жизни и долга
Собрать еще силы свои.

Когда понемногу стемнело,
Спокойные звезды взошли —
Хотел он разбитое тело
Поднять от земли.

Но видел лишь ворон летевший,
Скосивший на война глаз,
Как жадно и как безутешно
Локтями он взламывал наст.

С ВЕТОК ПАДАЮТ СВЕТЛЫЕ КАПЛИ

С веток падают светлые капли
В запорошенный листьями пруд.
Постою элегической цаплей
И пойду приниматься за труд.

Только все еще жалко забытья
И по глине размокшей уйти,
Где-то в угол надолго забиться
Да из памяти сети плести.

Как уйти! Облака дождевые
Так свободно, так живо летят!
И немногие листья живые
Все еще на ветру шелестят.

* * *

...И не надо никакой награды
В деле непростом —
Говорить кому-то только правду
О себе самом.

Да о жизни — как бы ни давалась —
Говорить светло,
Что пройдут страданья и усталость
И отступит зло.

* * *

...Когда ты вышла из волны,
Ты шумно, весело дышала.
Вода с волос и со спины
В песок белеющий бежала.

Волна катилась за волной,
Ты мило что-то лепетала,
Глядела так на шар земной,
Как будто только что узнала.

Переливающийся свет,
Он позади уже остался:
Ты шла, и на песке твой след
Так нежно в лунки осыпался!

А над тобой огонь блистал,
И ты была полна сиянья!..
И я тогда еще не знал,
Что принесу тебе страданья.

МОТИВ

Ходила девка веник мыть на пруд —
В тот день узнал я, как ее зовут.

Потом случайно встретил за селом —
Узнал, что не тоскует ни о ком...

А в третий раз, при звездах, при луне,
Узнал, что будет плакать обо мне.

* * *

Сиреневый клевер, сиреневый клевер!
И туча под солнцем — в синих лучах!
Я полю родному всю душу доверил
И слушаю в клевере птах.

Прошедшую тучу они провожают,
Взвиваются выше и звонче поют!..
И звуки заботливо так подбирают,
Что каждую песню, как гнездышко, вьют!

* * *

Как пустынно без церкви кладбище,
Без деревни — пустынные поля.
Я теперь прохожу, будто нищий,
Там, где жизнь начиналась моя.

Зарастают деревни бурьяном.
Кто-то выглянет в редком окне.
Басовитые песни баянов
Только в памяти слышатся мне.

И теперь лишь на чудо надейся.
Что же стало с тобой, человек?
Люди русские, словно индейцы,
Доживают в бурьянах свой век.

* * *

Луна то белая как снег,
То красная как кровь...
Нас разметал жестокий век,
И не собратся вновь.

И потому сегодня нас —
Не *тьмы и тьмы, и тьмы...*
И, видимо, еще не раз
Свой крест оплачем мы.

* * *

Отступает ордынское иго,
И опять поднимается Русь...
Продолжается летопись-книга.
Только правда
В ней пишется пусть.

Слово правды летает, как эхо,
Над истерзанной русской землей:
Ни леса, ни моря не помеха —
Только страх угнетающий твой.

Это радостный час возрождения,
И в него безусловно поверь.
Хватит страха, томленья, глумленья,
Хватит, хватит великих потерь.

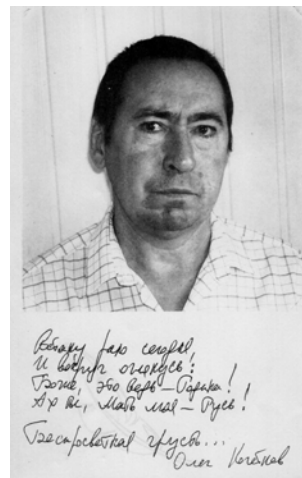
РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Помяни, поставь свечу —
И этот
Огонек перенесется вмиг
В ту страну, где мать твоя с рассвета
Ожидает знак твой, этот блик...

Я не объясню такое чудо.
Только знаю:
Матушка глядит —
Не летит ли огонек отсюда?
Что же он так долго не летит?..

Олег Кочетков
(г. Коломна)

«Так нестерпимо жаль»

Чтобы рассказать о моем знакомстве с Анатолием Передреевым, необходимо начать издалека, с предыстории... Было это в 1966—1968 годах, служил я в ту пору в армии, в Группе советских войск в Германии, в городе Рудольштадте. В нашем военном городке была великолепная библиотека, и я, естественно, все свободное от службы время не расставался с книгой, и сам только-только начинал что-то карябать на бумаге. Взял однажды в читальне ежегодник «День поэзии» каких-то лет... В советское время «День поэзии» выходил ежегодно с 1945 по 1991-й, он представлял из себя некий свод современной нашей поэзии, включающей в себя 300—350 поэтов, каждый из которых был представлен в сборнике одним, двумя, тремя стихотворениями (были исключения, когда у кого-то выходили и большие подборки, но — редко). Надо ли говорить о том, что попасть в «День поэзии» было весьма престижно и почетно.

В сборнике были Рождественский и Евтушенко, Вознесенский с Окуджавой, Белла Ахмадулина с Юнной Мориц, Винокуров с Ваншенкиным, Левитанский с Давидом Самойловым. Внимательно и напряженно вчитываясь в сборник, я выделил несколько имен, которые были наиболее близки мне по мироощущению, в которых увидел родственную душу. Я выделил для себя тех, чьи стихи меня взволновали, заставили размышлять... И каково же было радостное удивление, когда в конце альманаха я прочел анкету. Нашим ведущим критикам задавался вопрос: «Кого вы считаете самым интересным из нынешних поэтов и на кого возлагаете самые большие надежды?» Почти все назвали те же имена, что отметил и я. Я поразился — попал в десятку! Это были: Николай Рубцов, Анатолий Передреев, Станислав Куняев, Владимир Соколов, Игорь Шкляревский. И что самое удивительное — до сих пор не могу разгадать, уяснит, откуда возникла у меня такая уверенность, абсолютная убежденность, что со всеми вышеназванными я буду лично и близко знаком. Как зародилось такое дерзостное ощущение? Для меня до сих пор это остается великой тайной... Помнится, я не единожды говорил тогда сослуживцам-друзьям по дивизиону, что вот, после «дембеля» вернусь я в Коломну и буду общаться с этими поэтами, как со старшими братьями. Естественно, это безумное и самонадеянное заявление вызвало всякого рода усмешки и шутки. С той поры прошло почти сорок лет — и всякий раз, вспоминая, недоумеваю — будто заглянул в будущую жизнь. Как я загадывал — так все в точности и произошло, за одним исключением: не успел застать Николая Рубцова — поэт ушел из жизни в январе 1971 года, а я начал общаться-крутиться в писательском мире (как это принято говорить) с 1972-го (первые публикации в журналах «Юность», «Смена»). Станислав Куняев напишет предисловие к моей первой книге стихов «Время настало», вышедшей в 1977 году в издательстве «Молодая гвардия»,

Игорь Шкляревский — ко второй, «Травяной дороге», изданной «Современником» в 1978 году. С Владимиром Соколовым и Анатолием Передреевым я многие годы (до их смерти) дружески, близко общался, особенно в те шесть лет, когда работал ответственным секретарем Московской писательской организации творческого объединения поэтов, а Соколов и Передреев были членами бюро.

Но теперь о Передрееве, моем старшем друге, нежнейшем русском поэте...

Надо сразу сказать о главном: Анатолий Передреев был абсолютный, безусловный авторитет в поэзии 70-х годов, то есть как раз в ту пору, когда не стало Николая Рубцова, когда ярко, сильно творили Куняев, Жигулин, Соколов, Казанцев, Шкляревский, Примеров, Горбовский и, конечно же, Тряпкин; когда на подходе, в «Современнике», была первая московская книжка Юрия Кузнецова и когда у Олега Чухонцева не вышло еще ни одной — уже жила, ходила среди нас передреевская «Равнина», завораживающая трогательной утренней свежестью, естественностью, пронзительной искренностью и некой щемящей, родной, узнаваемой музыкой простых, свойских понятий и слов. В ту пору все воспринималось живей и острее. Имя Передреева было воистину окутано легендой. О нем говорили в кулуарах литинститута и комнатах литобщезития, о его стихах писали тогда, пожалуй, все ведущие критики.

Конечно, мне хотелось увидеть поэта, может, если выпадет счастье — познакомиться. Я отчетливо чувствовал в нем, в его творчестве ранимую, родную, близкую душу...

Произошло это само собой, почти по Розанову: «Русский на русского только взглянет острым глазом — и все понятно!» Точно за цитату не ручаюсь, но что-то вроде этого. В нижнем буфете ЦДЛ, среди сизых облаков сигаретного дыма, сквозь полупьяные бормотанья одних и тех же «хороших и разных» — его лицо! Голубые, еще не подернутые тогда сероватым туманом глаза, лихая копна волос, прямые спина и шея, нервные, резкие жесты рук. Непринужденная, гордая осанка. И вместе с тем — сквозящее, нескрываемое одиночество, грустинка во взоре, горькая, какая-то виноватая усмешка... Таким я его увидел впервые, таким он, по сути, и оставался все эти годы. Высокий, длинноногий, внешностью напоминающий ковбоя из американских вестернов.

Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Тютчев, Фет, Блок, А. К. Толстой, Есенин, Кольцов — вот, пожалуй, постоянно живущие в нем, овевающие его дух имена. О них обо всех у него было свое особое, нередко неожиданное мнение, поражающее оригинальностью и глубиной. Как своеобразные человеческие характеристики, объясняющие отношение к пьянству, выпивке, рассматривал строки Блока, Есенина и Мандельштама, читая: «Я пригвожден к трактирной стойке», «Я иду, головою свесясь, переулком в знакомый кабак», и, мастерски подражая одесскому выговору, продолжал про «маленький подвал», где «такого сброду сроду не видал». В первом случае — у Блока — данность, неизбежность, рок, во втором — у Есенина — повинность, «душа ведет» и, наконец, в третьем — у Мандельштама — испуг, боязнь замараться, брезгливость.

Многие годы его внешняя жизнь проходила у меня на глазах. Почти ежедневные встречи, разговоры, участие в совместном творческом бюро и поэтических вечерах и, конечно же, самые откровенные и желанные часы — вечерами, а то и ночами за (чуть не написал «доброй») чаркой... Однажды я обратился к Куняеву, что, мол, надо как-то спасти Передреева от этих бесконечных посиделок ночь-заполночь, хотя сам-то, повторяюсь, принимал в них нередко самое активное участие. Стас как-то обреченно и глубоко вздохнул, покачав головой...

Теперь, со временем, хорошо понимаю всю нелепость, бессмысленность этого своего призыва «спасать». Как это можно — «спасти»? По-другому поэт не умел, не мог, да и не хотел жить, вот и все... Что тут можно было поделать?

Три последних года на выступлениях он неизменно читал свою замечательную «Баню Белова» и всегда со слезами на глазах: «А все, что в душе и в судьбе наболело, — привычное дело, привычное дело». Совершенно справедливо во время гражданской панихиды Ф. Кузнецов отметил, что это произведение по праву должно бы украшать все школьные хрестоматии по современной русской литературе для учащихся.

С неизменной теплотой часто вспоминал Рубцова, его строки, что, кстати, отличало его от многих собратьев-сверстников, у которых зачастую проскальзывала нескрываемая зависть: «Что это вы все с Рубцовым носитесь? Придумали себе!» С нежностью говорил о Вампилове, называя его в своих воспоминаниях не иначе как Саня. Летал в конце жизни на дни его памяти в Иркутск. Не раз мне доводилось слышать, как Передреев с горячностью доказывал кому-то, что наш Стрельцов был гениальнее Пеле и что если бы не несчастье, которое с ним произошло, где бы этот бразилец был... Вообще, и это надо особо подчеркнуть, он всегда гордился своей рускостью.

После вечера памяти Николая Рубцова, приуроченного к его 50-летию, который проходил в большом зале ЦДЛ (народ стоял в дверях и проходах!), поехали в мастерскую скульптора Вячеслава Клыкова на Ордынку (Клыков к этому времени поставил памятник поэту на его родине, над рекою Сухонь). Не помню уже с кем, Передреев завел там разговор о том, что своими «чудиками» Шукшин принизил образ русского человека: мол, все его герои — неполноценные, с «бзиками». Ему пытались возражать, что вот как раз-то Василий Макарович прослеживал, высвечивал в каждом из них какие-то очень добрые, человеческие черты, показывая, что даже в таких, вроде бы маленьких, незаметных, «ущербных» русских людях живет мечта о красоте и высоте духа, пыгливость, ум, забота о ближнем, такт, честность, бесстрашие, сострадание и т.д. Но Передреев стоял на своем, на меньшее, чем на Шаляпина, он не соглашался. И это — рот его саднящей любви к Шукшину!

Шел 1986 год, перестройка набирала обороты, и русская жизнь начинала катиться под откос: устоявшееся, стабильное, родное, привычное уходило и появлялось другое — наглое, агрессивное, крикливое, навязчивое, чужое... Горько это говорить, но думается — слава Богу, что Анатолий Передреев не дожил до того позорного дня, когда состоялся первый в нашей стране конкурс красоты. А дело в том, что в этом конкурсе, проходившем в 1988 году, его любимая, единственная дочка, кровиночка, действительно красавица Леночка заняла почетное (с точки зрения организаторов и учредителей этого шоу) третье место, после Маши Калининой и Оксаны Фандеры. Думаю, что пережить подобное ему было бы очень нелегко... Когда выводят на сцену человека, женщину и оценивают, как породистую лошадь или собаку на выставке, по экстерьеру. Он бы глубоко оскорбился, да я совершенно уверен, что он бы не позволил, запретил просто Лене участвовать в подобном безобразном и постыдном действии, настолько душа его не терпела ничего неестественного, наносного, настолько он чурался всяческой фальши в жизни. Вот характерное его стихотворение «Лебедь у дороги».

Рядом с дымной полосой
Воспаленного шоссе
Лебедь летом и весною
Проплывает, как во сне.
Приусадебная заводь,
Досок выгнивший настил...
Кто сиять сюда и плавать

Лебедь белую пустил?
Целый день звенят колеса,
Накаляясь от езды,
Щебень сыплется с откоса,
Доставая до воды.
Ничего она не слышит,
Что-то думает свое,
Жаркий воздух чуть колышет
Отражение ее.
То ли спит она под кушей
Ослепительного сна,
То ль дорогою ревущей
Навсегда оглушена.
То ль несет в краю блаженства
Белоснежное крыло,
Во владенья совершенства
Не пуская никого.

Вот так и поэт «во владенья» своего духовного мира «не пускал никого», а берегал его, охранял от любого постороннего вмешательства чужого внимания. Эта тонкая, хрупкая связь мира прекрасного с бытовым всегда очень явственно и характерно прослеживается во всем его творчестве.

Вообще, когда начинаешь размышлять о его поэзии, сразу отличаешь некое, как это ни странно звучит по отношению к его глубоко в лучших русских классических традициях творчеству, своеобразное новаторство, новаторство не формы, а смысловое, духовное. Примечательно в этом плане стихотворение «Окраина».

Околица родная, что случилось,
Окраина, куда нас занесло,
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.
Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?
Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.
Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Вспоминаньем свежести полей.
И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!

А ведь это написано за несколько лет до «Граней» Николая Рубцова, до его знаменитой декларации: «Меня все терзают грани меж городом и селом», и раньше рассказа Шукшина «Выбираю деревню на жительство». Сюжетные линии — схожие и

словно бы подсказанные стихотворением «Окраина», послужившим этим вещам своеобразным предтечей.

Действительно, тема оторванности от родовых своих корней является едва ли самой главной во всей советской послевоенной литературе: как в поэзии, так и в прозе, да и в драматургии — вспомнить хотя бы того же Александра Вампилова. И Передрев почувствовал эти нравственные и социальные колебания в воздухе родины одним из первых...

Или вот, казалось бы, после великого есенинского стихотворения «Письмо к матери»: «В старомодном, ветхом шушуне», что можно еще живого, теплого сказать о самом родном своем человеке? А Передрев находит эти слова и пишет замечательное, проникновенное свое: «Отчий дом».

В этом доме думают, гадают
Обо мне мои отец и мать,
В этом доме ждет меня годами
Прибранная, чистая кровать.
В черных рамках — братьев старших лица
На беленых глиняных стенах...
Не скрипят, не гнутся половицы,
Навсегда забыв об их шагах.
Стар отец, и мать совсем седая...
Глохнут дни под низким потолком...
Год за годом тихо оседает
Под дождями мой саманный дом.
Под весенним — проливным и частым,
Под осенним — медленным дождем...
Почему же все-таки я счастлив
Всякий раз, как думаю о нем?!
Что еще не все иссякли силы,
Не погасли два его окна,
И встает дымок над крышей синий,
И живет под крышею луна.

Поэт соединяет образ матери с образом отца и оставшихся на войне братьев (а у него их погибло трое, а четвертый вернулся без ног).

Лучшие его стихи — это образцы высочайшей, тончайшей лирики. Главные их достоинства: искренность, обнаженность, предельный лаконизм и та удивительная простота, простота глубины, какая-то родниковая, трогательная прозрачность, которая ох как нелегко дается и которая стоит дорого...

«Еще струна натянута до боли, еще душе так нестерпимо жаль той красоты, рожденной в чистом поле, печали той, которой дышит даль...» Да, его поэтическая «струна» была воистину «натянута до боли»!

Его радостью, болью, торжеством был Есенин. Читать наизусть и говорить о нем он мог сколько угодно и в любом состоянии. Часто в застолье нараспев произносил: «Где златятся рогожи в ряд», как бы призывая окружающих разделить его восторг. За полтора месяца до кончины удивительно, с хрипотцой читал есенинское «Гори, звезда моя, не падай» на Ваганьковском кладбище у могилы поэта, в годовщину его смерти... Словно предвидя свою...

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Есенин написал эти стихи в середине августа 1925 года, за четыре с небольшим месяца до трагедии в «Англетере».

...Было пасмурно, холодно, дул пронзительный ветер, мело, бросали по горсти земли пополам со снегом, стучали лопаты, по кругу — ледяная водка из граненого стакана. Юрий Кузнецов в черном овчинном полушубке, с влагой на ресницах протянул мне антоновку. Я стал разламывать яблоко, и из-под ногтя большого пальца на левой руке выступила кровь...

И — три моих стихотворения памяти Анатолия Передреева. Первое написано через три дня после похорон, два других — в годовщину его смерти.

Даль надежды на мертвых устах...
Завлекла и осталась с тобою!
И в каких теперь звездных полях
Над безмолвием встала судьбою!

На равнину слетается снег
И целует чело ледяное.
Вновь один — в окружении всех,
Но объят уже думой иною...

Еще дух твой струится на нас,
Так бессильно его осязаем!
Но покамест не пробил наш час —
Ничего мы о нем не узнаем!

Он теперь в запредельном, ином,
Высоко, в глубине занебесной!
Он помечен всевышним перстом
И от нас отделен уже бездной!

Но собой все равно — тяготит...
И чем далее — тем ощутимей!
Беспредельность меж нами лежит,
Грезит чаяньями твоими!

Передрев

Как ты там — вдохновенный страдалец,
Бесшабашная голова?
Невеселый, межзвездный скиталец,
Так ласкавший родные слова.
Как же ей там — в дали ледящей,
Среди тьмы беспросветной светил?
Беспокойной твоей и болящей,

Здесь которую так не щадил.
Ей, душе-то твоей горемычной? —
Теперь волюшки — невпроворот!
В нескончаемой мгле безразличной —
Одиночество так же — гнетет?
Чаю, маешься там все равно ты,
Норовишь все шагнуть за предел:
Надоели сплошные полеты
Невесомых и призрачных тел!
Космос тот равнодушный, постылый.
И тоскуешь сильнее и сильнее:
«Как же все там — на родине милой,
На земле ненаглядной моей!»

* * *

А. Передреву

Все тревоги твои позади.
И стакан с недопитой водкой...
Хоть немного со мной погоди,
Не спеши своей гордой походкой.
Беспредельность в запасе твоём.
Что тебе — в том знобящем пространстве?
Помолчим, как молчали вдвоем,
О единственном постоянстве
Наших долгих, щемящих равнин,
Исцелявших от хворей столицы.
Этот путь непреложный, один,
Озарит наши хмурые лица.
Это значит — еще поживем,
Если кровные связи хранятся!
Помолчим, головами качнем —
Выйдем в звездную полночь прощаться!
Все. Пора. Холод бездны зовет...
Но как быть мне с жестокой тоскою:
Кто теперь твои слезы прольет
Над есенинской горькой строкою?

Николай Переяслов

ЖИВАЯ КРОВЬ ПОЭЗИИ

Николай Владимирович Переяслов — известный московский критик, поэт и прозаик, автор многочисленной прозы и поэзии, критических статей, очерков, литературных дневников. Лауреат литературной премии имени Андрея Платонова.

(Из разговора о состоянии современной российской поэзии на страницах «Литературной газеты»)

Казалось бы, что дискуссия, начатая в 20—21 номерах «Литературной газеты» за 2004 год статьей Сергея Мнацаканяна «Век новый. А поэзия?», открывала собой широчайший спектр для самого что ни на есть откровенного разговора о проблемах сегодняшнего поэтического творчества в России, давая основания поговорить о том, соответствуют ли слагаемые нынешними стихотворцами строки уровню «поэзии третьего тысячелетия» или же нет, подталкивая к спорам о вреде и пользе равнения на западную литературу и помогая поэтам понять, чего им, собственно, недостает для победоносного прорыва к читательским душам и возвращения поэзии утраченного ныне ею звания «властительницы дум», однако ничего этого почему-то на деле не произошло, и поднятая тема едва не заглохла. А между тем, поговорить здесь действительно есть о чем, тем паче, что и ответы на многие актуальные для развития поэзии вопросы как бы уже намечены и даже частично проговорены в стихах самими создателями поэзии. К примеру, таких, как следующие строки нижегородского поэта Валерия Шамшурина: «Без Бога и любви в России пусто. / Не славой, а позором будут дни, / что низвели высокое искусство / до буффонад и пакостной мазни...»

Чтобы не мучить читателя долгим вступлением, я сразу скажу, что основной бедой сегодняшней российской поэзии (а, может быть, и ее *виной* — не случайно же Евтушенко утверждал когда-то, что «поэт в России — больше, чем поэт») считаю ее почти полную идеологическую выхолощенность, причем, не какую-то там цензурную, что говорило бы о наличии у поэтов неких опасных для нынешнего режима крамольных мыслей, а, так сказать, доморощенную, свидетельствующую об отсутствии у большинства тех, кто занимается поэтическим творчеством, даже малейших признаков какой бы то ни было самостоятельной политической, философской, религиозной, мировоззренческой или хотя бы эстетической платформы. Мы сейчас говорим о поэзии, но следует признать, что аналогичная ситуация является характерной и для представителей актерского цеха, и для художников, и для рок-исполнителей, и для спортсменов, и вообще для большей части российской интеллигенции начавшего XXI века. Скажем, такие популярные в массах личности как, Олег Табаков и Олег Янковский, Николай Басков и Филипп Киркоров, Анастасия Волочкова и Нонна Мордюкова, Михаил Ульянов и Валерий Меладзе могли бы, используя свой статус

всенародных кумиров, кардинальным образом влиять и на российскую политику, и на развитие нравственности в стране, и на состояние культуры, могли бы стать общенациональными лидерами и изменить к лучшему положение тысяч народных судеб, а в реальности не удосужились за все перестроечные и постперестроечные годы произнести ни слова в защиту разоряемого демократами Отечества. Сытые, довольные, лоснящиеся от осознания своей личной бытовой устроенности... А за душой — ничего, кроме стремления удержаться в круге избранных, не выпасть из прикормленной тусовки. Ни малейшего намека на идеалы! А ведь Толстой говорил, что идеал — это путеводная звезда, ведущая за собой художника, а за ним — и адресата его творчества, так за чем же идти сегодняшнему зрителю, читателю или слушателю, если наше современное искусство (включая и поэзию) напрочь лишено даже малейшего мерцания?..

К сожалению, все это является прямым следствием того, что никакой всеобъемлющей общенациональной идеи нет сегодня и у самого нашего государства, о чем неоднократно говорил в своих последних интервью классик отечественной драматургии Виктор Розов. Такое положение не может не сказываться на состоянии художественного творчества во всех жанрах искусства, поскольку из-за отсутствия большой национальной идеи художникам просто нечего озвучивать и не с чем спорить. В годы советской власти, говорил в своем интервью Виктору Кожемяко Сергей Бондарчук, у государства «была великая идея — преобразование общества на началах справедливости, и художники в нее поверили. Для них это стало сильнейшим творческим стимулом...» А вот в идею капитализма, похоже, сегодня никто, кроме Михаила Жванецкого, Бори Моисеева да Д. А. Пригова, не поверил, поэтому за последние полтора десятилетия не появилось ни одного полюбившегося, как когда-то «Семнадцать мгновений весны», фильма, ни одного захватившего всю страну, как «Вечный зов», романа и ни одной подхваченной всем народом, как «День Победы», песни. Даже мультяшек типа «Ну, погоди!» или «Крокодила Гены» не появилось, одна только какая-то дефективная Машенька вылезла...

Таковы культурные реалии страны, не имеющей государственной идеологии. Не важно даже, какой — прогрессивной или реакционной. Важно, чтобы у страны была своя собственная, ясно осознаваемая всеми программа ее бытия в истории — «американская мечта», «русская идея», «моральный кодекс строителя коммунизма» и тому подобные фишки. Тогда поэзия или совпадает с ней и воспеваает ее в одах и гимнах, или противоборствует ей и разражается обличениями и сатирой. Государство же без общенациональной идеи — это фикция, и поэты в нем задыхаются, точно рыбы во внезапно высохшем озере.

Самый невиданный в истории как нашей страны, так и всего человечества пример востребованности поэзии государством совпадает с периодом реализации в СССР самой грандиозной из всех когда-либо рождавшихся в мире идей — построения счастливого равноправного общества, вся полнота власти в котором принадлежит народу. (Следует ведь признать, что поэзия — это многовековая привилегия элиты: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Фет и подавляющее большинство других дореволюционных поэтов были отнюдь не крестьянами и не пролетариями, и писали свои стихи по большей части для людей своего же круга. Кардинальный переворот произошел после 1917 года, когда элитой был объявлен весь народ, и поэзия стала достоянием многих миллионов — отсюда переполненные поклонниками поэтического слова «Лужники» и хронический дефицит на художественную литературу в шестидесятые-семидесятые годы.)

Суперидея, положенная в основу создания советского государства, была настолько нова и фантастична, что потребовала для своего внедрения в народные массы объявления всеобщей мобилизации всех мало-мальски пишущих и рифмующих граждан. Необходимость ее озвучивания подтолкнула руководство страны к таким

действиям, как партийный призыв трудящихся в литературу и создание опекаемого и поддерживаемого государством Союза писателей СССР, который — при всех наличествовавших в его деятельности негативных моментах — превратился в условиях политики тотального атеизма в подлинное Министерство Духовности.

Сегодня же, как сказал в одном из своих интервью драматург Виктор Розов (см. в книге В. Кожемяко «Лица века» — М.: ИТРК, 2002), в России происходит не что иное, как *убийство русского духа*. И действительно: военного приоритета в отношении нас США уже достигли, экономику нашу на обе лопатки положили, влияние России на международной арене свели к нулю, из Космоса нас, как пацанов из своего двора, прогнали, так что единственное, что их сегодня еще беспокоит — это русский дух, против которого сейчас брошены все силы их идеологической машины — ТВ с его порнухой и чернухой; опустошающие душу книги и эротические и развлекательные шоу; жвачка, заменяющая процесс работы мозга; заслоняющая всю реальную жизнь проблема, кому бежать за «Клиным», и тому подобные вещи. «Утратить дух, — как сказала однажды Татьяна Дорониная, — значит, утратить силу». И, вышибая из нашей литературы остатки русского духа, Запад ослабляет нас не меньше, чем, заставляя нас распиливать наши стратегические ракеты и атомные подводные лодки. Я как-то слышал от писателя Владимира Личутина такое выражение: «Подпусти в свою землю инородника, — сказал он, — и он рассыплет ее». То же самое, на мой взгляд, можно сказать и в отношении нашего искусства, нашей литературы и поэзии: это ведь тоже *земля*, только *духовная*, и подпусти в нее инородные тенденции — и они рассыплют ее на ничего не значащие осколки «текстов», убив самобытное и целостное искусство. Бродский попытался расширить зону поэтического земледелия, перенес акцент творчества с идейной стороны слагаемых стихотворений на сам их синтаксис, и добился на этом поприще довольно заметного личного успеха, но он же этим самым сузил поле воздействия поэзии до незначительной кучки интеллектуалов, довольствующихся сугубо формальными экспериментами.

Поэзия, не заключающая в себе мощи национального духа — слаба и беспомощна, а кому и чем может помочь в нашем мире *слабый!* Вот отечественный читатель и отвернулся от не помогающих ему стихов. Увы, мы живем во времена, которые можно без всякой натяжки назвать меркантильными, ибо все в них теперь измеряется понятиями «полезно» — «не полезно», «выгодно» — «не выгодно». В этом свете почти никакого значения не имеет чисто версификаторское трюкачество, которым балуются многие соблазненные легким успехом либеральные поэты. Единственным оправданием кажущейся бессодержательности стихотворения может служить подлинная красота его формы, поскольку красота — это способ проявления Бога в нашем мире, и таким образом, как сказал однажды псковский критик Валентин Курбатов, даже не упоминающее имя Господа стихотворение может быть глубоко православным.

Да и вообще новизна поэтической формы — это не более как миф, ибо вся та революция в области рифм, ритмов и метафор, которую нам преподносили в своем творчестве Пастернак, Маяковский, Крученых, Вознесенский, Вегин, Соснора и иже с ними, давным-давно уже опробована поэтами предшествующих эпох, начиная от Симеона Полоцкого, писавшего столь любезные сердцу Андрей Андреича стихи-видеомы, и до украинских поэтов-новаторов начала XX века, предсказавших весь наш последующий модернизм. Да в стихах у одного только Иннокентия Анненского была заложена вся парадигма дальнейших формальных поисков! Так что все уже неоднократно было, и одной только голой формой никого не тронешь, хотя сами по себе поиски ее обновления и могут носить достаточно интересный характер.

Если проанализировать стихи самых любимых народом авторов, то станет видно, что поэзия нужна людям тем, что в ней имеются:

- а) необычность стихотворной формы, оригинальность стиля, яркость образов;*
- б) новый взгляд на ставший уже давно нам привычным мир, способность открывать и удивлять, необычность авторского взгляда на вещи;*
- в) созвучность содержания стихов мыслям читающего, близость мировоззрений читателя и автора;*
- г) узнаваемость воссоздаваемой поэтом реальности, боль за ее несовершенство;*
- д) музыкальность и магия поэтической гармонии;*
- е) подсказки путей выхода из сложных душевных состояний, нравственная, духовная и эмоциональная подпитка;*
- е) эхо Господних заповедей, напоминание читателю о Боге и Его любви к человеку.*

Зная все это и зная сегодняшнюю поэзию, нельзя не задать самому себе один стучащийся в сознание вопрос: если все это до сих пор имеется в стихах наших современных поэтов, то почему же тогда произошло охлаждение читателей? В чем все-таки проявляется не замеченное нами изменение качества поэзии?.. Ответ на это напрашивается сам собой: другим стало не качество поэзии, а качество народа. Он ждет от стихов реальной помощи в реальных делах, а они таковой не дают. Поэтому востребована на текущий момент только ПРАКТИЧЕСКАЯ, способная оказать хотя бы какую-то сиюминутную пользу поэзия — тосты, поздравлялки, рекламные куплеты, а также тексты для эстрадных хитов и мюзиклов. А чем могут помочь читателю, к примеру, такие поэтические строки, как в следующем стихотворении Геннадия Морозова? — «Нынче утро, ой да ясное — / Отсвистулила пурга! / За осиновыми пряслами / Меркнут мягкие снега...» Ни в поздравительную открытку не впишешь, ни на революцию народ не поднимешь.

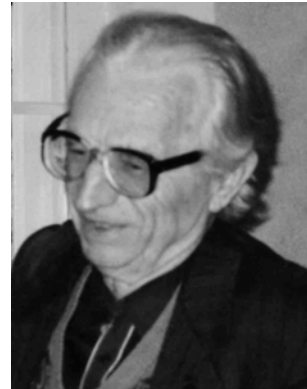
Перед сегодняшней поэзией, как мне кажется, открываются два основных пути, способных вернуть ее востребованность обществом. Первый — встать на путь обслуживания потребностей нового, все отчетливее перерождающегося в полуамериканца-полуевропейца жителя России, предложив ему себя в качестве дополнения к необходимому набору товаров и услуг и войдя в его жизнь рекламными слоганами, политическими куплетами, юмористическими хохмами, праздничными поздравлениями и другими произведениями исключительно бытового назначения. Второй путь — взять на себя роль народного духовника и водителя, вернуть нацию потерянную идею и попытаться заставить страну поднять лицо от корыта с похлебкой и вспомнить о наличии Неба. Первый путь сулит его апологетам некие прижизненные дивиденды и дает поэзии возможность остаться в повседневном обращении народа, став чем-то вроде разменной монеты в области культуры. Второй — обещает ей длительные гонения и испытания, которые, возможно, приведут когда-нибудь к духовному расцвету страны и торжеству поэтического слова. А возможно, и не приведут. Но не случайно же ведь было сказано, что лучше один раз попить живой крови, чем сто лет питаться падалью...

РЕЦЕНЗИИ

Николай Минаков

ОТКРОВЕНИЕ С ДУШОЙ НАРАСПАШКУ

(О книге А. Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие»)

Приехал Ельцин в село и провалился в силосную яму. Один мужик его вытащил, а Ельцин ему внушает:

— Ты никому не говори, что я туда попал.

— И вы, Борис Николаевич, никому не говорите, что я вас вытащил.

Анекдот

Отдельным главам своей новой книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие» Александр Коржаков предпослал в эпиграфы анекдоты о Ельцине. Что бы ни говорили, но анекдоты — тоже народная мудрость. В данном случае они очень хорошо дополняют портрет бывшего президента России. Один из этих анекдотов вынесен в эпиграф настоящей статьи. Думается, Александр Васильевич Коржаков за это с меня строго не взыщет.

Когда вышла его первая книга о Ельцине и его окружении, прочитать ее не удалось, в руки мои она случайно не «залетела». В «Книжном мире», правда, в руках ее подержал, полистал страницы, но не купил, хотя стоила она тогда недорого — всего 60 рублей, но было не до какой-либо литературы, так как я в то время напряженно работал над завершением своей рукописи «Опаленные войной», готовил ее к изданию.

Отзывы о книге Коржакова приходилось слышать не раз, как отмечает сам автор, самые противоречивые, «диаметрально противоположные, от возвышенных до откровенно хамских». И все же положительные оценки преобладали, а после выхода второй книги они превалируют. Как отметил один из знакомых моих поэтов: «книга читается на одном дыхании».

Тем не менее, и сегодня еще можно слышать голоса, а где же был раньше начальник Службы безопасности президента, почему молчал, а теперь «раздел догола» своего патрона. Вот и некий Юрий Сергеев в своей «заметушке», опубликованной в «Комсомолке» под рубрикой «Взгляд с шестого этажа», без всякой аргументации пытается уколоть Коржакова за его бездействие в те годы, за то, что у автора книги не нашлось ни одного доброго слова о своем бывшем отце-командире.

Не собираюсь оправдывать А. Коржакова. Безусловно, он тоже не без греха, как

и все люди. Однако если давать положительные оценки его личности, то лучше не скажешь, как это сделал Ельцин в своей книге «Записки президента», где говорится, что Коржаков «очень порядочный человек, хотя внешне кажется очень простым. Но за этой простотой — острый ум, отличная и ясная голова». Если оценивать отрицательно личность Коржакова, то хуже не придумаешь того, что было о нем сказано в желтой, «демократической» прессе.

Речь идет не о личности автора, а о его книге. Насколько объективно ее содержание, нужна ли она? Повлияет ли она на оценку исторической роли Ельцина, в чем усомнился журналист-«комсомолец» Юрий Сергеев, посчитавший, что и время для такой оценки еще не пришло, а в книге Коржакова ничего нового нет, кроме некоторых «уточнений» и «подробностей» о кремлевской жизни, о чем российское общество знало и раньше из прессы. Тем паче при Ельцине он чувствовал себя вольготно. Как ни удивительно, но оппонент А. Коржакова не увидел в его книге главного, предпочел «поругать» автора за отступление от этики по отношению к любимому «Комсомолкой» Борису Николаевичу. Кто не помнит, как ее журналисты в те годы, напрягая все жилы и мышцы, старались делать из Ельцина кумира. А он в ответ слал им комплименты, что лучшая в стране газета — это «Комсомольская правда». Как тут не вспомнить русскую пословицу про кукушку и петуха.

На мой взгляд, книга А. Коржакова представляет собой не простенькие мемуары-воспоминания, а скорее историческую летопись-хронику, в которой автор дал объективный анализ роли первого президента России Б. Н. Ельцина в развале основных социально-экономических составляющих страны, честно рассказал о первых годах демократической России, приобретениях и невосполнимых потерях, связанных с переходом экономики на «псевдорыночные отношения».

Хороша себе сергеевская «подробность», когда А. Коржаков приводит такой разящий факт, что во время президентских выборов в 1996 году многими губернаторами было приписано в пользу Ельцина от 300 тысяч и более голосов. Кто не помнит, как в то время Г.А. Зюганов на всю страну «трубил», что у него в Татарии украли 600 тысяч голосов. И вся вольготная, свободная, демократическая пресса, в том числе и «Комсомолка», набрали в рот воды, умалчивая о фальсификации результатов выборов, сфабрикованных выборным штабом Ельцина во главе с пресловутым Чубайсом и «семьей».

Или такая «подробность», когда Коржаков описывает события, происходившие в Беловежской пуще, где решалась судьба великой державы. Перед тем, как подписать злополучную бумагу о разъединении целых народов, Ельцин и Кравчук вели пообывательски никчемный разговор о погоде, об убитом на охоте «великим» украинцем кабане и пр. и пр. «Кабанов надо заваливать», — поддержал гарант российской конституции дружка-охотника с Украины. Не кощунство ли?

Магистральная идея и тема книги А. Коржакова, ее лейтмотив — «это история трагического перерождения человека, происшедшая при активной поддержке людей, не знавших и никогда не любивших России, к новому для себя (хорошо забытому старому) жизненному принципу: после нас хоть потоп». И автору, надо заметить, удалось раскрыть эту грустную и поучительную историю нравственного падения неординарной личности Ельцина, нашей «Божьей кары», «благословленной» на все свои грехи и столпами церкви, и безразличным ко всему народом.

Хорошо известно, что любая идея, движение, религия и пр. всегда имеют персонифицированного провозвестника: пророка, вождя, вероучителя, философа, героя и т.п. Лидера делает эпоха, а сам лидер появляется в нужное время и в нужном месте. Не будем перечислять истинных героев, за ними великие созидательные дела: за Лениным и Сталиным — создание великой державы, причем в короткие исторические сроки. Такими же героями, но только с приставкой «анти» стали Горбачев и Ельцин,

только на словах коммунисты, но никак не в делах. Они в еще более короткие исторические сроки разрушили великую державу и сделали народ нищим, а потомкам оставили перестроенную на непонятный лад экономику, нравственный хаос, наркоманию и проституцию.

«Все люди живут и действуют отчасти по своим мыслям, отчасти по мыслям других людей. В том, насколько люди живут по своим мыслям и насколько по мыслям других людей, состоит одно из главных различий людей между собой», — так утверждал в романе «Воскресение» Л. Н. Толстой. Если исходить из философского умозаключения яснополянского мудреца, то был ли наш бывший президент мыслителем, по своим мыслям жил или по мыслям тех, кто его окружал, в том числе и из-за бугра? Из книги Коржакова мы узнаем многое и понимаем, что Ельцин не способен самостоятельно мыслить. Да и возможно ли то было, если постоянно «как осенний ветер листья, осыпал мозги алкоголь»?

«Царю-батюшке» Борису Второму подбрасывали свои «свежайшие» мысли по новой экономической политике, оказавшиеся со старым капиталистическим душком, гайдары, чубайсы, бурбулисы, шахраи, березовские и имя им «легион», который распростер свое тлетворное влияние из-за бугра на всю матушку-Россию и нашел себе многих сторонников и поклонников. Ельцин проглатывал эти «новые мысли» оптом и в розницу, порой сотрясая Россию безрассудными скороспелыми решениями, как это было с Чечней. Живые примеры тому мы находим в книге Коржакова, который не увильвает от факта, что и сам частенько выступал в роли советника президента, удерживая его от поспешных решений, а то и вытаскивая из «ямы», как тот мужичок в анекдоте.

В частности, интересный факт, когда Борис Николаевич с Петровым приняв на грудь изрядную дозу, едва не подмахнул спяну подsunутую Петровым бумагу о выдаче миллиарда рублей его чудной инспекции. Только случайно оказавшийся здесь Коржаков остановил это действие.

Любое суждение о великих людях или событиях неизбежно несет на себе печать субъективности. Субъективен Коржаков в оценке событий 1993 года. По-разному относятся политики и историки к тем дням в истории России, да и не только они, а любой простой человек. В своей книге А. Коржаков высказывает свое отношение к тем событиям. Можно его принимать или не принимать, но нельзя не согласиться с автором, что в тот период «нашей стране приходилось в очередной раз выбирать из двух зол меньшее», или Руцкой, или Ельцин. Что такое Руцкой, мы увидели за время его губернаторства. Был ли он «лучшим злом» для нас? Вряд ли.

Когда вышла в свет первая книга А. Коржакова, в желтой прессе, да и в оппозиционной ухватистые журналисты поспешили чирикнуть, что в погоне за славой Л. Толстого и Ф. Достоевского вслед за Ельциным появился еще один писатель — Коржаков. Я даже был удивлен, когда бывшего начальника Службы безопасности президента приняли в Союз писателей России. Однако, прочитав его книгу, понял, за что Коржакова приняли в Союз.

Книга написана сочным, образным, литературно-художественным языком. Давая характеристики политическим «героям нашего времени», автор умело, по-гоголевски прибегает к утонченной иронии и сарказму, в результате действующие лица повествования предстают «голыми», как андерсеновский король. А когда знакомишься с главами книги «Да здравствует наш самый Верховный в мире суд», портретами судьи Федина, заседателей Митрофанова, Ковалевой, прокурора Харламова и адвоката Резника, то вспоминается сатира Салтыкова-Щедрина.

Подкупает тональность повествования книги. Стиль спокойный, доверительный. Ощущение того, что автор, интересный собеседник, разговаривает с читателем, а последний, замороженный, слушает его откровения с душой нараспашку.

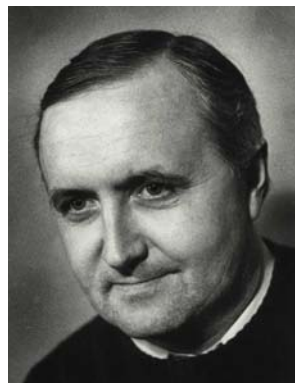
Позволю себе не согласиться с Юрием Сергеевым, сказавшим в своей заметке, что книга Коржакова вряд ли повлияет на оценку исторической роли Ельцина. На мой взгляд, такая оценка обнищавшим русским народом уже сделана. В будущем историки непременно будут обращаться к книге А. Коржакова, свидетеля и участника описываемых им событий. Да разве бывает иначе? Любые обобщения всегда делаются на основании зафиксированных фактов. А к Коржакову еще никто не предъявил претензий по поводу правдивости его книги.

Думается, если бы журналист Ю. Сергеев поднялся этажом выше в здании, где располагается редакция «Комсомолки», а еще лучше, опустился бы на грешную землю, пошел бы к людям, к тому мужичку, который, «вытащил Ельцина из ямы» и на выборах в 96-м, то его взгляд был бы гораздо более объективным, чем с 6-го этажа редакции газеты.

Книга А. Коржакова соединяет в себе глубокий психологизм и интеллектуальную честность перед своими читателями. В духе бессмертного автора «Мертвых душ» он описывает пороки человеческие, персонифицирует их в портретах российских политиков, убедительно показывает, какой властью не должна быть. В этом главное историческое значение книги А. Коржакова.

Владимир Сапожников

ПОЭТИЧЕСКАЯ «ЯСНОСТЬ» А. А. ХАДАРЦЕВА

Издание трехтомника стихов и прозы в наше время в Туле — дело очень непростое и с финансовой, и с творческой точки зрения. С финансовой — потому что нынешней губернской власти, похоже, совершенно безразлично: будет в регионе хотя бы тлеть огонек художественной литературы — ни копейки денег в этом направлении из областного бюджета практически не выделяется. А литература — она, как никто, ранима и беззащитна в этом плане. «Талантам нужно помогать! А бездари — сами пробьются!» — известная аксиома не потеряла своей актуальности. И поэтому издание солидного литературного труда членом Союза писателей России, академиком многих академий, заслуженным деятелем науки РФ, профессором Александром Агубечировичем Хадарцевым — событие в литературной жизни нашего региона, которое не может остаться незамеченным.

«Из прошлого в неясность» отражает неординарную поэтическую душу А. Хадарцева. Прочитав последнюю страницу последнего тома, понимаешь, что автор, несомненно, живет поэзией, мыслит поэтически. И подтверждение тому — не иссякающая, как водопад, рожденный у заснеженных вершин Кавказских гор ледников, поэтика, рождаемая в сердце автора, видимо, постоянно.

Ранние стихи А. Хадарцева, изложенные в первом томе собрания сочинений, глубоко искренни, лиричны.

*Чернская, черная, чертова ночь
чавкает осенью стыллой...*

Прочитав эти строки из стихотворения «Чернская ночь», невольно ощущаешь всю мрачность, холодность, какую-то обреченность ночного пейзажа, ее глубинную русскость. Чтобы это понять, наверное, как и автору стихотворения, нужно родиться и вырасти в Тамбовской глубинке.

Вообще лирические стихотворения А. Хадарцева в большинстве случаев являются маленькими откровениями его души. Как, например, эта зарисовка:

*Милая до кончиков волос,
пахнущих шампунным дуновеньем
и цветов невиданных волненьем,
как тебя по жизни мне ждалось!*

Звучит, несомненно, поэтически легко и лирически.

Завершают трилогию «Из прошлого в неясность» отрывки из поэмы «Прощай, тысячелетие второе», над которой автор трудится уже несколько лет. И, судя по прочитанному в третьем томе нынешнего издания — вот-вот, и большое эпическое поэтическое полотно будет завершено.

Это произведение облачено в неожиданную форму тостов — признаний героев в

самом сокровенном, что волнует и их, и всех читателей нашей страны в последние пятнадцать лет современной российской истории.

*Дракон двухтысячного года
плюется пламенем войны...
«Электорат», познав свободу,
не верит в выборы страны.
Маразм державой нашей правит!*

Это ли не объективная оценка эпохи смутного этапа «ельцинизма», замучившего некогда великую державу и ее долготерпеливый народ!

И что же ожидает население России дальше?

*Народ, конечно, счастья ждет
без громких криков возмущенья,
но ожидает тяжких мук,
что следует из всех наук —
от акушерства до творенья —*

предполагает А. Хадарцев. Наверное, не зря и весь многотомник его стихов назван «Из прошлого — в неясность». Таким образом, поэт, видимо, хочет заострить внимание читателей на том, что их судьба находится в собственных руках. От каждого из нас зависит, в каком мире и в какой стране мы будем жить в XXI веке!

Стихотворения А. А. Хадарцева легко читаются, напевно звучат. Его лира живая, острая, достигающая местами гротеска... Но в том и предначертанье поэзии, как говорил наш классик, «...глаголом жечь сердца людей».

Думается, что А. А. Хадарцеву это удастся в его стихах. Хочется поменьше значимого, чем его научные труды по медицине, и пожелать рождения новых рифм, поэтических шедевров и находок. Так что в этом смысле для Александра Агубечировича никакой «неясности» нет.

ПУБЛИЦИСТИКА

Владислав Аникеев

НАРОДНЫЙ СУД НАД ТЕМ, КТО СУДИТ

— Вы читали журнал «Российская Федерация» № 16,— бросил мне на бегу шепотной Иван Матвеевич Винников.

— Читал. А что там?

— На 66-й странице там напечатано признание председателя Верховного суда России Лебедева о том, если ко всем судьям государства применить соответствующую статью Уголовного кодекса, наказывающую за коррупцию, то на Руси судить будет некому.

— Так это почти дьявольское число. Одной шестерки не хватает.

— Вот и я так думаю. Почему и прочитал я это с чувством ужаса и веселого оптимизма.

Неугомонного помощника депутата Тульской областной думы Алексея Березина я знаю уже лет десять. Передавал его оригинальные мысли в московскую газету.

— Почему такие полярные оценки? Ужас и оптимизм

— Диалектика. Единство противоположностей...

— Тебе бы, Матвейч, самому быть полноправным депутатом. Да не Областной, а Государственной думы. Выступать с законодательной инициативой. Почему не выдвигаешь свою кандидатуру. Хоть один бы рабочий был. А то после Василия Шандыбина скучноваты спектакли в театре на Охотном ряду.

— Так я ж не лысый, а бородатый.

— Но все равно колоритный. Так в чем вопрос?

— Лебедев употребил сослагательное наклонение. «Если бы»...

— Понятно. Да кабы... А что делать?

— Применить статью 305 УК РФ.

— А самим в Страсбург писать?

— Зачем? И так стыдно за Россию. Весь сор со всех помоек туда вынесли. Надо посадить в освободившиеся кресла молодых, не успевших замарать совесть юристов. Их много, желающих получать на десять порядков больше среднего истца и ответчика. В очередь выстроились. Дать им возможность творческого роста и сделать все, чтобы спасти их от скверны разложения.

— По формуле, которую Пушкин избрал эпиграфом для «Капитанской дочки»: «Береги платье снову, а честь смолоду».

— А чем плохая мысль. Ведь родители, надо полагать, не учили своих детишек брать взятки. Учат честности, порядочности, доброте.

— А жизнь переучивает.

— Увы. Но есть способ спасти их от греха. Надо законодательно изменить условия, ежеминутно вращивающих в душе вершителя чужих судеб чувства безнаказанности, порождаемого системой пожизненного назначения судей.

Это ведь надо было додуматься: пожизненное назначение. Прямо царизм какой-то. Еще бы с передачей мантии по наследству. И где? В обществе, которое неустанно провозглашает себя открытым и демократическим. Одно это изобретение новой власти делает старое тоталитарное общество, когда судей избирали, более свободным, чем сегодняшнее. И грустно, что этот шаг назад не вызвал в нашем покорном обществе ни грамма сопротивления, как не вызвала его отмена губернаторских выборов, сменившаяся президентским назначением.

Но за последнее время судьи получили столько льгот и прав, несоразмерных с их интеллектуальным уровнем и социальным правосознанием, что это заметно отразилось на качестве решений Фемиды, а в некоторых случаях даже увеличило число правонарушений. Почему?

— Ежу понятно. У Камю есть безжалостно точная оценка неумеренных аппетитов людей, стремящихся как можно выше подняться над материальным достатком окружающего сообщества. Так вот замечательный классик считает, что осознание этого неравноправия может взбеленить даже... осла.

— Вот именно. Лопухого! А как же плюет в душу пенсионера, получающего две тысячи рублей, глупая власть, отслюнявливая судьям 100 (сто) тысяч рублей. Таковую «зряплату» может установить только тот, кто сам получает полмиллиона. И если народ в очередной раз не захочет такой власти, как не захотел он ее при проклятом царизме, виноваты в этом будут не коммунисты, а неумные законники, провоцирующие взрыв народного возмущения. И не надо успокаивать себя легкомысленным: «Да будя тебе! Остынь маленько. Ничаво боле в Расее не произойдет. Лямит на революции исчерпан. Коней на переправе не меняют.

— Это еще в прошлом веке писали в газетах. Оскомину набили банальным суесловием.

— Писать-то писали. И поныне пишут. Но на что уж Ленин был умный и то не планировал семнадцатый год. Писал, что его поколение революционеров вряд ли доживет до восстания. Вот тебе и классик марксизма. Но пружина не может сжиматься до бесконечности. Любому терпению есть предел. Пар, не выпускаемый умелой рукой машиниста из котла, разрывает котел.

— Согласен. И в свете законов физики наш диалог, который сейчас читают представители наших правоохранительных органов, стоящие на страже конституционного пункта, запрещающего призывы к насильственному свержению существующего строя, нельзя считать криминальным. Наоборот, нам должны быть безмерно благодарны и верхи, которые не могут, и низы, которые не хотят.

— Понятно. Только безмозглый дурак может желать взрыва, от осколков которого умирают сами «герои», но прежде всего гибнут беззащитные и слабые.

Только закоренелый мазохист может испытывать удовольствие от боли, разрухи, безработицы, холода и голода, неизбежного спутника всех социальных катаклизмов, и вряд ли получит пропуск в царство небесное, если не перестанет грести только под себя, поделившись с бедными.

Только слепец может принять штурвального, пытающегося с помощью справедливых реформ выровнять опасный крен корабля, за минера, подложившего фугас под хреновенькую, но все же какую никакую, а жизнь, которая всегда лучше летального исхода.

И даже лозунг легендарной героини гражданской войны в Испании — Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», — сегодняшнее население выбирает не в пользу гордого варианта. Живет на хлебушке и на картошечке. И готово существовать впроголодь, но не терять последнего.

А Ибаррури... Ее ведь совсем не зря звали Пассионарией. За азарт. Готовность к самопожертвованию. Нынче таких людей нет. Им просто неоткуда взяться. Они все выбиты. Погибли на баррикадах у Верховного Совета в октябре 1993 года, в Афганистане, Чечне, других горячих точках. Люди неробкого десятка. Настоящая элита. Не спившаяся. Не деградировавшая. Генофонд нации. Сегодняшняя же весьма квеляя интеллигенция, публично демонстрируя свою ученость с помощью красивого иностранного слова «пассионарность», позаимствованного у Льва Гумилева, с раннего возраста отличается неспособностью к конкретным делам вообще, которые можно пощупать пальцами, и тем более к переделке духовного брака.

Но, к счастью, не перевелись еще на Руси конкретные мужики, которые, стоя у подножья законодательных нагромождений, даже в самых высоких депутатских инициативах усматривают столько прорех, что становится стыдно за ученых мужей, которые выдали на-гора такое сырье.

Вот к таким основательным людям и принадлежит Иван Матвеевич Винников. Тульский профессиональный строитель, если характеризовать его словами уже забытой терминологии — человек с активной жизненной позицией. Он не просто говорит и критикует, а предлагает свои варианты решения проблем. И это не может не внушать симпатии к нему.

— Взять тот же Закон «О статусе судьи». Он ведь необъективен. У него однобокая тенденция в пользу судьи. Очень много прав и никакой ответственности за вынесенные им решения.

— Так уж и никакой?

— Кроме уголовной.

— Так это ого-го! Посадить в тюрьму того, кто сам других сажает.

— А вы попробуйте возбудить против него дело! Не дано сие простым смертным. Этим правом обладают только коллегии судей.

— А у них корпоративный интерес. Все свои. «Сегодня я тебя прикрою. Завтра ты меня». Manus manum lavat. Пословица вечная, как библейские скрижали. Рука руку моет. От Цицерона праха не осталось. Римская империя пала.

— У нас в России свой хороший вариант: ворон ворону глаз не выклюет.

— Это спорно. Выклевают. В природе устроено немного не так, как в обществе. Птицы, львы, волки, шакалы, гиены дерутся за кусок.

— И люди дерутся. За землю, доходы, тендеры... Самые хищные и наглые, жадные и злые. Но большинству нравится тишь да гладь и божья благодать.

— Да, соглашателей слишком много развелось. Соколы перевелись, остались ужи.

А из ужа, какой борец! Значит, независимо от того, какой характер у человека, столкнувшегося с несправедливостью — в данном случае я имею в виду судебскую — сама система должна поставить преграду на пути тиражирования социальной несправедливости.

— Автоматически?

— Да.

— Как в хорошей супостатской технике, которая не сработает, если ты сослепу или по невежеству нажмешь не ту кнопку?

— Да.

— В обычной жизни так не бывает. Слишком сильна зависимость принятия решений от человеческого фактора. От административного ресурса, взяток, телефонного права.

— А я знаю, что надо сделать, чтобы законным порядком, если уж и не нейтрализовать судью-коррупционера в полном объеме, то хотя существенно уменьшить вред, который он наносит людям своими несправедливыми решениями.

— И как же?

— Многие решения судов низшей инстанции опротестовываются и возвращаются на пересмотр судами высших инстанций. И нередко в этот же суд. Пусть дело даже будут рассматривать другие, все равно волокита остается.

На заводе за брак наказывают рублем. А судья-бракодел ответственности за свою ошибку не несет. Ни моральной, ни материальной. Отсюда растет неверие народа в правосудие. Умный сделает все, чтобы не доводить дело до суда, не надеясь на гарантированную объективность решения. А у нечестного, но ловкого судьи при таком положении дел получается возможность и выносить несправедливые вердикты, за которые ему положат на лапу. Что делать? Я предлагаю ввести такую систему оплаты работы судей, которая бы учитывала качество рассмотренных юристами дел. Не отменили, не обжаловали, не опротестовали твой приговор, не отправили дело на следствие — получи в кассе только, скажем, 75 процентов должностного оклада. В следующий раз будешь судить справедливее и умнее. А если вот таким образом отсекут по четвертинке не с одного твоего несправедливого решения, а, скажем, с четырех, то уже свой вердикт будет выносить высший судья-жена.

Далее. Результаты работы судей надо фиксировать в специальном реестре, с которым можно познакомиться истцам и ответчикам. Первым — для возможности выбора судьи, вторым — для его отвода. Надо ввести классность судей, установить категории. При такой методике резко возрастет конкуренция судей и ситуация перестанет напоминать стоячее болото, которое, как известно, гниет.

— Круто. Помрут ведь многие, а в лучшем случае без порток все останутся.

— Ничего. Пусть лучше римское право изучают и кодексы. Будет происходить естественный отбор. Как в природе. Выживут самые сильные и справедливые.

— Жестокий вы, однако, человек, Иван Матвеевич. Совсем не думаете о судебных детках и престарелых родителях.

— Отнюдь. Пусть проводят аттестации. Желательно регулярные. С проверкой знания мировой практики, международных правовых актов. Не секрет, что многие судьи шагают в ногу с бывшим самым читающим народом. Не заглядывают в журналы и книжки.

— Это верно. И уровень их IQ даже ниже, чем у американского президента Буша. Однажды на процессе, где рассматривались жалобы ста жителей по поводу несогласованного с органами строительного надзора (уже был вырыт котлован) сооружения дома олигархов, который мог снизить им до полумрака уровень инсоляции, судья легкомысленно прошуршал страницами и трогательно признался: «Но я же в этих делах ничего не понимаю. Дайте мне хоть время изучить вопрос». Обреченные на жизнь впотьмах люди великодушно дали ему время для работы над самим собой. Прошел годик. Олигархи выкупили у терпящего бедствие завода детский сад, набили его клерками. На пеньках вырубленного скверика вырос домина с подземным гаражом-вонючкой. А людям было отказано в иске.

— Ну, а почему сегодня не спросить у того судьи за брак в работе?

— Почему? Потому что кончается на «у». Судьи сегодня, как священные индийские коровы. Они не подконтрольны обществу. Их нельзя, как и депутатов, отозвать. Им нельзя выразить недоверие. Они боги. Идолы. А вышестоящая власть наказывает их только тогда, когда судья попадает на взятке. Только это считается криминалом. Низкий профессионализм, отсталость, впадение в маразм не в счет. Но лишения сана и наказание происходят эпизодически, для острастки других.

Николай Дронов

КОМУ БЫЛО АДРЕСОВАНО СООБЩЕНИЕ ТАСС?

До сих пор и в серьезной печати, и в бульварной прессе полно самых противоположных мнений деятельности советского руководства в предвоенное время, конца 30-х — начала 40-х годов. Особенно усердны антизнайки и дилетанты в обвинениях Сталина за «неумелые и... неразумные действия» непосредственно в канун войны, когда на их «просвещенный» взгляд, имелись все шансы многое изменить к лучшему...

Так ли все это и насколько оно соответствует действительности?

Для начала оценим то нелегкое время не с позиций «героев, видевших бой со стороны», а с позиции авторитетных участников тех событий и испытаний. Напомню критикам и низвергателям хозяина Кремля, что Германия готовилась к вторжению в СССР в условиях, максимально благоприятствующих варварским действиям. А вот для Советского Союза время, предшествующее войне, было полно вопросов, неясности и неопределенности. Убедительны и актуальны поныне слова об этом маршала К. А. Мерецкова в его воспоминаниях: «Поскольку в самом начале войны Англия и США стали нашими союзниками по антигитлеровской коалиции большинство лиц, критически рассуждающих ныне о тогдашних решениях нашего руководства, машинально оценивают их лишь в плане была чрезвычайно сложной. В то время не существовало уверенности, что не возникнет антисоветской коалиции капиталистических держав в составе, скажем, Германии, Японии, Англии и США. Гитлер отказался в 1940 году от высадки армии в Англии. Почему? Сил не хватило? Решил разделаться с ней попозже? Или, может быть, велись тайные переговоры о едином антисоветском фронте? Было бы преступным легкомыслием не взвешивать всех возможных вариантов. Ведь от правильного выбора политики зависело благополучие СССР. Где возникнут фронты? Где сосредоточивать силы? Только у западной силы? Только у западной границы? Или возможна война и на южной границе? А каково будет положение на Дальнем Востоке? Это многообразие путей возможных действий при отсутствии твердой гарантии, что в данном случае удастся сразу нащупать самый правильный путь — дополнительно осложняло обстановку («На службе народу», М., 1988, стр. 199—200).

До сих пор в биографии Сталина остается «черным пятном» его, т.н. «Сообщение ТАСС» от 14 июня 1941 года, которое, как уверяют все критики вождя, дезориентировало советских людей, притупило бдительность командования РКК, развязало руки агрессору и подставило страну под удар Гитлера... Знающие люди, в частности Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов, уже не раз убедительно доказывали на этот счет, что «злополучный документ» никакого отношения к упомянутым обвинениям не имел и иметь не мог. Ведь главное дело военных — быть начеку всегда и везде! Провоцирует врага на соблазнительный внезапный удар, не высокая боеготовность войск, а наоборот, отсутствие у них такого состояния!! Долг гражданских лиц тоже

добросовестно и старательно исполнять свои обязанности, несмотря ни на какие (письменные или устные) выступления своих или чужих политиков! Дело остальных — тоже заниматься своими делами, не разевая рот, не развешивая ушей и не теряя времени в столь ответственный момент.

Не потому ли, начиная с головопята Хрущева, столь усердно и подло вменяется в вину Сталину именно это, непонятное многим и поныне «Сообщение»? Ясно, что пустой голове Микиты было не по мозгам прочесть истину между строк, и он сдуру навалил «до кучи» в число обвинений Иосифа Виссарионовича и эту «вредную бумагу». Не случайно, «благодаря» именно «волонтаристу № 1» доступ к другим документам, связанным с этим «Сообщением», был до последнего времени полностью исключен. Но все же некоторым писателям-историкам, в числе которых и Арсен Мартиросян, особо отличившийся в доскональном изучении и освещении «подвигов красных маршалов», сумели вскрыть многие пласты истины и в рассматриваемом нами вопросе.

Чтобы читателю легче было связать воедино все детали, имеющие отношение к теме нашего разговора, изложу в хронологическом порядке те далекие и неафишируемые поныне события.

Итак, 11 мая 1941 года 2-й человек Германии — Рудольф Гесс перелетел на истребителе в Англию. А через четыре дня другой немецкий самолет, только на сей раз военно-транспортный «Ю-52», нарушил воздушное пространство СССР и, пролетев по маршруту: Белосток — Минск — Смоленск — Москва, благополучно приземлился на Центральном аэродроме. Германскому правительству был немедленно заявлен официальный протест, после чего воздушному нарушителю было позволено беспрепятственно улететь обратно.

В том же мае 1941 — 5, 9 и 12 числа по инициативе германского посла графа Шуленбурга состоялись его встречи с нашим послом в Германии Деканозовым. И здесь, со времен Хрущева бытует версия, будто бы Шуленбург, являясь противником войны с СССР и зная, что она может разразиться со дня на день, решил таким образом предупредить советское правительство о смертельной опасности.

Однако на самом деле все обстояло с точностью до наоборот! Шуленбург выполнял особой важности поручение самого Гитлера. И 5, и 9 мая, кстати, на второй конфиденциальной беседе присутствовал личный переводчик Сталина, Шуленбург упорно проводил мысль о необходимости «некоторых» совместных советско-германских действий на высшем уровне в целях предотвращения войны между двумя государствами. Деканозов с санкции Сталина выдвинул встречную идею: «Мне казалось, что поскольку речь может идти об обоюдных действиях, то можно было бы опубликовать совместное коммюнике, в котором, например, можно было бы указать, что с определенного времени распространяются слухи о напряженности советско-германских отношений и назревающим якобы конфликте между СССР и Германией, что эти слухи не имеют под собой основания и распространяются враждебными СССР и Германии элементами». Внимательному читателю становится понятным, что в таком предложении явно просматривается главная мысль Сталина: прозондировать почву, можно ли так повязать Гитлера совместным заявлением-коммюнике, чтобы в случае если он и в самом деле решится в одностороннем порядке нарушить его (обсуждаемое совместное заявление), а главное — «Договор о ненападении» от 23.08.1939 г., всем в мире без объяснений стало бы ясно, что именно он и есть вероломный агрессор!

Не дурак Шуленбург тоже сразу уловил замысел Сталина и выдвинул свое предложение, которое в изложении Деканозова звучало так: «Шуленбург полагал бы целесообразным воспользоваться назначением (5 мая 1941 г. — *Н.Д.*) Сталина главой советского правительства. По его мнению, Сталин мог бы в связи с этим обратиться с письмами к руководящим политическим деятелям ряда дружественных СССР стран,

например к Мацуоке, Муссолини и Гитлеру, а «может быть,— добавил Шуленбург,— и к Турции», и указать в этих письмах, что, став во главе правительства, он заявляет, что СССР будет и в дальнейшем проводить дружественную этим странам политику...». Текст писем предлагалось послать всем тем главам государств одинаковым, но Гитлеру,— настаивал Шуленбург, желательно было бы добавить следующее, например, что «до Сталина дошли сведения о распространяющихся слухах по поводу якобы имеющегося обострения советско-германских отношений и даже якобы возможности конфликта между нашими странами. Для противодействия этим слухам Сталин предлагает издать «совместное германо-советское коммюнике», примерно, указанного выше содержания. На это, говорил граф, последовал бы соответствующий ответ фюрера и острый вопрос, по его мнению, был бы полностью разрешен».

На первый взгляд, разницы в предложениях Деканозова и Шуленбурга никакой: как говорится, что в лоб, что по лбу. Потому не случайно, вспоминает наш посол, Шуленбург одобрил советское предложение, но добавил, что надо обязательно объединить предложения обеих сторон и действовать быстро (!?). Тогда все изложенное в совместном заявлении можно будет очень быстро реализовать на практике. По мнению Шуленбурга, если принять только предложение Деканозова, то вполне возможна (нежелательная немецкой стороне) задержка, т.к. может не оказаться на месте министра иностранных дел Риббентропа или самого Гитлера. В случае же личного обращения Сталина с упомянутым письмом к Гитлеру, то последний пошлет для курьера специальный самолет и дело пойдет скоро и без проволочек...

Наш посол, в свою очередь, заявил, что предвидит трудности и в реализации шуленбургского предложения, на что вновь последовал ответ: «Было бы хорошо, чтобы Сталин от себя спонтанно обратился с письмом к Гитлеру».

Таким образом, под советским предложением мы видим дипломатическую попытку Сталина использовать складывающуюся ситуацию, чтобы хоть как-то, хоть ненадолго, но связать Гитлеру руки и выиграть время для подготовки к отпору агрессии.

А вот в немецком варианте, в котором Шуленбург особенно настойчиво озвучивал и отстаивал идею об инициативно-спонтанном письме Сталина на имя Гитлера, да еще с упоминанием, что «впредь СССР будет проводить дружественную политику по отношению к Германии, Италии, Японии и даже к Турции», скрывалась совсем иная цель. Ведь напиши Сталин такое инициативное письмо Гитлеру, то известному миру (Германии, Японии, Италии и Турции) становилось очевидным, что до назначения нашего генсека главой государства, СССР проводил по отношению к ним недружественную политику (!?). Напомню, в день нападения на нас, Гитлер через Шуленбурга пытался всучить Молотову меморандум именно такого «обвинительного» содержания!..

Но еще опаснее было другое. В предложении немецкого посла просматривалось явное стремление Берлина заполучить от Москвы признание установленного нацистами в Европе «нового мирового порядка» и ведущей роли оси «Берлин — Рим — Токио» в мировых делах. Т.е. Кремль фактически расписывался бы, что от антизападничества в идеологии решительно переходит к реальному военно-геополитическому прозападничеству, чуть ли не как 4-й член этой оси!

А отсюда менее полушага и до встречных требований серьезных уступок в политической и экономической сферах в качестве реального доказательства искренности лояльной позиции СССР по отношению к державам оси!

Но и это было еще не все. Столь невиданная и несвойственная выдержанному Шуленбургу беспардонная напористость об очень срочной «инициативно-спонтанной» отправке Сталиным письма Гитлеру, при условии, едва ли не от имени фюрера гарантировать присылку спец. самолета за этим письмом, не могла не вызвать у Иосифа Виссарионовича сильных подозрений.

Было ясно, что по каким-то причинам такая «бумага» была немедленно и допоза-рез нужна Гитлеру. Эта причина стала известна через два дня — 11 мая, когда Гесс приземлился на парашюте в Англии. Покажи Гесс в тот день вещдоказательство, что Лондону не на что было надеяться, раз Москва письменно признала верховенство Германии в Европе, и тучи вокруг СССР стали бы еще гуще! Ведь при таком письме у Англии уже официально не оставалось выбора: либо согласиться на почетный мир на немецких условиях, либо присоединиться к Гитлеру в его походе на Восток. И первое, и второе означало, что Советскому Союзу пришлось бы воевать на три фронта: на Западе, Дальнем Востоке и Северном Кавказе!

Многokrатно превосходивший Гитлера в аналитическом искусстве политическо-го поединка, Сталин (он просчитывал свои решения и действия на 40 и более ходов вперед!) практически мгновенно разгадал замысел Гитлера объегорить Лондон: обеспечить себе спокойный тыл на Западе при реализации блицкрига на Востоке. Безусловно, ждавшая себе такого фигового листка Англия и без прикрытия «гениталий» по максимальной поспособствовала Гитлеру в черном деле: не открывала второго фронта до самого лета 1944-го. То есть до тех пор, пока фюрер не разрядил всю свою огромную военную мощь на советском фронте!

Не сомневаясь в такой негласной договоренности между Германией и Англией (на практике оно так и было). Сталин сумел поставить на службу СССР даже беспредельно подлый, коварный и изощренный в антиславянизме туманный Альбион!

Располагая достоверными сведениями о подготовке фашистской агрессии, он послал Гитлеру (то самое) «Инициативно-спонтанное» письмо, но совершенно иного содержания, которое вынудило Гитлера против своей воли говорить правду! Расчет Сталина и по времени, и по существу был исключительно точен: в ситуации, когда весь мир расценивал полет-прыжок Гесса, как попытку договориться с Лондоном хотя бы о нейтралитете во время его похода на Восток, Гитлер должен был немедленно, без проволочек ответить на один главный вопрос: как долго еще будет продолжаться концентрация его войск у советских границ?

И вот что (дословно) ответил тогда Гитлер: «Уважаемый господин Сталин! Пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства...

Однако, чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе непопулярна любая война (и это при 27 млн. активных членов нацистской партии! — *Н. Д.*). А война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами — трагическим событием. Не скрою, что я думаю так же и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий, с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир, убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на (Английские) острова и окончательного сокрушения этой страны.

Однако английская разведка стала ловко использовать в своих целях положение о «народах-братьях», применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде.

Поэтому оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства. Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю — в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, еще раз побудить к здравому смыслу, хотя бы самым своим невероятным поступком. Судя по

имеющейся в моем распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня.

В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство.

При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника (и это на территории преданной Англии — Польше! — *Н. Д.*), а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий (на самом деле в 2 раза больше! — *Н. Д.*), что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным.

Я опасюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце.

Примерно 15 — 20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе, и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер.

14 мая 1941 года».

Как видим, нежданно уколовшись на острых словах вопроса в письме Сталина, Гитлер вынужден был интуитивно «вскрикнуть», т.е. выдать свой главный секрет — ориентировочное время своего нападения на СССР, хотя и старался максимально завуалировать это началом «настоящих» боевых действий против Англии...

Таким образом, налицо выдающаяся победа в блестяще проведенной лично Сталиным разведывательной операции стратегической значимости!

Судя по всему (об этом через несколько строк), Сталин знал содержание ответа Гитлера еще до получения его письма: шифром посла фюрер вкратце сообщил свое послание Шуленбургу, а тот через Деканозова (во время 3-1 встречи 12 мая 1941 г.) — Сталину.

Вот почему в СССР немедленно последовали упредительные распоряжения и контрмероприятия, о которых «некоторые» высокие начальники, оболыщенные Хрущевым, сознательно умолчали в своих воспоминаниях:

— 13 мая была издана директива о выдвижении войск внутренних округов в приграничные;

— 14 мая командующим приграничных округов (лично каждому) был отдан приказ: «К 20(25) мая 1941 г. лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать детальный план обороны государственной границы и планы ПВО...»

Кстати, меньше всего уделили внимания исполнению этого важнейшего приказа командующие Белорусским и Киевским военными округами;

— 24 мая Сталин открыто предупредил все высшее советское руководство и персонально-военное о том, что в ближайшее время СССР может подвергнуться внезапному нападению Германии;

— 27 мая был отдан приказ о срочном строительстве полевых фронтовых командных пунктов во всех пяти (Западных) приграничных округах. Но вновь командующий БВО генерал Д. Павлов и не подумал пополнять БОЕВОЕ распоряжение Москвы, а его киевский коллега — генерал И. Кирпонос — ограничился полуисполнением судьбоносного приказа;

Тогда же последовали указания о немедленном приведении в полную боевую готовность всех долговременных огневых сооружений западных укрепрайонов!..

После всего сказанного приходится очень сожалеть, что у Сталина не хватило времени, чтобы лично проверить исполнение этих важнейших подготовительных к войне мероприятий. А Наркомат обороны, Генеральный штаб и Главная военная инспекция в лице: маршала С. Тимошенко, генералов армии Г. Жукова и К. Мерецкова почему-то не установили жесткого оперативного контроля за реакцией командования в округах...

Сталин не ограничился, как он полагал, вполне достаточными мерами в подготовке РККА к отражению скоро ожидаемого внезапного нападения Германии. Он не забыл Гитлера. Ведь наш вождь был не из тех (аморфных на мозги и тело) его «преемников», кто позволил себя дурачить в личной переписке между главами государств! Тем более, он никому и никогда не прощал обмана, тем более, врагам России! Ровно через месяц после получения майского ответного письма Гитлера появилось «злополучное» (по Хрущеву) «Сообщение ТАСС» от 14 мая 1941 года. Ввиду обилия обвинительных ссылок на него, не говоря уже о самой по себе его значимости и, конечно же, насущной необходимости достоверного информирования о нем читателей, приведу этот текст полностью:

«Сообщение ТАСС.

Еще до приезда английского посла г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости» войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры

на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия красной армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Раз Хрущев и его поклонники в военной форме не сумели «разобраться», что означал на самом деле этот шаг советского вождя, попробуем это сделать сейчас сами.

Сталин самим фактом «Сообщения» во всеуслышание напомнил Гитлеру: месяц прошел! Или отводи войска на Запад, как обещал, или заявляй (также на весь мир) об отсутствии у Германии каких-либо агрессивных планов. А если есть какие-то (к кому-то) претензии, то вырази готовность к конструктивному диалогу!

«Сообщение ТАСС» было «по уму» еще и по той причине, что наша погранразведка установила: немцы назначили на 13 июня 1941 г. начало выдвигания своих войск на исходные позиции для нападения на СССР. Более того, едва наш посол в Лондоне (И. Майский) передал (13.06.41 г.) текст «Сообщения ТАСС» У. Черчиллю, как тут же в британское посольство (в Москву) была направлена срочная телеграмма с приказанием немедленно приступить к эвакуации сотрудников посольства. Выходит, коварные союзники по антигитлеровской коалиции были уверены в успехе фашистского «Блицкрига». Выходит, что и этим ходом Сталин снова проверил достоверность информации об угрозе нападения Германии в ближайшее время!

Как видим, «сообщение ТАСС» вынуждало и обязывало Гитлера делать одно из двух: либо оказываться от агрессии или переносить ее на более поздний срок. Либо оставлять «Барбароссу» в силе, но прилюдно принимать на себя вину за развязывание войны против СССР. В последнем ясно читалось, что оставление Гитлером без ответа «Сообщения ТАСС» означает одно: фюрер все понял, но блицкриг не отменяет и дата нападения остается без изменения.

Недаром именно так оценил «Сообщение» И. Геббельс, докладывая Гитлеру свое мнение об этом шаге Сталина!

Второй вариант реагирования фюрера для советского руководителя означал получение ответа на самый главный вопрос — о дате нападения Германии. Из-за крупномасштабных дезинформационных мероприятий спецслужб рейха разброс «времени ИКС» в докладах нашей агентуры был самый широкий: неоднократно в марте, также в апреле, тоже — в мае... Но вот 13 июня, именно в этот день исторический документ в 18.00 был передан по московскому времени в открытый эфир московским радио, а одновременно с этим текст «Сообщения» был передан Молотовым немецкому послу Шуленбурга, в сведениях наших разведчиков стало преобладать число... 22 июня!

Можно только горько сожалеть, искренно возмущаться и негодовать, что столь великое достижение Сталина не использовали должным образом некоторые главные красные военачальники в центре и на местах!

Сталин все-таки пожалел за преступные промахи перед войной отдельных таких

«ворон в лампадах», а они в ответ (в знак «благодарности») после гибели Верховного свалили (вместе с Хрущевым) свои тяжкие грехи перед страной на истинного спасителя Отечества!

Есть смысл прояснить ситуацию и в случае с нарушением 15 мая 1941 г. нашего воздушного пространства самолетом Германии «Ю-52», на котором был доставлен Сталину приведенный выше ответ Гитлера. И в этом «моменте» мы видим насколько гениально действовал тогда глава Советского Союза. Если бы англичане узнали о таком обмене посланиями, то это и для СССР, и для Германии в отношениях с Лондоном ничем хорошим бы не светило. У Гитлера на ноль сводилась бутафорская акция Гесса, а у Сталина терялись шансы удержать Англию от официального сотрудничества с Германией. Вот поэтому Сталин подыграл Гитлеру, «оформив» полет «Ю-52» как «грубое нарушение нашего воздушного пространства». Наш «протест» по этому поводу не вызвал у англичан никакого подозрения. Ведь немецкие самолеты к этому времени уже многократно вторгались на нашу территорию, что каждый раз официально сопровождалось протестными предупреждениями СССР. Вот поэтому уже с 9 мая 1941-го в ожидании прилета «варяжского гостя» с нужным посланием нашими же военными была нарушена линия связи, по которой должно было пройти оповещение о воздушном нарушителе. Добавлю, что в день прилета «Ю-52» по Москве был пущен слух о переполохе в Кремле и даже аресте нескольких высоких военачальников ПВО. Именно поэтому в «строжайшем» приказе наркома обороны СССР № 0035 от 10 июня 1941 г. «виновные» отделались, кто... «выговором», кто «замечанием», а кому и вовсе было «поставлено на вид!»

Именно в таком варианте связи сыграло роль и то, что Сталину было хорошо известно об американском агенте в германском посольстве в Москве, информацией от которого Штаты немедленно делились с англичанами.

А теперь расшифруем предвоенную политику Сталина и с позиций обязательно учета интересов и намерений других, втянутых во вторую мировую войну, стран.

Германии было выгодно, чтобы на нас напали Япония и Турция. Даже трудно говорить, как бы мы выдержали войну на три огненных фронта. Германии также крайне необходимо было перемирие с Англией. Еще раз вспомним «полет-прыжок» Гесса на «территорию условного противника». Ведь Гитлер тоже понимал, что именно этим «залогом» он по-настоящему обеспечит вступление в войну СССР Японии. Действия Японии тоже значительной степени зависели от действий Англии. Выйдет она из войны — и Япония, в связи с усилением английского флота на Тихом океане, вероятнее всего, нападет на СССР; остается Англия в состоянии войны с Германией — Япония нападет на США.

Получается, что и для СССР на первое место выходила позиция Англии. Если она заключает перемирие с Германией, то наши проблемы неизмеримо возрастают. Если остается с Германией в состоянии хотя бы «странной войны», то у нас один фронт, а Британия — автоматический союзник, с перспективой присоединения в коалицию и тесно связанных с ней Соединенных Штатов Америки. Но, скорее всего, если Германия нападет на СССР, Англия не выйдет из войны. Ведь позорный и горький для нации пример правительства Чемберлена по «умиротворению» агрессора висел дамокловым мечом и над кабинетом Черчилля. А вот если СССР первым нападет на Германию, то самые худшие прогнозы становятся для нас страшной явью: Англия безусловно и «обоснованно» выходила из игры...»

Как видим, судьба страны полностью зависела от сакраментального вопроса: кто на кого первым нападет? Советскому Союзу, конечно же, было не до предлагаемого некоторыми военными инициированного нападения на Германию. Но нас могли искусственно сделать агрессором. Пример Польши и других евростран — жертв Гитлера, со всей очевидностью говорил о возможности такого же (так нужного Германии и

ее спонсорам) номера и о СССР. Выгодно будет поверить в «нашу агрессию» и Англии, после чего она немедленно заявит о нейтралитете.

Следовательно, на месте Сталина надо было делать все возможное, чтобы не попасться на такую провокацию. По сравнению с тем, что было тогда поставлено на карту, никакие антипровокационные мероприятия не являлись дорогими или чрезмерными, никакие сбитые самолеты не компенсировали бы последствий ополчения всего мира против СССР. А ведь именно те же чересчур горячие военные, если вспомним их мемуары, именно в это время сетовали на категорический запрет ведения воздушной разведки, уничтожение «случайно» залетевших самолетов, подтягивание и развертывание войск по полной боевой, объявление мобилизации и т.п.

Снова повторяюсь, 22 июня весь мир увидел: Гитлер — агрессор! Вот где уже был сделан первый победный шаг в той величайшей войне со стороны хозяина Кремля, именуемый сейчас за рубежом... 11-м Сталинским ударом!

Реши, читатель, и сам, что было 21 июня вечером лучше всего делать: открыто поднимать войска по боевой тревоге и даже приказать первыми напасть, как это предлагали все те же горячие головы? Или поднимать их с конкретными оговорками и указанием тогда открывать огонь, когда провокация уже была исключена?!

И здесь, в полном объеме, вновь неправы критики бывшего Верховного Главнокомандующего. Если первый выстрел с нашей стороны был исключен, то почему сразу не последовало второго (ответного) выстрела, залпа, вылета, к примеру, в Белорусском округе? Выходит у бывшего германского военнопленного генерала армии Павлова Д. Г. на этот счет имелось совсем другое мнение?! Почему тогда совсем иначе действовали моряки Черноморского, Балтийского и Северного флотов, сухопутчики Северо-Западного, Юго-Западного и Южного фронтов? Или Сталин посылал им через С. Тимошенко и Г. Жукова совсем другие приказы и директивы?

По-моему В. В. Маяковский, в свою бытность, так отвечал своим критикам, завистникам и недоброжелателям: «Мы — умы, а вы — увы!..»

Лучше и не скажешь в адрес пасквилянтов — антиисториков!
Честь имею!

ЮБИЛЕЙ

Николай Боев

ГОЛОС РАЗУМА И ДУШИ

Имя Виктора Пахомова давно и прочно утвердилось в русской поэзии. Достаточно привести такой факт: в 12-томном «Венке славы» — лучшие произведения писателей СССР о Великой Отечественной войне его стихи представлены во многих томах. А «Венок славы» разошелся не только по всем просторам «республик свободных», но и по всем странам и континентам. Он лауреат премий Союза писателей, лауреат журнала «Дружба народов» за лучшую публикацию года. Это далеко не полный перечень его литературных заслуг. Приведенная преамбула точно определяет место поэзии В. Пахомова в сложном и многогранном мире литературы. Добавим только, что на тульской земле он давно уже утвердился как тульский классик. Каждое его печатное слово, каждое стихотворение является ориентиром в мире поэзии, так сегодня захламленном различными самоиздатами. И вот его новая книга «Твердь родимая».

Поэт остается верен своим принципам, верен голосу разума и души. Сын самого сложного XX века, он не уходит от ответственности за то, что произошло со всей страной, со всеми нами в конце прошлого века, в одночасье забросившего нас в другое параллельное измерение.

*Не помнить ни о чем! Заснуть, забыться,
Отринуть все, что сердце извело.
Что заставляет мелко суетиться,
Кривить душой, перемогая зло...
Но в остуди, текущей к понизовью,
Очнись с тревогой, мучащей как ость:
С чего в полях, омытых нашей кровью,
Взрастает ныне ненависть и злость?*

Вчитываюсь в страницы книги, и меня не покидает ощущение пушкинского выдоха: «Ни разу не солгавший голос, был эхом голоса народа». Боль века, обрушившаяся на страну и народ, все темное, все враждебное, пронизывают поэта, входят в его строки: а мы-то где были, что же мы смотрели, как терзают Родину, предают и продают и оптом, и в розницу ее богатства, а вместе с ними и нас.

*Ни прошлого, ни будущего нет:
Охаяно, оболгано, избыто.
И сумеречный, тягостный рассвет
Процеживает морозь через сито.*

Но не так уж все удручающе в этом мире. Не так уж пессимистичен поэт. В нем живо сыновье чувство Родины, ее историческое величие прошлого — бывало и хуже! А если так, то прорывается в строках и обнадеживающее, оптимистическое.

*Все выдержим, все сдюжим, все снесем —
Известны нам из прошлого приметы.
Все возродим, поднимем и спасем,
В себе бы лишь не утратить нам веры.*

Стержневой основой через всю книгу проходят два неподдельных чувства поэта: искренняя любовь к матери-Родине и исповедальное покаяние перед ней.

*Пространство времени и жизни
Нам все отпущено, дано,
Чтоб срок земной с судьбой Отчизны
Быть рядом, вместе, заодно.*

Конечно, книга не ограничивается этими двумя основополагающими чувствами творчества поэта. Она шире и глубже. Настоящий поэт, коим и является В. Пахомов, охватывает все сферы бытия. Он отражает свой век во всех его проявлениях и делит с ним боль и радость пополам. Дитя военного времени, потерявший на фронте отца-героя, он ел горелый хлеб. познал все унижение и тяжесть оккупации и послевоенную разруху, голод и холод. И все это нашло отражение в стихах.

Как истинный художник, В. Пахомов видит свою задачу в поэтическом отражении действительности. Жизнь продолжается, вслед за ночью наступает утро, за голодной зимой — теплая весна. Земная радость не чужда никому.

*Голубые капли на зелени —
Незабудок веселый набег.
Одуванчиков столпотворение,
Шум и гам, чей-то свист, чей-то смех.*

В. Пахомов с детства наделен даром живописца. Ему даже пророчили большое будущее на это стезе. Но пересилила поэзия. И все же в его творчестве органически присутствует художник — картины его стихов красочны и зримы.

*Густой, настоянный на росах
Рассветный воздух терпко прян.
Стеной поднялся на покосах
Молочно-розовый туман.*

Немало места в книге отведено историческому прошлому России, теме любовной лирики, сопровождающей человека на всем его жизненном пути.

Представим слово В. Пахомову:

«Наверное, в жизни каждого из нас есть такой человек-опора, встреча с которым определяет многое в судьбе. Их называют учителями, наставниками, воспитателями, крестными отцами и т.д.

Поэт Николай Константинович Старшинов для меня все вместе взятое.

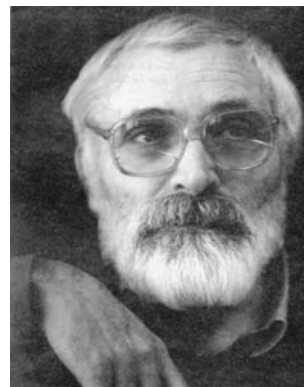
Но пройдет эйфория от первых книжек, принятие в Союз писателей, и наступит отрезвление, осознание собственной малости, ничтожества перед великой русской поэзией, куда вступил, не отдавая отчета перед всей серьезностью шага. Мое медленное, долгое становление, поздний профессионализм стоили мне дорого. В свое время я ушел от живописи, теперь надо было отказаться от школы, где долго работал учителем, директором, зарабатывал на хлеб насущный».

Вот так, обнажив нервы и душу, поэт повествует о своем пути в поэзию, в большую литературу. Может быть и не стоило заострять на этом внимание, но время взыскует и требует. Больно легко сейчас издать книгу — плати и издавай. И издают, издают пачками. И губят себя, губят, вредят поэзии. Не дозревая, не переболев болью времени, а порою и не поняв самого себя. Но такая судьба, как у В. Пахомова, под силу далеко не каждому. Кто-то сгорит, кто-то затухнет — выжили далеко не все. А если выжил, то поэзия сама находит избранника, возблагодарив его своей любовью.

Добавим, что В. Пахомову удалось издать первую книгу на пятом десятке своей земной жизни. Но он вышел к читателю уже сложившимся поэтом, со своим голосом, со своим видением мира, со своими поэтическими принципами. С годами он наращивал мастерство, шлифовал его и укреплял.

Книга «Твердь родимая» — откровение зрелого мастера.

Александр Новгородский

ВИЖДЬ И ВНЕМЛИ!

Моя статья, этот краткий обзор, не претендует на всестороннее исследование творчества поэта В. Пахомова, которого он безусловно заслуживает. Кстати сказать, звание заслуженного работника культуры он таки получил (после пятнадцати лет бумажной волокиты), с чем мы его и поздравляем.

Ниже следующее — всего лишь отклик читателя на нерядовое литературное событие тульского края. Новую книгу известного поэта, нашего земляка, Виктора Федоровича Пахомова «Твердь родимая», точнее, думается, надо бы назвать очередной, так как, по сути своей, она мало чем отличается от предыдущей («Избранное 2000»). Большинство стихов публиковалось, они признаны и любимы читателями. Можно было бы упрекнуть автора за некоторую поспешность, из-за чего пострадало оформление книги, но воздержусь. Думаю, что это произошло не от жажды самотиражирования, а скорее для утверждения этой самой тверди родимой, и делает это поэт со знанием дела, полновесно; крепким, взвешенным художественным словом. Таким он зарекомендовал себя с самого начала, смолоду, за что был замечен и поддержан В. Астафьевым, Я. Смеляковым, Н. Старшиновым и другими крупными мастерами отечественной литературы.

Поэт он знатный, признанный. Высоко оценены его стихи о военном детстве «Венок победы» (цикл стихотворений), достойно приняты они на Родине, победно прошли и по европам. Поэт Пахомов — лауреат многих серьезных литературных премии, отмечен в антологии поэзии XX века.

В. Пахомов — поэт коренной. Родом из деревни, он кровно и навсегда с ней связан, и потому ему невыносимо больно смотреть на нынешний ее разор:

*Этот край запустенья и тлена,
Умиравших брошенных сел,
Я, как будто сбежавший из плена,
Отрепленно и горько прошел.*

Избранное. «Этот край запустенья и тлена...»

И далее:

*Дым отечества... Слышу нередко.
Почему не срываюсь на крик?
Даже дров не имеет соседка,
Чтобы дым этот самый возник.*

Избранное. «Дым отечества... Слышу нередко...»

Крик. Крик души — главное в поэзии В. Пахомова, но он — не кликуша. Слог суров, точен и сдержан. Поэт взывает, как обоснованно определил в своей статье В. Греков:

*Виждь и внемли!
Все лежит во прахе.
.....
Давимся бессилием и жутью.
Ни коня, ни шлема, ни меча.*

Твердь родимая. Виждь и внемли!

Какие выстраданные, жалящие, как пуля, слова!

*Пуста душа и заскорузла плоть,
И вороньем обкраденные дали.
Россия вновь на паперти, Господь,
Обобрана, оболгана, в печали.*

Избранное.

Летописец села, В. Пахомов — не сторонний наблюдатель. Все ему здесь родное и близкое. От его зоркого взгляда ничего не ускользает, ни большое, ни малое. Он вглядывается в лица односельчан и в розни их и в разности видит общее. Это бесконечно любимые ему русские люди. Здесь и председатель колхоза, который на поминках жены про покойницу рассказывал, а выходило про колхоз.

А как колоритно ярко передан образ обыкновенного (необыкновенного) деревенского водовоза дедушки Пуда:

*Ничего не случается в мире.
Все события мимо идут.
На своем мохноногом Пупыре
Едет по воду дедушка Пуд.
Все такой же. Ответьте на милость.
То ли время я так тороплю,
То ли время здесь остановилось,
Здесь, где все до былинки люблю?
В венских ботах, в картузике внука,
Загорелый.
— Как здоровуешь, дед?
Кто таков?— он глядит близоруко.—
Не признаю, ай, Витька-сосед?
Как он рад, как смеется сердечно!
Намекает на выпивку, плут.
Славен, мир, все в нем прочно и вечно,
Если здоровует дедушка Пуд!
Если он — свое чувствует тело,
Различает, где свет, а где мрак.
Если есть его малое дело,
Без которого людям никак.*

Избранное.

В стихах о селе много таких ярких и очень реалистичных образов. Здесь и брошенная сыновьями старуха Марьюшка, у которой одна забота, как ее похоронят; здесь и всеми забытый старик Маркел:

*Старик Маркел на том конце,
Что на отшибе, под сосною,
Зимой умер на крыльце,
Нашли же, бедного, весной!
Под снегом зиму пролежал,
Считали все уехал к внуку.
А ведь ему сам Жуков жал
За доблесть воинскую руку.
Ты сочини о том стишок,
Как схоронили на погосте
Всего-то, Господи, мешок,
А в нем — обглоданные кости.*

Избранное.

Здесь и доярка, которая сожалеет о корове рекордистке, больше чем о пьянице муже:

*Уж лучше б он пьянчуга помер,
Прости ты, господи, меня.*

Избранное. О корове.

По человечески тепло обозначен образ деревенского блажного, который, несмотря на все свои дикие причуды, тоже некая родинка села, ведь после его ухода будет пусто и неудобно:

*Он при ходьбе сам говорил с собою.
И босоногий неумный люд
За ним ходил потешною гурьбою,
Какие им он речи говорил
В немыслимом ораторском экстазе!
Лишь под конец совсем уже без сил
Ронял слова отдельные без связи,
Когда ушел туда, куда и мать.
Навечно без следа и без возврата,
Его в селе вдруг стало не хватать,
Не меньше, чем соседа и собрата.*

Избранное.

В. Пахомов чужие боли и страдания принимает, как свои собственные:

*Просторный гроб у тети Поля,
Хоть не просторное жилье.
Зря ль на лице гримаса боли —
Печать страдания ее?
.....
Ах, тетя Поля, тетя Поля,
Молчим и мучаемся тем,
Что никогда тяжелой доли*

*Не облегчали ей ничем.
Мы даже писем не писали:
Все недосуг — туда, сюда...
Коль наезжала иногда.
А ей другое и не снилось —
В трудах с темна и до темна.
В три слова жизнь ее вместилась:
Война, колхоз, опять война.*

Твердь родимая. Тетя Поля.

Тепло, а порою с горечью, В. Пахомов пишет о селе:

*Там где сельская школа стояла —
От фундамента камни одни,
Да забор из кустов краснотала,
Да от кленов загубленных пни,
Да вертушка от флюгера, что ли,
Да портфель с грустным словом «прости»,
Да тропинка бегущая к школе,
Что сумела без нас зарости.*

Избранное.

Не счесть следов порухи и запустения вокруг. Художник по образованию, В.Пахомов тонкий, незаурядный пейзажист и в поэзии:

*Какую цену платят рощи
За праздник лета и весны!
Деревьев старческие мощи
Растрезаны, обнажены.
Вцепились корни их в суглинок —
Ветра жестоки в октябре.
Не вдруг прибавилось морщинок
На бледно-матовой коре.
И слышу внятно голос рядом:
«О нас радей ты, не радей,
За все расплачиваться надо:
В природе все, как у людей».
Я выхожу из рощи в поле
На тонко брезжащий восток.
Вослед с тропы кричит от боли
Копытом вдавленный листок.*

Избранное.

Только четыре строки и, как маленькая картина, возникает поэтическая зарисовка:

*По мягкой, влажной борозде
Иду, как по теплу овчины.
Звук выдираемых гвоздей
Напоминает крик грачиньей.*

Избранное.

А вот еще одна деревенская зарисовка

*С соломою полнок прозорливый
Таца, как муравьишка
Спешит на изволок
Колесный тракторишко.
Чуть ветрено. Мороз.
Полынь дрожит от стужи,
Ползут из-под колес
Раздавленные лужи
И, лакомясь ледком,
Что в их, как видно, вкусе
За трактором рядком
Шагают важно гуси.*

Избранное.

Какой сыновней любовью здесь дышит каждое слово, и с виду все вроде предельно просто.

А вот другая картина, полная тревоги и боли:

*В полночь выблует смрадный завод
Ядовитую порцию шлаков,
Чтоб в канаве отравленных вод
Результат был для всех одинаков.
Передохнет вся живность, вся тварь,
Там где струи пронизывал жерех,
Снулый сом, не какой-то пескарь,
Ткнется, будто утопленник, в берег.*

Избранное.

Мурашки по коже.

Высокая нравственность отличает поэзию В. Пахомова, неизменной хранительницей ее является русская женщина:

*То ли ей было завещано,
Случай ли это, беда,
С неба сошедшая женщина
Не возвратилась туда.
С небом какие там счеты?
Сделала так не со зла:
Не отпустили с работы,
Не отпустили дела.
Не отпустили дороги,
Не отпустила судьба.
Хмурились, хмыкали боги
Пальцем крутили у лба.
Как ни страдала, ни гнулась,
Матерью став и женой,
Все-таки не вернулась,
Так и осталась земной.*

*Женщина — вечная тайна,
Что не постичь, не прочесть.
В каждой, совсем не случайно,
Что-то небесное есть.*

Твердь родимая. Женщина.

Само слово Россия ассоциируется у В. Пахомова с женским именем:

*Пусть сильнее, чем узы крови
Наше с Родиной родство —
Ксения,
Анастасия.
Мать,
Невеста
И жена.
Женским именем Россия
Неспроста наречена.*

Избранное. Крикну ли, шепну, Россия!

Значительное место в творчестве В. Пахомова занимает война. Вот одно из его воспоминаний о «горьком сорок первом годе»:

*У нас у всех с войною счеты.
Шел сорок первый горький год.
В разгар уборочной работы
Кружил над нами самолет.
Мы, падая в изнеможенье,
Кричали «Мама!» каждый раз,
И мама от крылатой тени
Собою закрывала нас.
Он не стрелял, он развлекался,
Патроны, видимо, берег.
Но вдруг из облаков прорвался
Наш краснозвездный «Ястребок».
Как мама плакала от счастья
Сестренку и меня обняв,
Когда рассыпавшись на части,
Стервятник вспыхнул и упал!
Мы, подбежав, глядели немо,
И ноги налились свинцом...
Из-под разодранного шлема
Белело женское лицо.
Открытый рот, вставные зубы,
И струйка пота, не слеза,
И ярко крашенные губы,
И подведенные глаза.
Испуганно шептались травы
В тени разбитого крыла.
Не верилось, что эта фрау
Кому-то матерью была.*

Твердь родимая. У нас у всех с войной счеты.

Сполна хлебнул военного лиха мальчишка Витя Пахомов:

*Нас выгнали немцы из дома,
На снег, на мороз из тепла.
Овинов ржаная солома
Тогда нас бездомных спасла.
Когда же однажды под вечер,
Заслышав возмездья грома,
Бежала фашистская нечисть,
Сжигая в округи дома.
Вернулись мы жалки и нищи.
Продравшись тайком сквозь кусты,
И страждущий дым пепелица
Забил нам кричащие рты.
Мяукала кошка знакомо,
Качался обугленный вяз —
Вот все, что осталось от дома,
От детства осталось у нас,*

Твердь родимая. Нас выгнали немцы из дома.

События 41 года изображены выпукло, как происходящие в настоящее время:

*Под осени тягостный рокот,
Раз в день получая еду,
Мы рыли под Тулой окопы
В святом сорок первом году.
С лицом утомленным, небритым
Мне врезался в память боец,
Что так изумился: «А ты то,
А ты-то зачем здесь, малец?»
Я помню, как обескуражен
К нему повернулся спиной,
Как мама сказала: «Война же!...
Да он ни один тут — со мной»*

Твердь родимая. Под осени тягостный ропот.

Или вспомним его стихотворение о рабочем полке:

*С чего бы вдруг не взять мне в толк,
Со мною память счеты сводит?
Рабочий полк, рабочий полк.
Осадной Тулою проходит.
Здесь сын с отцом и с братом брат,
Здесь каждый каждому знакомый,
Ровняет строй за рядом ряд,
Единой волею влекомый.
Кто в валенках, кто в сапогах,
Кто в телогрейке, кто в шинели.
Зато узнает скоро враг,
Что стоит каждый в ратном деле!
Идут туда, где лязг и рев
Ползущей танковой армады,*

*Где не спасут окоп и ров,
Ни бронбойные снаряды,
Спасут лишь мужество и честь,
И кровь, и смерть в огне и дыме,
В сердцах вскипающая месть,
Что жжет отечества во имя.*

*.....
Мой полк, я не предам тебя!
Возьми меня с собой в дорогу!
И расчехли свой славный стяг.
Пусть он горит, как в небе рана.
Пусть не спешит к нам в гости враг,
Всех ждет удел Гудериана!*

Твердь родимая. Рабочий полк.

Защита Отечества — основное в творчестве автора книги и, конечно, стержень, остов ее — «Куликово поле».

Целый цикл стихотворений посвятил поэт этому полю русской судьбы и славы. К ним можно отнести стихи «Сергий», «Опять нашествие дождей...» и другие. Много на эту тему написано, и найти какие то слова непросто. Но какой-то особенной сыновней теплотой согреты строки его стихотворения «Братья»:

*Нет, не зря торопили коней,
Сотряся и душу и тело,
За Непрядвою море огней
Не охватывал глаз — все горело.
Ржали кони, мычали стада,
Волки шли по горячему следу,
Клокотала, ревела Орда,
Предвкушая добычу — победу.
И казалось, кому побороть
Ту напасть и пред ней не склониться.
Колотило славянскую плоть,
Искажало предчувствием лица,
Но в надежде на свет, не на тень,
Что Господь с нами вечно пребудет.
Знали — прошлый и будущий день
Это смертное поле рассудит.
Не мгновенья промчались века,
Но всем нам на счастье подкова
Вот он — Дон, вот Непрядва — река,
Вот и поле судьбы — Куликово!
Где доселе, как вечный завет
Слышен в ветра и памяти стоне:
— Здесь судьба наша, брат Пересвет! —
Так обнимемся, брат Родионе!*

Избранное. Братья.

Прочтите книги В. Пахомова, прислушайтесь к голосу поэта. Они о любви к нам, к Родине, любви выстраданной, настоящей.

Виждь и внемли!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Мария Казакова

Казакова Мария Никитична родилась в крестьянской семье, в Дубенском районе Тульской области. Самое памятное в ее детстве — это песни. Семья Казаковых была большая. У матери, двух старших сестер и братьев Марии были хорошие голоса. И поэтому в их доме редкий день проходил без песни. По праздникам же устраивались настоящие концерты... Песню любили не только в этом доме, но и вообще в деревне.

С той далекой детской поры в душу Марии навсегда вошла любовь к русской народной песне.

Не менее яркое воспоминание — родная природа, среди которой выросла Мария Казакова.

«Не представляю своего детства без приустьевских лугов, густых и зеленых, по ним особенно нравилось бегать в дождь. Навсегда в памяти осталась речка, лес, громадные сугробы, укрывавшие в сильные вьюги избы чуть ли не по самые крыши...» Так рассказывает о своем детстве писательница Мария Казакова.

Окончив семилетку, Мария Никитична поступает в Тульское педагогическое училище. Три года работает она сельской учительницей, но все больше влечет ее журналистика, и Казакова едет в Ленинград, чтобы учиться в институте журналистики. Ей удалось проучиться лишь несколько месяцев — учебу прервала Великая Отечественная война. Муж, кадровый офицер, с которым не успела прожить и года, ушел на фронт. Через два месяца после начала войны Мария Казакова стала матерью, а еще через два года — вдовой.

Писать Мария Казакова начала в послевоенные годы. Жилось трудно, много внимания требовал подрастающий сын, казалось, ни сил, ни времени не остается на что-то иное. Но богатый запас жизненных впечатлений и переживаний требовал исхода. Хотелось рассказать о хороших людях, об их доброте, стойкости, жизнелюбии.

На первых порах Марии Никитичне помог журналистский опыт. Рассказ «Учительлева роцца», напечатанный в 1951 году в альманахе «Литературная Тула», пришелся по душе читателям и получил положительную оценку в «Литературной газете».

В дальнейшем вышло несколько книг. Мария Казакова — член Союза писателей СССР с 1964 года. Наградой за долгий упорный труд стала повесть «Трудно с тобой, Андрей», завоевавшая популярность у читателей, особенно у молодежи. Почти во всех школах Тулы прошли читательские конференции по этой повести, книга была дважды переиздана. Мария Казакова особенно охотно писала о молодежи. Молодому читателю адресованы ее книги «Данилкин клад», «Росла девчонка среди полей», «Я вступаю в жизнь», отдельные рассказы и очерки.

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Отрывок из повести

И была студеная зима 1941-го. И была третья, последняя встреча.

Почти совсем иссяк поток беженцев по Одоевскому шоссе, уже слышалась отдаленная канонада... Мне необходимо было на что-то решиться.

Хоть я и окончила заочно курсы медсестер, но не могла ни к воинской части при-

стать, ни в партизаны пойти: на сносях была, вот-вот готовилась матерью стать. Оставаться в Левенском и ждать, когда немцы заявятся, тоже не могла: меня вполне мог выдать кто-то, как активную комсомолку. И я решила перебраться в Крапивну, где меня, кроме Нины и ее тетушки, никто не знал.

Уже на третий день по прибытии узнала: я теперь, как и все обыватели Крапивны, подданная великой Германии, обязана соблюдать все ее законы. Иначе виновного в их нарушении ждала скорая расправа. И подробно перечислялось, за какие конкретно «нарушения» полагается расстрел. Об этом извещало объявление, вывешенное на двери бывшего райкома партии, переименованного в немецкую комендатуру.

Самих оккупантов мы пока что в глаза не видели. Не стремились увидеть. Не только мы, все в поселке затаились в ожидании неизбежного, боялись лишний раз из дому выйти.

Недолго пришлось ждать. На той же самой двери появилось новое объявление. В нем сообщалось: захвачены в качестве заложников жена и дочь партизанского командира Семенова и, если он самолично не явится их освободить, они будут казнены... Так мы узнали, что в Крапивненском районе существует партизанский отряд.

Помнится, оно было вывешено в субботу вечером, а уже утром в воскресенье Михаил Семенов явился в комендатуру. Гитлеровцы мешкать не стали: в полдень того же дня состоялась его казнь.

Помоги мне, Боже, слова нужные подыскать, чтобы описать, какой неправдоподобно жуткой она была...

В качестве виселицы было избрано дерево на площади неподалеку от школы, клен, кажется. Сгоняли народ на площадь смотреть на казнь полицаи. Кто медлил или упирался, они орали, как на скотину, кулаки в ход пускали. Да и мало было таких, упирающихся — чего от женщин да стариков ждать? Здоровые-то мужчины были на фронт призваны.

Четверо их было, палачей ненавистных. Привели они его, касатика, велели на табуретку под кленом встать. Торопились, ироды. Опасались, видно, как бы партизаны не нагрянули и силой не освободили его.

Михаил, как влез на табуретку, скинул шапку и поклонился собравшемуся народу.

— Прощайте, люди добрые, не поминайте меня лихом! Скажите Насте: о ней была моя дума последняя...

Все женщины, собравшиеся на площади, при этих трогательных словах начали всхлипывать. Один из полицаев, самый ретивый, наверно, заорал:

— А ну, перестаньте нюни распускать! — и стал отпихивать всех подальше от виселицы.

У немцев один, самый отвратительный, длинный как жердь, был за главного, покрикивал на остальных. Приладили они петлю на шею осужденному... Неумехами лиходеи оказались, не рассчитали, каков вес у Михаила. Как оттолкнули табуретку, он на ноги встал... Тут опять всхлипывания послышались.

Было видно: фрицы немного растерялись. Засуетились, о чем-то спорить принялись. Длинный распорядился скинуть с Михаила овчинный полушубок, и когда это было сделано, разглядели они как следует, какой он здоровяк и красавец... Еще пуше они засуетились. А один, по виду самый молодой и болезненный, совсем уж бестолково стал топтаться вокруг дерева-виселицы. Длинный сердито отпихнул его в сторону.

Во второй раз накинули на шею бедняги петлю. И снова — осечка... На этот раз обломился сук, не выдержав тяжести богатырского тела.

Полагаете, не может такого на самом деле быть? Что я нарочно «сгущаю мрачные краски»? (Как это мне однажды сказали.) Сходите в архив бывшего управления КГБ в г. Туле, удостоверьтесь: было такое...

Полежал немного, будто отдыхая, Михаил на снегу. И с упреком сказал длинному:

— Эх, вы...

Немцы еще больше растерялись. Тот, болезненный, судорожно стал шарить по карманам и достал папиросу. Трясущимися руками поднес ее ко рту, чиркнул спичкой.

Однако раскурить ему не пришлось — остановил голос осужденного:

— Дай, браток, мне покурить...

«Браток» выполнил эту просьбу и, не скрываясь, заплакал... Что особенно чудно: длинный будто не заметил этого. И он, и остальные вешатели стояли и терпеливо ждали, когда Михаил докурит папиросу... Можете, наверное, себе представить, как среагировали на все это невольные зрительницы — уже не всхлипывали, а рыдали. И стали разбегаться, ничего уже не страшась. Полицаи, видимо, тоже растерялись, не стали преследовать.

Мы с Ниной, конечно, тоже побежали. Точнее сказать, пошли шибко, где уж мне было бежать в моем положении. Когда пришли немного в себя, стали обмениваться впечатлениями и чуть не поссорились.

— Как он мог такое сделать, как он мог!..— начала вдруг твердить моя экспансивная подружка.— Как он мог?

— Что как он мог? — спрашиваю.

— Как он мог назвать своего палача братком, даже папиросу у него попросить? Как он мог?

— Разве ты не заметила: браток этот заплакал? Не по доброй своей воле он палачом стал,— говорю.

— Все равно, не должен был Семенов так поступать,— твердила она свое.— Какой же он после этого коммунист и командир партизанский?

— Не всем же быть такими правильными, как ты,— съязвила я.

Подружка на другое переключилась.

— Где были партизаны, когда их вожака вешали, почему даже не попытались освободить его? Выходит, они партизаны только на бумаге?

— Просто они, наверное, узнать не успели, что он добровольно врагам сдался, ведь те поспешили его казнить,— пыталась я ее вразумить, но безуспешно!

Если честно, у меня в душе тоже остался какой-то нехороший осадок. Будто кто-то в колодец с чистой родниковой водой плеснул некоей отравой...

Когда мы уже были дома (то есть в ветхом домишке Нининой тети, Ольги Васильевны), наш разговор перекинулся на другое: кто мог предать Михаила Семенова:

Не сразу «новая» власть позволила снять повешенного с виселицы. Мороз изо дня в день стоял трескучий: большое тело бывшего лесничего так заледенело, что вороны, с хриплым криком покружившись над ним, ни с чем улетали прочь. Прохожие, проходившие в силу необходимости мимо, перед виселицей ускоряли шаги и старались не смотреть на жуткое лицо того, кто несколько дней тому назад считался самым привлекательным мужчиной в районе.

На пятый день, наконец, Насте позволили снять с дерева тело мужа. С помощью добрых людей она похоронила его неподалеку от лесничества на высоком песчаном берегу реки.

Кто мог предать Семенова?.. Не было, пожалуй, человека в Крапивне, который не задумывался бы над этим. В городе сложились две версии этого предательства. Обе уязвимые.

Версия первая — предатель не кто иной, как Пантелей Ерошкин, бывший подручный лесничего в хозяйственных делах. Вскоре после казни Семенова оккупанты назначили этого пьянчужку старостой его родной деревни. Спрашивается, за что он такой чести у них удостоился? Какой резон был Пантелею предавать человека, от которого видел одно только добро? А вот какой: земляки частенько обзывали его лакеем и холуем, вот он и затаил ненависть против своего благодетеля... Да и то ска-

зять: разве мало на белом свете завистников, которые желают зла своему ближнему только за то, что тот в отличие от них живет зажиточно?

Еще и потому подозрение падало на Пантелея, что он, как никто другой из посторонних, как говорится, дневал и ночевал в доме лесничего и мог выведать эту тайну: райком партии назначил его командиром партизанского отряда...

Версия вторая — Михаила Семенова предала Серафима.

Ольга Васильевна, Нинина тетушка, была совершенно в этом уверена. Она была знакома с Серафимой, хорошо ее знала и не сомневалась, что та способна на такое злодейство.

Прошел слух, что несколько дней спустя после казни Семенова Серафима застрелилась на его могиле. Ольга Васильевна и в этом несколько не сомневалась.

— Как это одно с другим вяжется — предательство и самоубийство? — допытывались мы с Ниной у ее тетушки.

— Очень даже просто: когда ее любимый был похоронен, Серафима поняла, что не сможет жить без него,— был ответ.

— Но как она могла решиться на предательство, если так любила его и тайком встречалась с ним? Какая же это любовь?

— А вот какая — не знающая границ, вроде сумасшествия. Гордая Серафима не могла смириться с тем, что человек, на которого она готова была молиться, любил другую, что на ее долю достаются лишь крохи с чужого стола. Настолько ненавидела эту другую, что решилась на такое: пусть он лучше ни мне и ни ей не достанется...

Можно себе представить, как Настя пережила еще и эту напасть. Она не допустила того, чтобы кто-то увидел труп соперницы на могиле мужа. Благо, могила располагалась на берегу реки: не так уж трудно было протащить труп по откосу и в реку сбросить. Она проделала это тайком, вероятней всего ночью. Как эта тайна открылась? Для людей любое тайное, рано или поздно, становится явным.

— Может быть, это просто легенда? — усомнились мы с Ниной в том, что нам рассказала Ольга Васильевна.

— Достоверно одно известно: через неделю, примерно, после похорон Михаила Серафима исчезла с крапивенского горизонта, и ее больше никогда никто не видел,— отвечала задумчиво Нинина тетушка.

Мы с Ниной тоже притихли и задумались: хотели бы мы, чтобы на нашу долю выпала такая любовь «несуразная»?..

Более полувека с зимы сорок первого минуло, но старожилы Крапивны и поныне порой вспоминают, каким необыкновенным человеком был Михаил Семенов, сколь трагически оборвался его земной путь.

Видно, на роду ему такое было определено: сгнать ни за что, ни про что. Ведь он не успел, как партизанский командир, совершить ничего героического — его предали в тот же день, как немцы переступили границу Крапивенского района. И не кричал он, перед тем как умереть, «за Родину», «за Сталина». Потому и в забвении оказалось его имя, не славят его всенародно в День славной Победы.

Одни только крапивенские комсомольцы сделали нечто для увековечивания имени Михаила Семенова. Перехоронили его прах из одинокой могилы на берегу реки в могилу общую, где покоятся погибшие в боях с врагом на крапивенской земле советские воины. И надписали его имя на памятной доске.

От автора. Имена действующих лиц повести являются подлинными.

Олег Сивоокий

20 сентября 2006 года ушел из жизни Олег Григорьевич Сивоокий — замечательный человек: яркий, творческий, исключительно порядочный, всегда открытый и доброжелательный, готовый прийти на помощь каждому, кто к нему обращался.

За его плечами были служба в войсках противовоздушной обороны на Дальнем Востоке, учеба в Тульском педагогическом институте имени Л. Н. Толстого, работа в школе учителем русского языка, журналистика, служба в ОВД, вновь учеба — во Всесоюзном институте повышения квалификации руководящих работников МВД СССР, Всероссийском институте печати и массовой информации, других учебных заведениях, публикации в разные годы, начиная с ранней юности, в газетах «Пионерская правда», «Молодой коммунар», «Коммунар», «Суворовский натиск», «Микрофон», «Молот», «Лицом к лицу», в журнале «Вокруг света», сборнике «Твой современник».

Неисправимый романтик, лирик, умеющий подмечать тончайшие нюансы человеческих взаимоотношений, малейшие движения души, он писал прекрасные стихи, многие из которых посвятил любимой женщине — жене Тамаре Николаевне, сыну Вадиму, внукам Машеньке и Димке, маме Светлане Валентиновне, друзьям.

ЖДИ

Жди солдата. Ласковая, прежняя.
И, когда поляны расцветут,
Я вернусь. И косы белоснежными
Ландышами все переплету.
И опять под синью ночи ситцевой,
Что над миром продолжает бег,
На тебя фиалками осыплется
Ароматный небывалый снег...

ЛЮБЛЮ

Люблю просторы золотого хлеба,
Люблю закат и светлую зарю.
Долины и леса, земля и небо,
Я вас люблю, я вас боготворю!
Я вас люблю, тенистые озера,
Журчанье рек и щебетанье птиц,
Я вас люблю, лихие фантазеры,
Сошедшие с зачитанных страниц.

Люблю мотивы задушевных песен
И бурную симфонию грозы.
Глоток воды, что холоден и пресен,
И злую соль горячечной слезы,
Люблю Вселенной вечное движенье.
Люблю покой задумчивых аллей.
Люблю работу до изнеможенья,
До пота и кровавых мозолей.
Люблю тебя, твои глаза и губы,
Люблю твой голос и горячий рот.
Любовь людей, как чарка водки, губит,
Любовь людей на подвиги зовет.
Люблю тебя от ног и до заколки
И в песнях о тебе одной пою.
И на портрет прекрасной Незнакомки
Приклеил фотографию твою.
Люблю тебя, как травы любят росы,
Люблю тебя и думаю о дне,
Когда твои распущенные косы
Принадлежать навеки будут мне!

НИНКА

Отложу карандаш,
Старой ваткой почищу ботинки,
И, приглядя вихор,
В проходные с волненьем войду,
Чтоб подняться наверх,
В пятый цех.
И к намотчице Нинке
Через строй упаковок
И гору пакетов пройду.
Сяду с Нинкою рядом
На стул, а, быть может,
И на пол.
Очень радостно чувствовать
Близость натруженных рук.
Я больной, сумасшедший,
Я краскою брюки заляпал.
Что пришел я по делу —
Я мастеру мастерски вру.
Я леплю и рисую,
Несносные вирши слагаю,
Вышиваю и сети
Для птиц
Из нулевки плету.
Рядом с Нинкой молчу,
Ну, а мысли свои излагаю
Только другу Василию —
Полному чванства коту.

Я сижу на полу
И смущаюсь случайного взгляда.
Взгляд у Нинки лукав
И почти по-учительски строг.
И сверкают катушки.
И каждая —
Будто баллада,
Где витки — не витки,
А слова ненаписанных строк.

НЕ СПИТСЯ

Убаюканный сверчками
Утомленный город спит.
Под твоими каблучками
Снег загадочно скрипит.

Сквозь лихие километры
Завывания пурги
До меня доносят ветры
Эти легкие шаги.

Мне не спится. Сон не снится.
Как святые образа,
Вижу сквозь свои ресницы
Света полные глаза.

В них — судьбы моей истоки,
Незабудки нежный цвет...
И алеет на востоке
Ослепительный рассвет.

ПРИНЦЕССЕ ИЗ ПРИНЦЕСС

Мне снился сон: стыдливые глаза
В мгновение тайном трепетно прикрыты,
И наши души воедино слиты,
Как храм земли и неба бирюза.

Смешались краски тверди и небес
И воссияли радугой над миром.
Ты всюду и всегда — моим кумиром,
Цветок цветков, принцесса из принцесс.

И в страсти той, где жизнь обнажена,
В себе мы что-то новое открыли.
И над спиною выросли крылья
От тихих слов: мой муж, моя жена...

VITA

У пруда, подернутого ряской,
Что дарует жизнь большой реке,
Повстречал я женщину с коляской
С алыми гвоздиками в руке.
Над водою чуть туман перился,
Завивая белое кольцо,
И лучилось светом материнства
Одухотворенное лицо.
И, замороженный этой сказкой,
Я узнал знакомые черты,
Понял я, что женщина с коляской —
Это ты. Конечно, это ты!
Женщина — то — vita. Веришь в это?
Чуда нимб над нею искони.
Злобная, безумная планета,
Голову пред Матерью — склони!
Голову склони! Нелепой фразой
Не ворвись в сии сады святы.
Пусть малыш, веселый, синеглазый,
Смотрит в мир сквозь алые цветы!

Я В ДЕЖУРКЕ ОДИН

Я в дежурке один. Телефоны молчат.
Не мигают контрольные лампы в ночи.
Только сердце стучит,
Да секунды стучат,
Только память больная
Тоскливо кричит.
Мне б фуражку сорвать,
Мне бы скинуть мундир,
Ошалело с дежурства рвануться туда,
Куда я до сих пор никогда не входил,
И дорога заказана мне куда.
Но не сбросить с себя седины и морщин,
Не умыться былинной живою водой.
Я один из шеренги усталых мужчин —
Низкорослый,
Неброский,
Немолодой.
Чем смогу одарить?
От чего убережь?
Что тебе запоздалые ласки мои?
Ты забудешь тепло
Наших маленьких встреч,
Не со мной повенчают тебя соловьи.
Только сердце стучит,
Да секунды стучат.

Только память больная
Тоскливо кричит,
Я в дежурке один.
Телефоны молчат.
Не мигают контрольные лампы в ночи.

ОТРАВА

Корявая строка уже не в силе
Неловкую судьбу переменить.
Мы многого у юности просили,
Ловили счастья призрачную нить.

Максималисты, жаждущие славы,
Носители безудержных идей.
Но время шло. Вкусив его отравы,
Мы растворились в скопище людей!

Покойны стали, сердцем обнищали,
Познав, как дебет с кредитом сводить.
Торжественно нас приняли в мещане.
Устала кровь в артериях бродить.

Затоплены могучие фрегаты,
Изрезаны на джинсы паруса.
Теперь мы мчим к кассиру в час зарплаты,
Как в юности стремились в небеса.

И скучно льют с небес дожди косые.
Необратим времен круговорот.
Корявая строка уже не в силе
Пусть часы судьбы в обратный ход.

ЗЕМНОЕ ЧУДО

Осень. Желтеют травы.
Стынет в лугах роса.
Люди, конечно, правы,
Верю в чудеса.
Разве не чудо это —
В пору осенних вьюг
Явится бабье лето
Солнечной песней вдруг.
Смолкнут задиры-ветры,
Браги глотнув хмельной.
Веруйте, люди, верьте
В чудо любви земной!

ПЕЧАЛЬ

И засыпало свежий след
Поземкой нежной,
И появился я на свет
В печали снежной.
С тех пор зима — судьба моя.
Метели, вьюги,
Луна и ночь — мои края,
Мои подруги.
И эти свечи на столе,
И эти тени,
И конь, и всадник на коне,
И вниз ступени,
И то созвездие Стрельца,
Тоски нетленье —
Мои до грешного конца,
До искупленья.
А мне бы ласковый привет
Весны безбрежной!
Но появился я на свет
В печали снежной...

ТВОЙ ПЬЯНЯЩИЙ ЗАПАХ

Я теперь не знаю,
Что с собою делать!
Я тебя не видел
Целую неделю!
Я тебя не видел,
Я тебя не слышал.
Твой пьянящий запах
Из одежды вышел.
Увядают страсти
В паутине дома,
До свиданья, счастье!
До свиданья, Тома!

НЕ ГРУСТИ, БЕРЕЗОНЬКА

Не печалься, милая,
Не грусти, березонька,
Детство беззаботное
В прошлое ушло.
Вот платочек розовый,
Вытри свои слезоньки,
Будет в нашем завтра
Чисто и светло.

Будет солнце яркое
Нам в ладони сыпаться,
Жаворонок звонкий
Пробуравит высь,
Зори будут росные,
Небо будет синее,
И цветы распустятся,
Чтоб в венок сплестись.

Не печалься, милая,
Что халатик серенький,
Что окно больничное,
Жесткая постель.
Ведь весна по-прежнему
Утопает в зелени.
И тебя приветствует
Труженик-апрель.

Нас с тобою в августе
Будут звезды радовать,
А зимой морозною —
Серебристый снег.
Под окно знакомое
Подберусь я крадучись,
Чтоб услышать радужно-
Переливный смех.

Не печалься, милая,
Не грусти, березонька.
Детство беззаботное
В прошлое ушло.
Вот платочек розовый,
Вытри свои слезоньки,—
Будет в нашем завтра
Чисто и светло.

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

А. А. Жданов

Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград»*

СОКРАЩЕННАЯ И ОБОБЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА
ДОКЛАДА ТОВАРИЩА А.А. ЖДАНОВА НА СОБРАНИИ
ПАРТИЙНОГО АКТИВА И НА СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ

Товарищи!

Из постановления ЦК ясно, что наиболее глубокой ошибкой журнала «Звезда» является предоставление своих страниц для литературного «творчества» Зощенко и Ахматовой. Я думаю, что мне нет нужды цитировать здесь «произведение» Зощенко «Приключения обезьяны». Видимо, вы все его читали и знаете лучше, чем я. Смысл этого «произведения» Зощенко заключается в том, что он изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. Зощенко совершенно не интересуется труд советских людей, их усилия и героизм, их высокие общественные и моральные качества. Эта тема всегда у него отсутствует. Зощенко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелких сторонах быта. Это копание в мелочах быта не случайно. Оно свойственно всем пошлым мещанским писателям, к которым относится и Зощенко. Об этом много говорил в свое время Горький. Вы помните, как Горький на съезде советских писателей в 1934 году клеймил, с позволения сказать, «литераторов», которые дальше копать на кухне и бани ничего не видят.

«Приключения обезьяны» не есть для Зощенко нечто выходящее за рамки его обычных писаний. Это «произведение» попало в поле зрения критики только лишь как наиболее яркое выражение всего того отрицательного, что есть в литературном «творчестве» Зощенко. Известно, что со времени возвращения в Ленинград из эвакуации Зощенко написал ряд вещей, которые характерны тем, что он не способен найти в жизни советских людей ни одного положительного явления, ни одного положительного типа. Как и в «Приключениях обезьяны», Зощенко привык глумиться над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми, прикрывая это глумление маской пустопорожней развлекательности и никчемной юмористики.

Если вы повнимательнее вчитаетесь и вдумаетесь в рассказ «Приключения обезьяны», то вы увидите, что Зощенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которой дано устанавливать оценки поведения людей. Изображение жизни советских людей, нарочито уродливое,

* Перепечатка из журнала «Кодры (Молдова литературная)», 1990, № 9, С. 182—194. Комментарий к рубрике см. в конце публикации.

карикатурное и пошлое, понадобилось Зощенко для того, чтобы вложить в уста обезьяны гаденькую, отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей.

Можно ли дойти до более низкой степени морального и политического падения, и как могут ленинградцы терпеть на страницах своих журналов подобное пакостничество и непотребство?

Если «произведения» такого сорта преподносятся советским читателям журналом «Звезда», то как слаба должна быть бдительность ленинградцев, руководящих журналом «Звезда», чтобы в нем можно было помещать произведения, отравленные ядом зоологической враждебности к советскому строю. Только подонки литературы могут создавать подобные «произведения», и только люди слепые и аполитичные могут давать им ход.

Говорят, что рассказ Зощенко обошел ленинградские эстрады. Насколько должно было ослабнуть руководство идеологической работой в Ленинграде, чтобы подобные факты могли иметь место!

Зощенко с его омерзительной моралью удалось проникнуть на страницы большого ленинградского журнала и устроиться там со всеми удобствами. А ведь журнал «Звезда» — орган, который должен воспитывать нашу молодежь. Но может ли справиться с этой задачей журнал, который приютил у себя такого пошляка и несоветского писателя, как Зощенко?! Разве редакции «Звезды» неизвестна физиономия Зощенко?!

Ведь совсем еще недавно, в начале 1944 года, в журнале «Большевик» была подвергнута жестокой критике возмутительная повесть Зощенко «Перед восходом солнца», написанная в разгар освободительной войны советского народа против немецких захватчиков. В этой повести Зощенко выворачивает наизнанку свою пошлую и низкую душонку, делая это с наслаждением, со смакованием, с желанием показать всем: — смотрите, вот какой я хулиган.

Трудно подыскать в нашей литературе что-либо более отвратительное, чем та «мораль», которую проповедует Зощенко в повести «Перед восходом солнца», изображая людей и самого себя как гнусных похотливых зверей, у которых нет ни стыда, ни совести. И эту мораль он преподносил советским читателям в тот период, когда наш народ обливался кровью в неслыханно тяжелой войне, когда жизнь советского государства висела на волоске, когда советский народ нес неисчислимые жертвы во имя победы над немцами. А Зощенко, окопавшись в Алма-Ате, в глубоком тылу, ничем не помог в то время советскому народу в его борьбе с немецкими захватчиками. Совершенно справедливо Зощенко был публично высечен в «Большевике» как чуждый советской литературе пасквилянт и пошляк. Он наплевал тогда на общественное мнение. И вот, не прошло еще двух лет, не просохли еще чернила, которыми была написана рецензия в «Большевике», как тот же Зощенко триумфально въезжает в Ленинград и начинает свободно разгуливать по страницам ленинградских журналов. Его охотно печатает не только «Звезда», но и журнал «Ленинград». Ему охотно и с готовностью предоставляют театральные аудитории. Больше того, ему дают возможность занять руководящее положение в Ленинградском отделении Союза писателей и играть активную роль в литературных делах Ленинграда. На каком основании вы даете Зощенко разгуливать по садам и паркам ленинградском литературы? Почему партийный актив Ленинграда, его писательская организация допустили эти позорные факты?

Насквозь гнилая и растленная общественно-политическая и литературная физиономия Зощенко оформилась не в самое последнее время. Его современные «произведения» вовсе не являются случайностью. Они являются лишь продолжением всего того литературного «наследства» Зощенко, которое ведет начало с 20-х годов.

Кто такой Зоценко в прошлом? Он являлся одним из организаторов литературной группы так называемых «Серапионовых братьев». Какова была общественно-политическая физиономия Зоценко в период организации «Серапионовых братьев»? Позвольте обратиться к журналу «Литературные записки» № 3 за 1922 год, в котором учредители этой группы излагали свое кредо. В числе прочих откровений там помещен «символ веры» и Зоценко в статейке, которая называется «О себе и еще кое о чем». Зоценко, никого и ничего не стесняясь, публично обнажается и совершенно откровенно высказывает свои политические, литературные «взгляды». Послушайте, что он там говорил:

«— Вообще писателем быть очень трудновато. Скажем, тоже идеология... Требуется нынче от писателя идеология... Этакая, право, мне неприятность»...

«Какая, скажите, может быть у меня «точная идеология», если ни одна партия в целом меня не привлекает?»

«С точки зрения людей партийных я беспринципный человек. Пусть. Сам же я про себя скажу: я не коммунист, не эсер, не монархист, я просто русский. И к тому же — политические безнравственный»...

«Честное слово даю — не знаю до сих пор, ну вот хоть, скажем, Гучков... В какой партии Гучков? А черт его знает, в какой он партии. Знаю: не большевик, но эсер он или кадет — не знаю и знать не хочу» и т.д.

Что вы скажете, товарищи, об этой «идеологии»? Прошло 25 лет с тех пор, как Зоценко поместил эту свою «исповедь». Изменился ли он с тех пор? Незаметно. За два с половиной десятка лет он не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, с циничной откровенностью продолжает оставаться проповедником безыдейности и пошлости, беспринципным и бессовестным литературным хулиганом. Это означает, что Зоценко как тогда, так и теперь не нравятся советские порядки. Как тогда, так и теперь он чужд и враждебен советской литературе. Если при всем этом Зоценко в Ленинграде стал чуть ли не корифеем литературы, если его превозносят на ленинградском Парнасе, то остается только поражаться тому, до какой степени беспринципности, нетребовательности, невзыскательности и неразборчивости могли дойти люди, прокладывающие дорогу Зоценко и поющие ему славословия!

Позвольте привести еще одну иллюстрацию о физиономии так называемых «Серапионовых братьев». В тех же «Литературных записках» № 3 за 1922 год другой серапионовец Лев Лунц также пытается дать идейное обоснование того вредного и чуждого советской литературе направления, которое представляла группа «Серапионовых братьев». Лунц пишет:

«Мы собрались в дни революционного, в дни мощного политического напряжения. «Кто не с нами, тот против нас! — говорили нам справа и слева.— С кем же вы, Серапионовы братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?»».

«С кем же мы, Серапионовы братья? Мы с пустынным Серапионом...»

«Слишком долго и мучительно правила русской литературой общественность... Мы не хотим утилитаризма. Мы ищем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать».

Такова роль, которую «Серапионовы братья» отводят искусству, отнимая у него идейность, общественное значение, провозглашая безыдейность искусства, искусство ради искусства, искусство без цели и смысла. Это и есть проповедь гнилого аполитицизма, мещанства и пошлости.

Какой вывод следует из этого? Если Зоценко не нравятся советские порядки, что же прикажете: приспособливаться к Зоценко? Не нам же перестраиваться во вкусах.

Не нам же перестраивать наш быт и наш строй под Зощенко. Пусть он перестраивается, а не хочет перестраиваться — пусть убирается из советской литературы. В советской литературе не может быть места гнилым, пустым, безыдейным и пошлым произведениям. (Бурные аплодисменты)

От из чего исходил ЦК, принимая решение о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Перехожу к вопросу о литературном «творчестве» Анны Ахматовой. Ее произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах в порядке «расширенного воспроизводства». Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т.д. и т.п., т.е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве.

Горький в свое время говорил, что десятилетие 1907—1917 годов заслуживает имени самого позорного и самого бездарного десятилетия в истории русской интеллигенции, когда после революции 1905 года значительная часть интеллигенции отвернулась от революции, скатилась в болото реакционной мистики и порнографии, провозгласила безыдейность своим знаменем, прикрыв свое ренегатство «красивой» фразой: «и я сжег все, чему поклонялся, поклонялся тому, что сжигал». Именно в это десятилетие появились такие ренегатские произведения, как «Конь бледный» Ропшина, произведения Винниченко и других дезертиров из лагеря революции в лагерь реакции, которые торопились развенчать те высокие идеалы, за которые боролась лучшая передовая часть русского общества. На свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекавшиеся от народа, провозгласившие тезис «искусство ради искусства», проповедовавшие безыдейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растление погоней за красивой формой без содержания. Всех их объединял звериный страх перед грядущей пролетарской революцией. Достаточно напомнить, что одним из крупнейших «идеологов» этих реакционных литературных течений был Мережковский, называвший грядущую пролетарскую революцию «грядущим Хамом» и встретивший Октябрьскую революцию зоологической злобой.

Анна Ахматова является одним из представителей этого безыдейного реакционного литературного болота. Она принадлежит к так называемой литературной группе акмеистов, вышедших в свое время из рядов символистов, и является одним из знаменосцев пустой, безыдейной, аристократическо-салонной поэзии, абсолютно чуждой советской литературе. Акмеисты представляли из себя крайне индивидуалистическое направление в искусстве. Они проповедовали теорию «искусства для искусства», «красоты ради самой красоты», знать ничего не хотели о народе, о его нуждах и интересах, об общественной жизни.

По социальным своим истокам это было дворянско-буржуазное течение в литературе в тот период, когда дни аристократии и буржуазии были сочтены и когда поэты и идеологи господствующих классов стремились укрыться от неприятной действительности в заоблачные высоты и туманы религиозной мистики, в мизерные личные переживания и копание в своих мелких душонках. Акмеисты, как и символисты, декаденты и прочие представители разлагающейся дворянско-буржуазной идеологии были проповедниками упадочничества, пессимизма, веры в потусторонний мир.

Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии, — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы, — мрачные

тона предсмертной безнадежности, мистические переживания пополам с эротикой — таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, «добрых старых екатерининских времен». Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой.

*«Но клянусь тебе ангельски садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом...»*
(Ахматова. «Anno Domini»)

Такова Ахматова с ее маленькой узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой.

Ахматовская поэзия совершенно далека от народа. Это — поэзия десяти тысяч верхних старой дворянской России, обреченных, которым уже ничего уже не оставалось, как только вздохнуть по «доброму старому времени». Помещичьи усадьбы екатерининских времен с вековыми липовыми аллеями, фонтанами, статуями и каменными арками, оранжереями, любовными беседками и обветшалыми гербами на воротах. Дворянский Петербург, Царское Село, вокзал в Павловске и прочие реликвии дворянской культуры. Все это кануло в невозвратное прошлое! Осколком этой далекой, чуждой народу культуры, каким-то чудом сохранившимся до наших времен, ничего уже не остается делать, как только замкнуться в себе и жить химерами. «Все расхищено, предано, продано», — так пишет Ахматова.

Об общественно-политических и литературных идеалах акмеистов один из видных представителей этой группы, Осип Мандельштам, незадолго до революции писал: «Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с физиологически гениальным средневековьем»... «Средневековье, определяя по-своему удельный вес человека, чувствовало и признавало его за каждым, совершенно независимо от его заслуг»... «Да, Европа прошла сквозь лабиринт ажурно-тонкой культуры, когда абстрактное бытие, ничем не прикрашенное личное существование ценилось как подвиг. Отсюда аристократическая интимность, связующая всех людей, столь чуждая по духу «равенству и братству» великой революции»... «Средневековье дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством грани и перегоронок»... «Благородная смесь рассудочности и ощущение мира, как живого равновесия, роднит нас с этой эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романской почве около 1200 года».

В этих высказываниях Мандельштама развернуты чаяния и идеалы акмеистов. «Назад к средневековью» — таков общественный идеал этой аристократически-салонной группы. Назад к обезьяне — перекликается с ней Зощенко. Кстати сказать, и акмеисты, и «Серапионовы братья» ведут свою родословную от общих предков. И у акмеистов, и у «Серапионовых братьев» общим родоначальником являлся Гофман, один из основоположников аристократически-салонного декадентства и мистицизма.

Почему вдруг понадобилось популяризировать поэзию Ахматовой? Какое она имеет отношение к нам, советским людям? Почему нужно предоставлять литературную трибуну всем этим упадочным и глубоко чуждым нам литературным направлениям?

Из истории русской литературы мы знаем, что не раз и не два реакционные литературные течения, к которым относились и символисты, и акмеисты, пытались объявлять походы против великих революционно-демократических традиций русской литературы, против ее передовых представителей; пытались лишить литературу ее высокого, идейного и общественного значения, низвести ее в болото безыдейности и

пошлости. Все эти «модные» течения канули в Лету и были сброшены в прошлое вместе с теми классами, идеологию которых они отражали. Все эти символисты, акмеисты, «желтые кофты», «бубновые валеты», «ничегоки», — что они них осталось в нашей родной русской, советской литературе? Ровным счетом ничего, хотя их походы против великих представителей русской революционно-демократической литературы — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина — задумывались с большим шумом и претенциозностью и с таким же эффектом проваливались.

Акмеисты провозгласили: «Не вносить никаких поправок в бытие и в критику последнего не вдаваться». Почему они были против внесения каких бы то ни было поправок в бытие? Да потому, что это старое дворянское, буржуазное бытие им нравилось, а революционный народ собирался потревожить это их бытие. В октябре 1917 года были вытряхнуты в мусорную яму истории как правящие классы, так и их идеологи и песнопевцы.

И вдруг на 29-м году социалистической революции появляются вновь на сцене некоторые музейные редкости из мира теней и начинают поучать нашу молодежь, как нужно жить. Перед Ахматовой широко раскрывают ворота ленинградского журнала, и ей свободно предоставляется отравлять сознание молодежи тлетворным духом своей поэзии.

В журнале «Ленинград», в одном из номеров, опубликовано нечто вроде сводки произведений Ахматовой, написанных в период с 1909 по 1944 год. Там наряду с прочим хламом есть одно стихотворение, написанное в эвакуации во время Великой Отечественной войны. В этом стихотворении она пишет о своем одиночестве, которое она вынуждена делить с черным котом. Смотрит на нее черный кот, как глаз столетия. О черном коте Ахматова писала и в 1909 году. Настроения одиночества и безысходности, чуждые советской литературе, связывают весь исторический путь «творчества» Ахматовой.

Что общего между этой поэзией, интересами нашего народа и государства? Ровным счетом ничего. Творчество Ахматовой — дело далекого прошлого; оно чуждо современной советской действительности и не может быть терпимо на страницах наших журналов. Наша литература — не частное предприятие, рассчитанное на то, чтобы потрафлять различным вкусам литературного рынка. Мы вовсе не обязаны предоставлять в нашей литературе место для вкусов и нравов, не имеющих ничего общего с моралью и качествами советских людей. Что поучительного могут дать произведения Ахматовой нашей молодежи? Ничего, кроме вреда. Эти произведения могут только посеять уныние, упадок духа, пессимизм, стремление уйти от насущных вопросов общественной жизни, отойти от широкой дороги общественной жизни и деятельности в узенький мирок личных переживаний. А между тем Ахматову с большой готовностью печатали то в «Звезде», то в «Ленинграде», да еще отдельными сборниками издавали. Это грубая политическая ошибка.

Не случайно ввиду всего этого, что в ленинградских журналах начали появляться произведения других писателей, которые стали сползать на позиции безыдейности и упадничества. Я имею в виду такие произведения, как произведения Садофьева и Комиссаровой. В некоторых своих стихах Садофьев и Комиссарова стали подпевать Ахматовой, стали культивировать настроения уныния, тоски и одиночества, которые так любезны душе Ахматовой.

Нечего и говорить, что подобные настроения и проповедь подобных настроений может оказывать только отрицательное влияние на нашу молодежь, может отравить ее сознание гнилым духом безыдейности, аполитичности, уныния.

А что было бы, если бы мы воспитывали молодежь в духе уныния и неверия в наше дело? А было бы то, что мы не победили бы в Великой Отечественной войне.

Именно потому, что Советское государство и наша партия с помощью советской литературы воспитали нашу молодежь в духе бодрости, уверенности в своих силах, именно поэтому мы преодолели величайшие трудности в строительстве социализма и добились победы над немцами и японцами.

Что из всего это следует? Из этого следует, что журнал «Звезда», помещавший на своих страницах, наряду с произведениями хорошими, идейными, бодрыми, произведениями безыдейные, пошлые, реакционные, стал журналом без направления, стал журналом, помогавшим врагам разлагать нашу молодежь. А наши журналы были всегда сильны своим бодрым, революционным направлением, а не эклектикой, не безыдейностью и аполитицизмом. Пропаганда безыдейности получили равноправие в «Звезде». Мало того, выясняется, что Зощенко приобрел такую силу среди писательской организации Ленинграда, что даже покрикивал на несогласных, грозил критикам прописать в одном из очередных произведений. Он стал чем-то вроде литературного диктатора. Его окружала группа поклонников, создавая ему славу.

Спрашивается, на каком основании? Почему вы допустили это противоестественное и реакционное дело?

Не случайно, что в литературных журналах Ленинграда стали увлекаться современной низкопробной буржуазной литературой Запада. Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителей, а как учеников буржуазно-мещанских литераторов, стали сбиваться на тон низкопоклонства и преклонения перед мещанской иностранной литературой. К лицу ли нам, советским патриотам, такое низкопоклонство, нам, построившим советский строй, который в сто раз выше и лучше любого буржуазного строя? К лицу ли нашей передовой советской литературе, являющейся самой революционной литературой в мире, низкопоклонство перед ограниченной мещанско-буржуазной литературой Запада?

Крупным недостатком работы наших писателей является также удаление от современной советской тематики, одностороннее увлечение исторической тематикой, с одной стороны, а с другой стороны, попытка заняться чисто развлекательными пустопорожними сюжетами. Некоторые писатели в оправдание своего отставания от больших современных советских тем говорят, что настала пора, когда народу надо дать пустоватую развлекательную литературу, когда с идейностью произведений можно не считаться. Это глубоко неверное представление о нашем народе, его запросах, интересах. Наш народ ждет, чтобы советские писатели осмыслили и обобщили громадный опыт, который народ приобрел в Великой Отечественной войне, чтобы они изобразили и обобщили тот героизм, с которым народ сейчас работает над восстановлением народного хозяйства страны после изгнания врагов.

Несколько слов насчет журнала «Ленинград». Тут у Зощенко позиция еще более «прочная», чем в «Звезде», так же, как и у Ахматовой. Зощенко и Ахматова стали активной литературной силой в обоих журналах. Журнал «Ленинград», таким образом, несет ответственность за то, что он предоставил свои страницы таким пошлякам, как Зощенко, и таким салонным поэтессам, как Ахматова.

Но у журнала «Ленинград» есть и другие ошибки.

Вот, например, пародия на «Евгения Онегина», написанная неким Хазиним. Называется эта вещь «Возвращение Онегина». Говорят, что он нередко исполняется на подмостках ленинградской эстрады. Непонятно, почему ленинградцы допускают, чтобы с публичной трибуны шельмовали Ленинград, как это делает Хазин? Ведь смысл всей этой так называемой литературной «пародии» заключается не в пустом зубоскальстве по поводу приключений, случившихся с Онегиным, оказавшимся в современном Ленинграде. Смысл пасквиля, сочиненного Хазиним, заключается в том, что он пытается сравнивать наш современный Ленинград с Петербургом пушкинской эпохи и доказывать, что наш век хуже века Онегина. Приглядитесь хотя бы к

некоторым строчкам этой «пародии». Все в нашем современном Ленинграде автору не нравится. Он злопыхательствует, возводит клевету на советских людей, на Ленинград. То ли дело век Онегина — золотой век, по мнению Хазина. Теперь не то, — появился жилотдел, карточки, пропуска. Девушки, те неземные эфирные создания, которыми раньше восхищался Онегин, стали теперь регулировщиками уличного движения, ремонтируют ленинградские дома и т.д., и т.п. Позвольте процитировать одно только место из этой «пародии»:

*В трамвай садится наш Евгений.
О, бедный, милый человек!
Не знал таких передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдало,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот!»
Он, вспомнив древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман... Но кто-то спер
Уже давно его перчатки,
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих.*

Вот какой был Ленинград и каким он стал теперь: плохим, некультурным, грубым и в каком неприглядном виде он предстал перед бедным, милым Онегиным. Вот каким представил Ленинград и ленинградцев пошляк Хазин.

Дурной, порочный, гнилой замысел у этой клеветнической пародии!

Как же могла редакция «Ленинграда» проглядеть эту злостную клевету на Ленинград и его прекрасных людей?! Как можно пускать Хазиных на страницы ленинградских журналов?!

Возьмите другое произведение — пародию на пародию о Некрасове, составленную таким образом, что она представляет из себя прямое оскорбление памяти великого поэта и общественного деятеля, каким был Некрасов, оскорбление, против которого должен был бы возмутиться всякий просвещенный человек. Однако редакция «Ленинграда» охотно поместила это грязное варево на своих страницах.

Что же мы еще находим в журнале «Ленинград»? Заграничный анекдот, плоский и пошлый, взятый, видимо, из старых затасканных сборников анекдотов конца прошлого столетия. Разве журналу «Ленинград» нечем заполнить свои страницы? Разве не о чем писать в журнале «Ленинград»? Возьмите хотя бы такую тему, как восстановление Ленинграда. В городе идет великолепная работа, город залечивает раны, нанесенные блокадой, ленинградцы полны энтузиазма и пафоса послевоенного восстановления. Написано ли что-нибудь об этом в журнале «Ленинград»? Дождутся ли когда-либо ленинградцы, чтобы их трудовые подвиги нашли отражение на страницах журнала?

Возьмите далее тему о советской женщине. Разве можно культивировать среди советских читателей и читательниц присущие Ахматовой постыдные взгляды на роль и призвание женщины, не давая истинно правдивого представления о современной советской женщине вообще, о ленинградской девушке и женщине-героине, в частности, которые вынесли на своих плечах огромные трудности военных лет, самоотверженно трудятся ныне над разрешением трудных задач восстановления хозяйства?

Как видите, положение дел в ленинградском отделении Союза писателей таково,

что в настоящее время хороших произведений для двух литературно-художественных журналов явно не хватает. Вот почему Центральный Комитет партии решил закрыть журнал «Ленинград» с тем, чтобы сосредоточить все лучшие литературные силы в журнале «Звезда». Это, конечно, не значит, что Ленинград при надлежащих условиях не будет иметь второго или даже третьего журнала. Вопрос решается количеством хороших, высококачественных произведений. Если их появится достаточно много и им не будет хватать места в одном журнале, можно будет создать второй и третий журнал, лишь бы наши ленинградские писатели давали хорошую в идейном и художественном отношении продукцию.

Таковы грубые ошибки и недостатки, вскрытые и отмеченные в постановлении ЦК ВКП(б) относительно работы журналов «Звезда» и «Ленинград».

В чем корень этих ошибок и недостатков?

Корень этих ошибок и недостатков заключается в том, что редакторы названных журналов, деятели нашей советской литературы, а также руководители нашего идеологического фронта в Ленинграде забыли некоторые основные положения ленинизма о литературе. Многие из писателей и из тех, которые работают в качестве ответственных редакторов или занимают важные посты в Союзе писателей, думают, что политика — это дело правительства, дело ЦК. Что касается литераторов, то не их дело заниматься политикой. Написал человек хорошо, художественно, красиво — надо пустить в ход, несмотря на то, что там имеются гнилые места, которые дезориентируют нашу молодежь, отравляют ее. Мы требуем, чтобы наши товарищи, как руководители литературы, так и пишущие, руководствовались тем, без чего советский строй не может жить, т.е. политикой, чтобы нам воспитывать молодежь не в духе наплевизма и безыдейности, а в духе бодрости и революционности.

Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследия прошлого. В области литературы наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Плеханова. Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения. Искусство не может отделить себя от судьбы народа. Вспомните знаменитое «Письмо к Гоголю» Белинского, в котором великий критик со всей присущей ему страстностью бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя. Это письмо Ленин назвал одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранившим громадное литературное значение и по сию пору.

Вспомните литературно-публицистические статьи Добролюбова, в которых с такой силой показано общественное значение литературы. Вся наша русская революционно-демократическая публицистика насыщена смертельной ненавистью к царскому строю и проникнута благородным стремлением бороться за коренные интересы народа, за его просвещение, за его культуру, за его освобождение от пут царского режима. Боевое искусство, ведущее борьбу за лучшие идеалы народа — так представляли себе литературу и искусство великие представители русской литературы. Чернышевский, который из всех утопических социалистов ближе всех подошел к научному социализму и от сочинений которого, как указывал Ленин, «веяло духом классовой борьбы», — учил тому, что задачей искусства является, кроме познания жизни, еще и задача научить людей правильно оценивать те или иные общественные явления. Ближайший его друг и соратник Добролюбов указывал, что «не жизнь идет

по литературным нормам, а литература применяется сообразно направлениям жизни», и усиленно пропагандировал принципы реализма и народности в литературе, считая, что основой искусства является действительность, что она является источником творчества и что искусство имеет активную роль в общественной жизни, формируя общественное сознание. По Добролюбову, литература должна служить обществу, должна давать народу ответы на самые острые вопросы современности, должна быть на уровне идей своей эпохи.

Марксистская литературная критика, являющаяся продолжательницей великих традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова, всегда была поборницей реалистического, общественно направленного искусства. Плеханов много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу.

В. И. Ленин первый оформил с предельной четкостью отношение передовой общественной мысли к литературе и искусству. Я напомню вам известную статью Ленина «Партийная организация и партийная литература», написанную в конце 1905 года, в которой он с присущей ему силой показал, что литература не может быть беспартийной, что она должна быть важной составной частью общего пролетарского дела. В этой статье Ленина заложены все основы, на которых базируется развитие нашей советской литературы. Ленин писал:

«Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой,— социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...»

И далее, в той же статье:

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Ленинизм исходит из того, что наша литература не может быть аполитичной, не может представлять собой «искусство для искусства», а призвана осуществлять важную передовую роль в общественной жизни. Отсюда исходит ленинский принцип партийности литературы — важнейший вклад В. И. Ленина в науку о литературе.

Следовательно, лучшая традиция советской литературы является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным.

Некрасов называл свою поэзию «музой мести и печали». Чернышевский и Добролюбов рассматривали литературу как святое служение народу. Лучшие представители российской демократической интеллигенции в условиях царского строя гибли за эти благородные высокие идеи, шли на каторгу, в ссылку. Как же можно забыть эти славные традиции? Как можно пренебречь ими, как можно допустить, чтобы ахматовы и зощенки протаскивали реакционный лозунг «искусства для искусства», чтобы, прикрываясь маской безыдейности, навязывали чуждые советскому народу идеи?!

Ленинизм признает за нашей литературой огромное общественно-преобразующее значение. Если бы наша советская литература допустила снижение этой своей огромной воспитательной роли — это означало бы развитие вспять, возврат «к каменному веку».

Товарищ Сталин назвал наших писателей инженерами человеческих душ. Это определение имеет глубокий смысл. Оно говорит об огромной ответственности советских писателей за воспитание людей, за воспитание советской молодежи, за недопущение брака в литературной работе.

Некоторым кажется странным, почему ЦК принял такие крутые меры по литературному вопросу? У нас не привыкли к этому. Считают, что если допущен брак в производстве или не выполнена производственная программа по ширпотребу или не выполнен план заготовок леса,— то объявить за это выговор — естественное дело (одобрительный смех в зале), а вот если допущен брак в отношении воспитания человеческих душ, если допущен брак в деле воспитания молодежи, то здесь можно и потерпеть. Между тем, разве это не более горшая вина, чем невыполнение производственной программы или срыв производственного задания? Своим решением ЦК имеет в виду подтянуть идеологический фронт ко всем другим участкам нашей работы.

За последнее время на идеологическом фронте обнаружилось большие прорывы и недостатки. Достаточно напомнить вам об отставании нашего киноискусства, о засорении недоброкачественными произведениями нашего театрально-драматического репертуара, не говоря о том, что произошло в журналах «Звезда» и «Ленинград». ЦК вынужден был вмешаться и решительно поправить дело. Он не имел права смягчать своего удара против тех, кто забывает свои обязанности по отношению к народу, по отношению к воспитанию молодежи. Если мы хотим повернуть внимание нашего актива к вопросам идеологической работы и навести здесь порядок, дать ясное направление в работе, мы должны остро, как подобает советским людям, как подобает большевикам, раскритиковать ошибки и недостатки идеологической работы. Только тогда мы сумеем поправить дело.

Иные литераторы рассуждают так: поскольку за время войны народ изголодался по литературе, книг выпускали мало, постольку читатель проглотит любой товар, хотя бы и с гнильцой. А между тем это совсем не так, и мы не можем терпеть всякую литературу, какая будет подсовываться нам неразборчивыми литераторами, редакторами, издателями. Советский народ ждет от советских писателей настоящего идейного вооружения, духовной пищи, которая помогла бы выполнению планов великого строительства, выполнению планов восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства нашей страны. Советский народ предъявляет высокие требования к литераторам, хочет удовлетворения своих идейных и культурных запросов. Во время войны в силу обстановки мы не могли обеспечить этих насущных потребностей. Народ хочет осмыслить происходящие события. Его идейный и культурный уровень вырос. Он зачастую не удовлетворяется качеством тех произведений литературы и искусства, которые у нас появляются. Этого не поняли и не хотят понимать некоторые работники литературы, работники идеологического фронта.

Уровень требований и вкусов нашего народа поднялся очень высоко, и тот, кто не хочет или неспособен подняться до этого уровня, будет оставлен позади. Литература призвана не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа, но более того, — она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед. Тот, кто неспособен идти в ногу с народом, удовлетворить его возросшие требования, быть на уровне задач развития советской культуры, неизбежно выйдет в тираж.

Из недостатка идейности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» вытекает и вторая крупная ошибка. Она заключается в том, что некоторые наши ру-

ководящие работники поставили во главу угла своих отношений с литераторами не интересы политического воспитания советских людей и политического направления литераторов, а интересы личные, приятельские. Говорят, что многие вредные в идейном и слабые в художественном отношении произведения допускаются в печать в силу нежелания обидеть того или иного писателя. С точки зрения подобных работников лучше поступить интересами народа, интересами государства ради того, чтобы кого-либо не обидеть. Это совершенно неправильная и политически ошибочная установка. Это — все равно, что променять миллион на грош.

Центральный Комитет партии в своем решении указывает на величайший вред подмены принципиальных отношений в литературе отношениями приятельскими. Беспринципные приятельские отношения в среде некоторых наших литераторов сыграли глубоко отрицательную роль, повели к снижению идейного уровня многих литературных произведений, облегчили доступ в литературу чуждым советской литературе людям. Отсутствие критики со стороны руководителей идеологического фронта в Ленинграде, со стороны руководителей ленинградских журналистов, подмена принципиальных отношений приятельскими отношениями за счет интересов народа принесли величайший вред.

Товарищ Сталин учит нас, что, если мы хотим сохранить кадры, учить и воспитывать их, мы не должны бояться обидеть кого-либо, не должны бояться принципиальной, смелой, откровенной и объективной критики. Без критики любая организация, в том числе и литературная, может загнить. Без критики любую болезнь можно загнать вглубь, и с ней труднее будет справиться. Только смелая и открытая критика помогает совершенствоваться нашим людям, побуждает их идти вперед, преодолевать недостатки своей работы. Там, где нет критики, там укореняется затхлость и застои, там нет места движению вперед.

Товарищ Сталин неоднократно указывает на то, что важнейшим условием нашего развития является необходимость того, чтобы каждый советский человек подводил итог своей работы за каждый день, безбоязненно проверял бы себя, анализировал свою работу, мужественно критиковал свои недостатки и ошибки, обдумывал бы, как добиться лучших результатов своей работы и непрерывно работал бы над своим совершенствованием. К литераторам это относится в такой же мере, как и к любым другим работникам. Тот, кто боится критики своей работы, тот презренный трус, не достойный уважения со стороны народа. (Бурные аплодисменты.)

Некритическое отношение к своей работе, подмена принципиальных отношений к литераторам приятельскими широко распространены и в Правлении Союза советских писателей. Правление Союза и, в частности, его председатель т. Тихонов повинны в том неблагополучии, которое вскрыто в журналах «Звезда» и «Ленинград», повинны в том, что они не только не поставили преграды проникновению в советскую литературу вредных влияний Зощенко, Ахматовой и других несоветских писателей. Но и попустительствовали проникновению в наши журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

В недостатках ленинградских журналов сыграла свою роль и та система безответственности, которая сложилась в руководстве журналами при том положении в редакциях ленинградских журналов, когда неизвестно кто отвечал за журнал в целом и за его отделы, когда не могло быть элементарного порядка. Этот недостаток необходимо исправить. Вот почему Центральный Комитет своим постановлением назначил главного редактора журнала «Звезда», который должен отвечать за направление журнала, за высокие идейные и художественные качества произведений, помещаемых в журнале.

В журналах, как и в любом деле, нетерпимы беспорядок и анархия. Нужна четкая ответственность за направление журнала и содержание публикуемых материалов.

Вы должны восстановить славные традиции ленинградской литературы и ленинградского идеологического фронта. Горько и обидно, что журналы Ленинграда, которые всегда были рассадниками передовых идей, передовой культуры, стали прибежищем безыдейности и пошлости. Надо восстановить честь Ленинграда, как передового идеологического и культурного центра. Надо помнить, что Ленинград бы колыбелью большевистских ленинских организаций. Здесь Ленин и Сталин заложили основы большевистской партии, основы большевистского мировоззрения, большевистской культуры.

Дело чести ленинградских писателей, ленинградского партийного актива состоит в том, чтобы восстановить и развить далее эти славные традиции Ленинграда. Задача работников идеологического фронта в Ленинграде и в первую голову писателей заключается в том, что изгнать из ленинградской литературы безыдейность и пошлятину, чтобы высоко поднять знамя передовой советской литературы, чтобы не упустить ни одной возможности для своего идейного и художественного роста, не отстать от современной тематики, не отстать от требований народа, всячески развивать смелую критику своих недостатков, критику не подхалимскую, не групповую и приятельскую, а настоящую, смелую и независимую, идейную большевистскую критику.

Товарищи, теперь для вас должно быть ясно, какой грубый промах был допущен Ленинградским городским комитетом партии, в особенности его отделом пропаганды и агитации с секретарем по пропаганде Широковым, который был поставлен во главе идеологической работы и на которого в первую очередь ложится ответственность за провал журналов. Ленинградский комитет партии допустил грубую политическую ошибку, приняв в конце июня месяца решение о новом составе редакции журнала «Звезда», в который был введен и Зоценко. Только политической слепотой можно объяснить, что секретарь горкома партии Капустин и секретарь горкома по пропаганде Широков провели такое ошибочное решение. Повторяю, что все эти ошибки нужно как можно скорее и решительнее исправить с тем, чтобы восстановить роль Ленинграда в идейной жизни нашей партии.

Все мы любим Ленинград, все мы любим нашу ленинградскую партийную организацию как один из передовых отрядов нашей партии. В Ленинграде не должно быть прибежища для разных примазавшихся литературных проходимцев, которые хотят использовать Ленинград в своих целях. Для Зоценко, Ахматовой и им подобных Ленинград советский не дорог. Они хотят видеть в нем олицетворение иных общественно-политических порядков и иной идеологии. Старый Петербург, Медный всадник, как образ этого старого Петербурга,— вот что маячит перед их глазами. А мы любим Ленинград советский, Ленинград как передовой центр советской культуры. Славная когорта великих революционных и демократических деятелей, вышедших из Ленинграда,— это наши прямые предки, от которых мы ведет свою родословную. Славные традиции современного Ленинграда есть продолжение развития этих великих революционных демократических традиций, которые мы ни на что другое не сменяем. Пусть ленинградский актив смело, без оглядки назад, без «поддрессирования» проанализирует свои ошибки, чтобы как можно лучше и быстрее выправить дело и двинуть нашу идейную работу вперед. Ленинградские большевики должны вновь занять свое место в рядах застрельщиков и передовиков в деле формирования советской идеологии, советского общественного сознания. (Бурные аплодисменты.)

Как могло случиться, что Ленинградский горком партии допустил такое положение на идеологическом фронте? Очевидно, он увлекся текущей практической работой по восстановлению города, по подъему его промышленности и забыл о значении идейно-воспитательной работы, и это забвение дорого обошлось ленинградской организации. Нельзя забывать идейную работу! Духовные богатства наших людей не

менее важны, чем материальные. Нельзя жить вслепую, не заботясь о завтрашнем дне не только в области материального производства, но и в области идеологической. Наши советские люди выросли настолько, что не будут «глотать» всякую духовную продукцию, какую бы им ни подсунили. Работники культуры и искусства, которые не перестроятся и не смогут удовлетворить выросших потребностей народа, могут быстро потерять доверие народа.

Товарищи, наша советская литература живет и должна жить интересами народа, интересами родины. Литература — это родное для народа дело. Вот почему каждый ваш успех, каждое значительное произведение народ рассматривает как свою победу. Вот почему каждое удачное произведение можно сравнивать с выигранным сражением или с крупной победой на хозяйственном фронте. Наоборот, каждая неудача в советской литературе глубоко обидна и горька народу, партии, государству. Именно это имеет в виду постановление ЦК, который заботится об интересах его литературы и крайне обеспокоен положением дела у ленинградских писателей.

Если безыдейные люди хотят лишить ленинградский отряд работников советской литературы его основы, хотят подорвать идейную сторону их работы, лишить творчество ленинградских писателей его общественного преобразующего значения, то Центральный Комитет надеется, что ленинградские литераторы найдут в себе силы положить предел всем попыткам увести литературный отряд Ленинграда, его журналы в русло безыдейности, беспринципности, аполитичности. Вы поставлены на передовую линию фронта идеологии, у вас огромные задачи, имеющие международное значение, и это должно поднять чувство ответственности каждого подлинного советского литератора перед своим народом, государством, партией, сознание важности исполняемого долга.

Буржуазному миру не нравятся наши успехи как внутри нашей страны, так и на международной арене. В итоге Второй мировой войны укрепились позиции социализма. Вопрос о социализме поставлен в порядке дня во многих странах Европы. Это не нравится империалистам всех мастей, они боятся социализма, боятся нашей социалистической страны, которая является образцом для всего передового человечества. Империалисты, их идейные прислужники, их литераторы и журналисты, их политики и дипломаты всячески стараются оклеветать нашу страну, представить ее в неправильном свете, оклеветать социализм. В этих условиях задача советской литературы заключается не только в том, чтобы отвечать ударом на удары против всей этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растреления.

В какую бы внешне красивую форму ни было облечено творчество модных современных буржуазных западноевропейских и американских литераторов, а также кинорежиссеров и театральных режиссеров, все равно им не спасти и не поднять своей буржуазной культуры, ибо моральная основа у нее гнилая и тлетворная, ибо эта культура поставлена на службу частнокапиталистической собственности, на службу эгоистическим, корыстным интересам буржуазной верхушки общества. Весь сонм буржуазных литераторов, кинорежиссеров, театральных режиссеров старается отвлечь внимание передовых слоев общества от общих вопросов политической и социальной борьбы и отвести внимание в русло пошлой безыдейной литературы и искусства, наполненных гангстерами, девицами из варьете, восхвалением адюльтера и похождениями всяких авантюристов и проходимцев.

К лицу ли нам, представителям передовой советской культуры, советским патриотам, роль преклонения перед буржуазной культурой или роль учеников?! Конечно, наша литература, отражающая строй более высокий, чем любой буржуазно-демократический строй, культуру во много раз более высокую, чем буржуазная куль-

тура, имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали. Где вы найдете такой народ и такую страну, как у нас?! Где вы найдете такие великолепные качества людей, какие проявил наш советский народ в Великой Отечественной войне и какие он каждый день проявляет в трудовых делах, перейдя к мирному развитию и восстановлению хозяйства и культуры! Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны.

Показать эти новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперед — такова задача каждого добросовестного советского писателя. Писатель не может плестись в хвосте событий, он обязан идти в передовых рядах народа, указывая народу путь его развития. Руководствуясь методом социалистического реализма, добросовестно и внимательно изучая нашу действительность, стараясь глубже проникнуть в сущность процессов нашего развития, писатель должен воспитывать народ и вооружать его идейно. Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день, мы должны показать в то же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперед. Советские писатели должны помочь народу, государству, партии воспитать нашу молодежь бодрой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей.

Как бы буржуазные политики и литераторы ни старались скрыть от своих народов правду о достижениях советского строя и советской культуры, как бы они ни пытались воздвигнуть железный занавес, за пределы которого не могла бы проникнуть за границу правда о Советском Союзе, как бы они ни тщились умалить действительный рост и размах советской культуры — все эти попытки обречены на провал. Мы очень хорошо знаем силу и преимущество нашей культуры. Достаточно напомнить потрясающие успехи наших культурных делегаций за границей, наш физкультурный парад и т.д. Нам ли низкопоклонничать перед всей иностранщиной или занимать пассивно оборонительную позицию.

Если феодальный строй, а затем буржуазия в период своего расцвета могли создать искусство и литературу, утверждающие становление нового строя и воспевающие его расцвет, то нам, строю новому, социалистическому, представляющему из себя воплощение всего, что есть лучшего в истории человеческой цивилизации и культуры, тем более по плечу создание самой передовой в мире литературы, которая оставит далеко позади самые лучшие образцы творчества старых времен.

Товарищи, чего требует и хочет Центральный Комитет? Центральный Комитет партии хочет, чтобы ленинградский актив и ленинградские писатели хорошо поняли, что наступило время, когда необходимо поднять на высокий уровень нашу идейную работу. Молодому советскому поколению предстоит укрепить силу и могущество социалистического строя, полностью использовать движущие силы советского общества для нового невиданного расцвета нашего благосостояния и культуры. Для этих великих задач молодое поколение должно быть воспитано стойким, бодрым, не боящимся препятствий, идущим навстречу этим препятствиям и умеющим их преодолевать. Наши люди должны быть образованными, высокоидейными людьми, с высокими культурными, моральными требованиями и вкусами. Для этой цели нам нужно, чтобы литература наша, журналы наши не стояли в стороне от задач современности, а помогали бы партии и народу воспитывать молодежь в духе беззаветной преданности советскому строю, в духе беззаветного служения интересам народа.

Советские писатели и все наши идеологические работники поставлены сейчас на

передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а, наоборот, вырастают задачи идеологического фронта и в первую голову литературы. Народ, государство, партия хотят не удаления литературы от современности, а активного вторжения литературы во все стороны советского бытия. Большевики высоко ценят литературу, отчетливо видят ее великую историческую миссию и роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа. Центральный Комитет партии хочет, чтобы у нас было изобилие духовной культуры, ибо в этом богатстве культуры он видит одну из главных задач социализма.

Центральный Комитет партии уверен, что ленинградский отряд советской литературы, морально и политически здоровый, быстро выправит свои ошибки и займет подобающее место в рядах советской литературы.

ЦК уверен, что недостатки в работе ленинградских писателей будут преодолены и что идейная работа ленинградской партийной организации в самый кратчайший срок будет поднята на такую высоту, какая нужна сейчас в интересах партии, народа, государства. (Бурные аплодисменты. Все встают.)

(Печатается по тексту газеты «Правда» от 21 сентября 1946 года)

От редакции: Много лет назад Альбер Камю в своей нобелевской лекции наиболее четко определил взаимоотношение (любой) власти и художника в том смысле, что, разумеется, и речи не может идти о том, что последний должен быть исправным слугой власти имущей. Но... все мы плывем в одной лодке, и, хотя многое не нравится власти и художнику друг в друге, но плыть-то все равно в одном направлении.

Именно из этого мы и исходим, открывая новую рубрику нашего журнала. Причем предлагаем читателю не комментарии, а именно сами документы эпохи, которыми столь богата русская литература XX века. Этим снимается эффект навязчивости и дается простор собственному читательскому осмыслению; на какой бы социально-политической ступени современной общественной лестницы он не находился.

Открываем же рубрику документом, о котором все, исключая, по-видимому, последнее по времени *«поколение некст»*, много слышали, но который почти никто не читал. Так и получилось, что с точностью до наоборот реализовалась известная байка диссидентов 60-х годов: «Я, товарищи, Пастернака не читал, конечно, но все написанное им не одобряю». Или что-то в этом роде.

...И задача этой рубрики: дать читателям первичный материал, иллюстрирующий непростые взаимоотношения власти и отечественной литературы. И не все только в прошлом. Будут новые времена, новые документы эпохи. Это и есть преемственность течения жизни и характеризующего ее литературного процесса. Надо понимать и государство-власть, особенно если оно реализует социально ориентированную идею.

О НАС ПИШУТ. ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

«Тула — город литературный, здесь издается несколько своих, отличающихся весьма высоким качеством публикуемых в них материалов, литературно-художественных журналов, среди которых, в первую очередь, следует назвать такие, как известный в России, Болгарии и ряде других стран журнал «Прикосновение», а также выходящий под эгидой Тульской писательской организации СП России ежеквартальник «Приокские зори». Кроме того, здесь время от времени выходят альманахи, газеты с литературными страницами, а также другие издания и книги местных авторов...» — так начинается большая, в полноформатную полосу обзорная статья Николая Переяслова (кстати, автора нашего журнала — см. «ПЗ», № 1, 2007) «Хроника писательской жизни», опубликованная в солидной общероссийской литературной газете «День литературы» (главный редактор В. Бондаренко) № 11(123), ноябрь, 2006 г. С. 2.

Скромно — но спасибо! Правда, следовало бы отметить, что «Приокские зори» не «а также», а полноформатный, единственный в Туле регулярно выходящий межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал, издающийся как орган Союза писателей России — его структурного подразделения: Тульской писательской организации, имеющий действенную редколлегию, состоящую из известных писателей, поэтов, публицистов из Тулы, Москвы, Коломны, Белева, Новомосковска.

Впрочем — это к слову; главное — нас уже знают, а сделать журнал всероссийски известным — дело редколлегии и особенно авторов.

А теперь, пользуясь поводом и случаем, обратимся к нынешним и потенциальным авторам «Приокских зорь» и его читателям.

Уважаемые коллеги по литературному цеху! Нет такого солдата, который не мечтал бы стать генералом... Истина, равно применимая и к творческим людям. Серьезным шагом здесь является издание собственных книг, что активно и делают многие тульские литераторы, как объединенные в творческие союзы, так и самостоятельные авторы. Это похвально, особенно в наше нелегкое для литературы (впрочем и для всех других отраслей деятельности, кроме делания денег из воздуха и эксплуатации менее напористых) время.

Но надо и понимать психологию читателя. Берет он в руки изданную в Туле или райцентре книгу и порой ворчит: самиздат, дескать...

Именно поэтому редколлегия журнала, имея в виду и собственный интерес, предлагает авторам будущих книг ставить на титульном листе и в библиографическом описании («каталожной карточке»), как говорят профессионалы библиотечного и издательского дела) слова: «Библиотека журнала «Приокские зори»». Здесь читатель уже задумается. А это уже хорошо.

А журнал таким образом постепенно создаст неформальный «клуб друзей». Авторам же книг из «Библиотеки...» мы гарантируем предоставление страниц «Приокских зорь» для сообщений об издании, рецензий, отзывов, а главное — карт-бланш для публикации (в разумном объеме) материалов свежеезданных книг. Одна просьба: согласовывать с редакцией вхождение книги в «Библиотеку» перед ее изданием.

Редколлегия журнала

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия журнала «Приокские зори» сердечно поздравляет первого заместителя главного редактора, ответственного секретаря Тульской писательской организации Союза писателей России, одного из ведущих русских поэтов современности, лауреата различных литературных премий Виктора Федоровича Пахомова с 75-летием и желает ему еще многих творческих успехов, здоровья и оптимизма в нашей нелегкой жизни.

Поздравляем члена редакции нашего журнала, члена Союза писателей России, руководителя Новомосковского литературного объединения (НЛО), талантливую русскую поэтессу Валентину Викторовичу Кирееву с награждением ее золотой медалью «Во имя жизни на земле» Международного благотворительного общественного движения «Добрые люди мира — 2007».

Поздравляем авторов «Приокских зорь» — победителей литературного конкурса «Память Победы под Тулой»: члена Союза писателей России Марка Самойловича Дубинского за рукопись романа «Наследники» — первое место и известного тульского военного историка Николая Наумовича Дронова за историческое исследование — книгу «Правда о полководцах» (Тула, «Гриф и К», 2006) — второе место.

Поздравляем Ирину Евгеньевну Гриневу с Юбилеем. Творческих успехов!